

Строительство химико-металлургического завода, объекта «В», было далеко от завершения. В марте 1948 года принято решение об организации опытно-промышленного производства в здании, которое ранее использовалось как склад боеприпасов.

На временных производственных площадях предполагалось не только начать переработку и выпуск продукта, но и, проверив на весомых количествах разные технологические варианты, выбрать оптимальный. Так, одновременно с формированием работ по цеху № 1 началась реконструкция здания № 9.

Отремонтированное здание № 9 было оборудовано как обычная химлаборатория: деревянными вытяжными шкафами, простыми лабораторными столами. Зато переносное «оборудование» состояло из платиновых стаканов, золотых воронок, платиновых фильтров. Все операции выполнялись вручную, никакой механизации. Не предусматривалось и специальных приспособлений для работы с радиоактивными веществами. Многие еще предстояло понять, многое постичь через пот, кровь, потери.

Первый «продукт» — концентрат плутония, предварительно очищенный от основной массы урана и продуктов деления на заводе 25, поступил на переработку 26 февраля 1949 года, в 12 часов ночи. Первую партию принимали начальник цеха Я. А. Филипцев, начальник химотделения И. П. Мартынов в присутствии Б. Г. Музрукова, Г. В. Мищенко, академика И. И. Черняева.

Растворы привозили на машине в металлических контейнерах, затем разливали в «стаканы» (за что этот период работы химотделения здания № 9 И. И. Черняев назвал «стаканным»). А затем в «стаканах» проводились и дальнейшие операции.

Задачи перед коллективом стояли сложные: в результате исследований, проведенных в Москве на миллиграммовых количествах реального продукта, были разработаны два варианта (а мы знаем, когда предлагается несколько вариантов, среди них нет ни одного безусловного).

Первоначальный выбор остановили на том, который давал более высокое качество конечного продукта. Позднее, Славским была организована исследовательская группа под

руководством А. Д. Гельман, в состав которой вошли П. Е. Быкова, Л. П. Сохина, Е. А. Смирнова и другие, которая, проверив и второй вариант, не только решила спор в пользу первого, но и разработала по нему рекомендации с целью повышения выхода плутония.

Освоение процесса шло трудно. Дело осложнялось тем, что с 25-го завода часто приходил некондиционный продукт, большое количество примесей осложняло отработку аффинажного процесса. Остроты в ситуацию добавляли предельно сжатые сроки.

Первыми начальниками смен в химотделении были назначены выпускницы Горьковского и Воронежского университетов Ф. А. Захарова, А. С. Кострюкова, М. Я. Трубочанинова, А. А. Быстрова. Первые операции проводили инженеры Т. И. Николаева, Н. И. Скрябина, Л. П. Турдазова, Л. П. Зенькович, З. Г. Моденова.

«Анализируя начало работы атомного предприятия спустя десятки лет, — размышляет Л. П. Сохина, — можно определенно сказать, что если реакторное производство и металлургию плутония освоили и подняли мужчины (женщин-физиков и металлургов было мало), то химическую технологию выделения плутония из облученных урановых блоков и очистку плутония до спектрально чистого состояния вынесли на своих плечах в основном женщины, молодые девушки. При этом надо сказать, что на химиках лежала самая неблагоприятная, самая «грязная» и вредная работа».

Нередко на рабочие места аппаратчиков становились сами ученые, стараясь вникнуть в суть возникающих проблем.

Неожиданности подстерегали на каждом шагу: то оксалат плутония начинал гореть пламенем в сушильном шкафу, то осадки пироксида разлагались с выбросом раствора из стакана, то оксалат плутония никак не хотел осаждаться. Технологам при затруднении разрешалось в любое время суток приходиться для консультации с учеными в «домик академиков», благо жили они в ста метрах от здания № 9. А. А. Бочвар, И. И. Черняев, А. Д. Гельман, В. Д. Никольский, А. Н. Вольский были добрыми наставниками молодежи, обращались со всеми работниками цеха без начальствующих ноток, по-товарищески.

Не обошлось и без аварий, одна из которых произошла в смену М. Я. Трубчаниновой при переработке металлургических шлаков. Л. П. Сохина и Л. Е. Драбкина под руководством И. И. Черняева разрабатывали технологию извлечения плутония из шлаков.

Шлаки измельчали, обрабатывали их водой для удаления из осадка солей кальция и бария, а черный осадок отфильтровывали. Его затем должны были растворять в серной кислоте. Было замечено, что по мере высыхания осадок начинал искрить при перемешивании его стеклянной палочкой. Узнав об этом, Черняев рекомендовал влажный осадок осторожно переносить в кварцевую колбу, прокаливать в тюке углекислого газа и только после этого с ним работать. При осторожном перенесении влажного осадка в прокалочную емкость все было благополучно. Половину черного осадка перенесли в колбу и прокалили до двуокиси плутония в токе углекислого газа, который использовали для снижения концентрации кислорода. Я. А. Филиппев предложил технологю А. В. Елькиной, предварительно растерев комочки осадка, загружать в колбу большими порциями. И вот в момент растирания произошел взрыв. Вытяжной шкаф загорелся. Раскаленные частицы вещества разлетелись по всему помещению, стены, потолки были покрыты зеленым осадком. На головы присутствующих как крупа сыпались частички продукта. Я. А. Филиппеву осадок попал в глаз, а А. В. Елькина получила ожог рук.

Надев противогазы, А. А. Бочвар и И. П. Мартынов самым тщательным образом с помощью фильтровальной бумаги убрали весь плутониевый раствор со стен, потолка, с остатков вытяжного шкафа. Несколько бачков фильтровальной бумаги, содержащей различные количества плутония, пришлось потом сжигать и уже из золы извлекать продукт.

Полтора месяца напряженного труда в сложных условиях дали результат — технология очистки была доработана и позволила получить спектрально чистую двуокись плутония, из которой в металлургическом отделении под руководством А. А. Бочвара и А. Н. Вольского, при участии В. А. Карлова, Н. Я. Ермолаева, В. С. Носова 16 апреля был получен металлический плутоний.

АТОМНАЯ БОМБА

К началу июня 1949 года в Арзамас-16 завершилась отработка элементов конструкции первой атомной бомбы. Одновременно в Челябинске-40 было накоплено необходимое количество металлического плутония. Там же изготовили детали основного заряда. Остался последний этап разработки атомной бомбы — ее испытание на полигоне.

Незадолго до первого взрыва Сталин в присутствии Берии и Курчатова заслушал доклады руководителей основных работ о подготовке к испытаниям. Специалисты приглашались в кабинет по одному, и Сталин внимательно выслушивал каждого. Первое сообщение сделал Курчатov, затем Харитон. Сталин спросил Харитона: «Нельзя ли вместо одной бомбы из имеющегося для заряда количества плутония сделать две, хотя и более слабые? Чтобы одна оставалась в запасе».

Харитон, имея в виду, что наработанное количество плутония как раз соответствует заряду, изготавливаемому по американской схеме, и излишний риск недопустим, ответил отрицательно.

Во время доклада, вопреки легенде, никаких показов плутониевого шарика Сталину не было. С места своего изготовления в Челябинске-40 плутониевый шарик был доставлен сначала в Арзамас-16, а затем на семипалатинский полигон. Красивая легенда сложилась в аппарате Берии, где приведенный эпизод со Сталиным объединили с эпизодом, о котором рассказал А. П. Александров.

Когда в Челябинске-40 он покрывал никелиевой пленкой плутониевые полушария для первой бомбы, к нему приехали несколько генералов, стали спрашивать, откуда он взял эти полушария и действительно ли это плутоний, а не железка какая-то. Александров сказал: «Смотрите, он же теплый. Он радиоактивный и сам себя греет». Постепенно их убедил, что это действительно плутоний...

Решение о строительстве ядерного полигона было принято Советом Министров СССР в 1947 году. Выбор площадки для полигона пал на казахстанскую степь в ста двадцати километрах от Семипалатинска. Летом 1947 года началось его строительство военно-строительными частями.

Весь 1948 год на опытном поле саперы строили блиндажи, рыли окопы, готовили места для размещения подопытных животных, сооружали здания, укрытия для объектов испытания.

Непрерывным потоком шли из Семипалатинска к строящемуся полигону автоколонны со всеми необходимыми материалами.

Грузы перевозились и самолетами, которые базировались на созданном там аэродроме.

Весной 1949 года полигон был готов к испытанию атомного оружия. И. В. Курчатов осмотрел подготовленные к испытанию сооружения.

Издалека была видна тридцатиметровая металлическая вышка, на которой должен быть установлен заряд. Рядом с вышкой, буквально в двадцати метрах находилось производственное здание из железобетонных конструкций, оснащенное всем необходимым оборудованием для окончательного снаряжения заряда атомной бомбы.

В 200—300 метрах от вышки на глубине 15—30 метров были сооружены отрезки тоннелей метро. В 800 метрах находились два Трехэтажных дома, в километре — участок железной дороги с металлическим мостом, грузовым вагоном и цистерной с горючим. В 1200 метрах от центра будущего взрыва соорудили отрезок шоссейной дороги с железобетонным мостом. В полутора километрах от вышки построили здание электростанции с двумя дизель-генераторами, в направлении от центра возвели линию элект-

ропередач длиной два километра.

На различных расстояниях от центра находились отрезки взлетно-посадочных аэродромных полос из железобетона и металлических щитов.

Для исследования воздействия ударной волны и светового излучения ядерного взрыва по всему полю было расставлено множество самолетов различных конструкций, танков, артиллерийских и ракетных установок, корабельных надстроек и боеприпасов.

На расстоянии километра и далее через каждые пятьсот метров были установлены десять легковых автомобилей «Победа».

В 500—2500 метрах от эпицентра соорудили окопы, землянки, доты, дзоты и другие фортификационные постройки.

В бронемашинах, убежищах и на открытых площадках размещались подопытные животные: собаки, овцы, свиньи, крысы и даже верблюды.

С целью изучения воздействия проникающего излучения на продукты питания на открытом поле разместили консервы, колбасы, шоколад, напитки и многое другое.

Была установлена скоростная и обычная киноаппаратура для проведения съемок во время атомного взрыва.

С середины июля 1949 года Государственная комиссия под председательством М. Г. Первухина начала приемку объектов полигона.

10 августа полигон был готов к работе полностью, на нем к тому времени уже находился шаровой заряд, доставленный на четырех самолетах.

Прибыли члены Государственной комиссии: Курчатов (председатель), Завенягин, Павлов, Александров, Харитон.

Руководителем испытания был назначен Харитон, а его заместителем — Щелкин. Им предоставлялось право единоличного решения всех организационных вопросов.

14, 18 и 22 августа провели три генеральных репетиции испытания. Они оказались успешными. Поэтому руководство испытаниями приняло решение произвести взрыв первой атомной бомбы 29 августа 1949 года в семь часов утра местного времени.

Цикл подготовки к испытаниям занимал трое суток, по-

этому 26 августа в восемь часов утра началась сборка боевого заряда. В половине пятого утра 29 августа начат подъем заряда на башню.

В пять часов сорок минут утра 29 августа снаряжение заряда завершено. Последним подготовленную к испытаниям атомную бомбу покинул К. И. Щелкин.

В течение месяца стояла сухая жаркая погода. Однако к вечеру 28 августа подул сильный ветер, резко похолодало, небо покрылось тучами, заморосил мелкий дождь. Не изменилась погода и наутро.

По проекту укрытия командного пункта имели обращенные на поле амбразуры, через которые предполагалось наблюдать за развитием взрыва. Но в последние дни в целях безопасности амбразуры засыпали. Даже перископом во время взрыва пользоваться было запрещено. Возможность наблюдения за взрывом с командного пункта ликвидировали.

Входные бронированные двери укрытий закрывались надежными сейфовыми замками. Все отошли от стен и, встав посреди комнат, замерли в ожидании того, что вот-вот могло произойти.

Диктор сообщал:

- Осталось десять секунд.
- Осталось пять секунд.
- 4.
- 3.
- 2.
- 0!..

Через две-три секунды после слова ноль раздался резкий толчок под ногами, слабое вздрагивание здания — все стихло. Вдруг последовал оглушительной силы удар, треск и звон от каких-то ломающихся и разбивающихся предметов. Только потом люди в бункере сообразили, что эти звуки доносились снаружи. Невообразимый грохот стоял несколько секунд, затем все стихло. Люди продолжали стоять молча, словно загипнотизированные. И вдруг загомонили все разом, открыли дверь и высыпали за здание КП поглядеть, что же произошло на испытательном поле.

На том месте, где была башня, поднимался в облаке огромный пылегазовый столб.

Руководители испытаний во главе с Берией, выйдя из командного пункта, обнимались и целовались, поздравляя друг друга с успехом.

Берия обратился к Курчатову с предложением, чтобы этому ядерному заряду, который так здорово сработал, дали название. Игорь Васильевич ответил, что название уже есть, и крестный отец — К. И. Щелкин.

Название заряд получил РДС-1 по начальным буквам слов «Россия делает сама».

На другой день, 30 августа 1949 года, состоялась поездка на опытное поле, где участники испытаний увидели страшную картину.

Железнодорожный и шоссейный мосты были искорежены и отброшены со своего места на 20—30 метров. Вагоны и автомашины были разбросаны по степи на расстояние 50—80 метров от места установки.

Жилые дома городского типа оказались разрушенными полностью.

Танки лежали на боку со сбитыми башнями, пушки превратились в груды искореженного металла, сгорели все десять автомашин «Победа».

* * *

Так закончилась эпопея, длившаяся несколько лет и вовлекшая в свою орбиту сотни тысяч людей по всей стране. Работа колоссального напряжения, начинавшаяся с нуля и на пустом месте, при полном отсутствии опыта и необходимых знаний увенчалась блестящим успехом. В нашей стране была создана первая атомная бомба с мощностью взрыва, эквивалентной 20 тысячам тонн тротила. Был положен конец атомной монополии США, снижена опасность возникновения третьей мировой войны.

Через два месяца после испытания вышло закрытое постановление Совета Министров СССР от 29 октября 1949 года, подписанное Сталиным. До сих пор его текст неопубликован. Самим награжденным весь список был неизвестен. По этому постановлению отличившиеся получили звание Героя Социалистического труда, крупные денежные суммы

от 40 до 200 тысяч рублей, машины ЗИС-110 или «Победа», звания лауреатов Сталинской премии, дачи, построенные за счет государства под Москвой, право на обучение детей в любых учебных заведениях страны за счет государства, право бесплатного проезда сколько угодно раз железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР.

Ветераны говорят, что Берия распорядился так: тем, кому в случае неудачи был уготован расстрел — присвоить Героя; кому максимальное тюремное заключение — орден Ленина и т. д.

Генерал А. С. Александров вспоминает: «Однажды Берия поручил мне подготовить проект постановления Совмина СССР о мерах поощрения за разработку вопросов атомной энергии... При подготовке проекта мне пришла мысль: а что же эти товарищи будут делать с деньгами — ведь на них ничего не купишь в наших условиях! Пошел я с этим вопросом к Берии. Он выслушал и говорит: «Запиши — дачи им построить за счет государства с полной обстановкой. Построить коттеджи или предоставить квартиры, по желанию награжденных. Выделить им машины».

Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1949 года за успешное выполнение задания Правительства по созданию атомной бомбы была награждена большая группа руководителей отрасли, работников строительства и заводов Базы-10.

Золотой Звездой Героя Социалистического труда были награждены Б. Л. Ванников, И. В. Курчатов, А. П. Завенягин, А. Н. Комаровский, М. М. Царевский, П. К. Георгиевский, В. А. Сапрыкин, Б. Г. Музруков, Е. П. Славский, Б. В. Громов и многие другие организаторы атомной промышленности.

Около тысячи человек получили ордена и медали, денежные премии, несколько десятков человек стали лауреатами Сталинской премии.

Но дело было даже не в наградах. Тысячи людей переживали ощущение, что решена труднейшая задача. Пришла уверенность, что для страны теперь созданы условия мирного развития, снята угроза возникновения атомной войны. Только со временем стало понятно, что началась гонка атомных вооружений, потребовавшая колоссальных усилий с обеих сторон.

Часть II

Уральский Атомград

ОТ БАЗЫ-10 К ОЗЕРСКУ

Сейчас опубликовано немало книг, брошюр, статей, посвященных созданию в нашей стране атомного производства. В основном освещаются в них научно-технические, организационные вопросы, вклад и роль ученых-ядерщиков в их решение. В то же время выпадают из поля зрения проблемы строительства «атомных» городов, развитие образования, культуры, медицинского обслуживания. Наконец, какова была структура органов государственной власти, органов управления, как действовали общественные организации?

Без этого трудно понять истинную историю...

Архивные документы, многочисленные свидетельства очевидцев донесли до нас сведения о том, что в наиболее тяжелый период строительства атомных объектов — в 1946—1948 годах — люди испытывали не только серьезные бытовые трудности, но и морально-психологический дискомфорт. Непривычные условия жизни, жесткая изоляция и режим секретности, оторванность от родных и близких действовали на многих первостроителей угнетающе, порождали нередко самые разные негативные проявления.

Руководство страны не жалело средств на создание атомной промышленности, на то, чтобы как можно быстрее получить ядерное оружие. Довольно быстро, но не сразу, поняло оно и важность решения таких проблем, как создание необходимых материальных, социально-бытовых, культурных условий для тех, кто будет трудиться на этих объектах.

Все это нашло свое яркое подтверждение в истории воз-

никновения и строительства первенца атомной промышленности — города Челябинск-40. Затем он назывался Челябинск-65, а сейчас — Озерск.

Первоначально существовало два поселка. Один из них строился на месте нынешнего города, а второй — на расстоянии 15—18 километров от него. Там, где и сейчас расположен поселок № 2 (Татыш). Однако, вскоре пришлось отказаться от идеи одновременного строительства двух поселков. Поселок № 2 (Татыш) не получил своего дальнейшего развития из-за близости от него основного производства (расстояние до завода составляет всего около 500 метров).

Проект основного поселка разрабатывался в начале выездной бригадой специалистов Ленинградского проектного института (ГСПИ-11). В поселке предполагалось разместить около двух тысяч человек. В составе выездной бригады работали в 1948—1949 гг. ленинградские архитекторы по гражданскому строительству: Л.А. Гуревич, Ф.Н. Дюженко, Г.А. Иванов, А.И. Турина, Г.С. Ремнева и другие. Они занимались преимущественно привязкой домов, на месте решали вопросы, возникающие в ходе строительства. По первоначальному проекту в состав поселка входили улицы имени Ермолаева (бывшая Школьная), имени Колыванова (бывшая Дуговая), Сосновая, Комсомольская, проспект Ленина (бывший Сталина) с прилегающими к нему улицами и район за деревообрабатывающим комбинатом (ДОКом).

Городское жилье начиналось с неуютных полуземлянок и дощатых палаток. И если полуземлянки быстро отошли в область истории, то бараки существовали долгие годы. С 1947 года, когда началось возведение уже постоянной жилой площади, на его строительстве работало 6180 человек. За весь 1947 год построили 5 домов, которые в основном приспособили под общежития. В них разместили 260 человек.

Жилья катастрофически не хватало. Ко времени пуска первого промышленного атомного реактора в поселке вошли в эксплуатацию жилые помещения барачного типа в районе улиц Блюхера (бывшая Новая), Ленинградской, Зеленой и Песочной, отдельные брусчатые дома на улицах Строительной, Матросова, Верхней и Октябрьской. Немало построили

также щитовых сборных домов, так называемых «финских». Они завозились из Финляндии за счет ремонтных платежей. Застройка поселка велась различными типами домов, не только брусчатыми и «финскими», но и одноэтажными деревянными коттеджами, а также двухэтажными каменными домами.

Ветеран химкомбината «Маяк» Ольга Степановна Рыбакова вспоминает: «На главной улице будущего города появилось несколько двухэтажных домов. В мае 1947 года заводоуправление переехало из барака в построенное для него здание (ныне это дом № 40 по проспекту Ленина). В правом крыле открылась столовая. Будущий проспект города обещал быть красивым и необычным. Посреди улицы (по инициативе первого директора П.Т. Быстрова) сохранялась аллея из могучих сосен, которая и сейчас радует нас».

Многие руководители вначале искренне считали, что главное — как можно быстрее, любой ценой сделать атомную бомбу. На остальное, можно не обращать особого внимания.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что подобные, наивные настроения скоро канули в лету, но еще долго в отношении перспектив города у руководства отрасли, предприятия не было ясности. Так, в приказе директора Базы-10 Б.Г. Музрукова от 6 сентября 1951 года говорилось, что «1952 год, видимо, явится завершающим годом строительства нашего социалистического города со всем комплексом жилых, административных и соцкультурных зданий и сооружений, включающих внутригородские дороги, общее благоустройство и озеленение». Как известно, строительство в городе не завершилось в 1952 году, а продолжается и по сей день.

В то время еще никому не было известно, как будет развиваться атомное производство, будущий химкомбинат «Маяк», ведь первоначально планировали построить всего один промышленный атомный реактор и небольшое радиохимическое предприятие.

Ситуация вскоре изменилась коренным образом. В августе 1948 года на совещании у заместителя начальника ПГУ А. П. Завенягина был заслушан доклад начальника фили-

ала ГСПИ-11 А. И. Локтева о проектировании соцгорода — так называли тогда строящийся поселок. На этом совещании решили: 1) запроектировать ливневую канализацию, освещение улиц, озеленение проспекта Сталина; 2) произвести осушение болот, прилегающих к соцгороду; 3) застраивать проспект Сталина 12-квартирными домами; 4) построить в городе бетонные дороги шириной в 6 метров.

Вскоре в городе появились каменные здания нового типа — двух-, трехэтажные дома с элементами декоративного украшения фасадов пилястрами, карнизами, наличниками окон (проспект Ленина, ул. Победы, Свердлова). Если раньше улицы проектировались только поселкового типа, то с этого момента уже намечаются первые попытки дифференциации магистралей и улиц с учетом их функционального назначения. 24 мая 1949 года на партактиве впервые обсуждался вопрос «О ходе жилищного и культурно-бытового строительства».

Обращаем внимание читателя на тот факт, что это было, пожалуй, самое напряженнейшее время в истории химкомбината, строительства. Шла интенсивная наработка новой продукции, подготовка к испытанию первой атомной бомбы.

Выступая на партийном активе, Е. П. Славский сказал: «Речь идет не просто о строительстве жилья, речь идет о строительстве города. Мы хотим построить прекрасный город и в самый кратчайший срок, и то, что сделано за два с лишним года, говорит о том, что мы это способны сделать и безусловно сделаем». Хотя город как таковой официально еще не существовал, Е. П. Славский с полной уверенностью говорил о его строительстве. Резкой критике Ефим Павлович подверг тогда в своем выступлении архитекторов, по проектам которых, как заметил он, «улицы построили кренделем».

В 1949—1952 годах осуществлялось интенсивное строительство каменных зданий на проспекте Победы (бывшем Берии), улицах Блюхера, Пушкина, Советской. Несмотря на то, что не хватало строительных механизмов и отделочников, строили довольно быстро. Основной рабочей силой, занятой на строительстве жилья, являлись заключенные. Очевидцы рассказывают о довольно жутких зрелищах, ко-

торые можно было наблюдать в конце 40-х — начале 50-х годов. Почти каждый день утром и вечером двигались колонны заключенных по улицам строящегося поселка под вооруженным конвоем и в сопровождении овчарок. Целые участки будущих улиц, зданий обносили колючей проволокой, как говорили в то время «делали зону». Там, за колючей проволокой, под охраной и работали заключенные. При строительстве проспекта Берии (нынешнего Победы) зону сделали практически на всем его протяжении. Проспект построили в рекордно короткие сроки, примерно за год, до нынешнего здания отделения МИФИ.

Основная масса заключенных старалась работать добросовестно, так как заинтересована была в выполнении и перевыполнении нормы выработки, чтобы быстрее освободиться. Стимулировало активную работу эков и введение зачетных дней, а также снятие судимости при условии перевыполнения производственных норм в течение одного года.

Контроль за качеством работы осуществляли так называемые десятичники бюро инструментального контроля (БИК). В основном десятичниками БИКа работали тогда немцы — спецпереселенцы. Они имели большой опыт работы на других стройках, свое дело знали очень хорошо и контролерами были дотошными.

Ветеран строительства Александр Константинович Куракин, прибывший в марте 1946 года на стройку, рассказывает: «Город застраивался, действительно, интенсивно. Люди работали не за страх, а за совесть. Дисциплина в то время была жесткая. Существовало фактически два вида приказов: отдать под суд, наказать или премировать, поощрить. Но не за счет одних административных или дисциплинарных мер достигались конкретные результаты. На строительстве жилья, объектов социально-культурного назначения активно стала применяться в начале 50-х годов малая механизация (кабель-краны, дипкраны и т. д.), новая технология. Большой эффект получали и благодаря созданию комплексных строительных бригад, которые состояли из рабочих разных специальностей. Вольнонаемные рабочие и заключенные брали на социалистическую сохранность средства малой механизации (краскопульты, насосы, кабель-кра-

ны и пр.), отвечали за их исправное состояние.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В 1947 году велось строительство стройрайона № 2, которым руководил Кренгауз. С 1941 по 1942 год он строил авиационный завод в Куйбышеве, затем был направлен в Челябинметаллургстрой, а оттуда на строительство № 859.

В конце 1947 года его сменил подполковник Николай Моисеевич Лебедев. При нем началось массовое строительство жилья. От дома № 40 по улице Сталина (сейчас Ленина) строились одновременно, в противоположные стороны (к пожарной части и озеру), двухэтажные кирпичные дома. Большая часть из них отводилась под общежития, комнаты которых плотно заставлялись двухъярусными койками. Но мест в них все равно не хватало. Чтобы хоть как-то снизить остроту жилищного вопроса, в районе ДОКа быстрыми темпами построили деревянные одноэтажные дома коридорной системы. По приказу Б.Г. Музрукова, за этими домами на окраине поселка отвели место и для кладбища.

У Кренгауза главным инженером второго района работал Александр Гаврилович Волик. В середине 40-х годов он руководил строительством соцгорода Челябинского металлургического завода. В Челябинске-40 он задержался ненадолго, уехал вслед за Кренгаузом. После него полгода главным инженером второго стройрайона работал бывший начальник диспетчерского отдела строительства Швидковский. Осенью 1948 года со строительства первого атомного реактора на должность главного инженера строительства соцгорода перевели Илью Липовича Перельмана.

Замечательным воспитателем руководящих кадров строительства для всей системы Минсредмаша являлся бессменный начальник производственно-технического отдела Николай Владимирович Зевик. Грамотный инженер, он был наставником тогда еще молодого специалиста Валентина Клементьевича Машера, ставшего впоследствии начальником Дмитровградского строительства. Другой молодой руководитель, капитан Дмитриенко, стал главным инженером строительства важнейшего оборонного предприятия в Юрюзани. С 1947 года на строительстве города работал прорабом, а затем начальником отделочного участка Владимир Николаевич Латий. В конце 50-х годов его назначают заместителем главного инженера Южно-Уральского управления строительства в Челябинске-40, а спустя короткое время — начальником управления строительства в Свердловске-44. Вершиной его профессионального роста стало руководство строительством Ленинградской атомной электростанции и города Сосновый Бор.

После Н. М. Лебедева строительством города руководил Миха-

ил Борисович Озеранский. Его приход совпал с изменением политики в сфере жилищного строительства, которая определялась Берией. С 1949 года контроль за жилищным строительством, по приказу руководителя Первого главного управления Б.Л. Ванникова, возложили лично на начальника, руководившего строительством комбината, М.М. Царевского. Но Царевский нашел выход из положения, назначив Озеранского своим заместителем.

В 1948—1950 годах застраивался парк культуры и отдыха. В 1950—1952 годах появились объекты здравоохранения в больничном городке.

Уже к 1951—1952 годам стало ясно, что поселок значительно перерос свои рамки. Его давно, называли не иначе как соцгородом. Наконец, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 17 марта 1954 года поселок получил статус города, его преобразовали в город Озерск. Однако он по-прежнему назывался Челябинск-40 (по почтовому отделению связи). Сами же жители продолжали его именовать «сороковкой». С 1946 по 1955 год была введена в эксплуатацию 231 тысяча квадратных метров ведомственного жилого фонда, в котором находилось 33 тысячи жителей. На одного человека приходилось в 1955 году шесть квадратных метров жилой площади. Основным заказчиком жилищного строительства выступал химкомбинат.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

С 1958 по 1965 год на городское капитальное строительство израсходовали 167,5 миллиона рублей. По тем временам это были, действительно, внушительные средства. За семь лет построили еще 139 тысяч квадратных метров жилья. Начальник Южно-Уральского управления строительства П. Т. Штефан, выступая 28 ноября 1956 года на отчетно-выборной партийной конференции строителей, отмечал: «Начиная с этого года, мы стали осваивать индустриальное крупноблочное строительство. Собран индустриальными методами крупноблочный дом № 571, в сборке находятся еще шесть аналогичных домов».

Появились первые панельные дома серии 1-355, а с 1963 года город застраивали уже панельными домами улучшенной серии и кирпичными девятиэтажными домами с лифтами. Сегодня дома, построенные в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, зачастую называют «хрущевками», но в то время люди искренне

радовались новому жилью, считали переезд из барака большим счастьем.

Обеспеченность населения города была доведена в 1965 году до восьми квадратных метров на человека. Число семей, проживающих в бараках, сократилось за семь лет в 2,5 раза.

К 1978 году жилой фонд города обеспечивался водопроводом и канализацией на 99,8%, центральным отоплением — на 99,4%, газом — на 92% и горячим водоснабжением — на 48%. В это время завершен был и снос последних бараков.

В 1959 году произошло слияние постоянной бригады проектировщиков с выездной бригадой Ленинградского проектного института. В городе была образована контора инженерных изысканий (КИИ), которую в 1967 году переименовали в филиал № 3 Государственного института комплексного проектирования, В 1977 году филиал № 3 преобразовали в Уральское отделение Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института комплексной энергетической технологии (УО ВНИПИЭТ).

В становлении и развитии этого коллектива большую роль сыграл М. Г. Тешнер, который работал во ВНИПИЭТе с 1953 года. Он прошел путь от рядового инженера-проектировщика до начальника Уральского отделения ВНИПИЭТа, которое успешно возглавлял до 1988 года со дня создания. За большие заслуги в области архитектуры, градостроительства ему было присвоено почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР» (1974 г.).

В застройке города нашли широкое применение специально переработанные УО ВНИПИЭТ проекты жилых домов серии 111-90, где квартиры имеют просторные лоджии, сквозное проветривание, улучшенные объемно-планировочные характеристики. Журнал «На стройках России» писал в 1978 году: «Комиссия по проведению смотра отметила отличное качество строительства девятиэтажного жилого дома новой серии 111-90 в девятом микрорайоне в Челябинске (речь шла о Челябинске-65), а также творческий подход при привязке типового проекта к местным условиям. Она выполнена не механически, а с попыткой разнообразить типовые решения. В отделке и ограждении балконов применены новые стройматериалы, производство которых налаживается

на местной строительной базе».

Многие оригинальные проекты зданий, такие как театр кукол, гостиница «Урал», кинотеатр «Октябрь», разработанные проектировщиками УО ВНИПИЭТа, удостоены дипломов, Государственных премий.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

После окончания Воронежского инженерно-строительного института в 1952 году, начал свою биографию градостроителя Иван Дмитриевич Бутримович. Сначала работал он прорабом, в 1956 году стал начальником участка, а через год — главным инженером района, в 1961—1967 годах — заместителем начальника управления предприятия и заместителем главного инженера Южно-Уральского управления строительства. И. Д. Бутримович немало сил и труда вложил в разработку новых технологий строительства, во внедрение новых серий жилых домов, в сооружение ряда уникальных объектов социально-культурного назначения, которые на Всероссийских конкурсах удостоены дипломов Госстроя Российской Федерации. За заслуги в области строительства Ивану Дмитриевичу Бутримовичу присвоено звание почетного гражданина города.

В далеком 1955 году солдатом начал также свой путь строителя города Дмитрий Артаваздович Овакимян. Работал десятником, мастером, прорабом, начальником участка, главным инженером управления производственно-технической комплектации. За 40 лет жизни в городе принимал непосредственное участие в возведении около 100 объектов.

В строительстве города не все было гладким. Долгое время поселок, а затем и город не имели перспективных, долгосрочных планов развития. В результате деревообрабатывающий комбинат, ремонтно-механический цех, Центральная заводская лаборатория оказались в непосредственной близости от жилой застройки. Это привело к чересполосице промышленных и жилых районов. Развиваясь без разумного плана, поселок долго не мог обрести строгих и четких границ.

Первый генеральный план города разработали и утвердили только в 1957 году. В 1976 году специалисты Уральского отделения Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института комплексной энергетической технологии (УО ВНИПИЭТ) разработали новый генеральный план развития города с перспективой до 2000 года.

КТО УПРАВЛЯЛ «СОРОКОВКОЙ»?

В городском Совете, партийных, профсоюзных и комсомольских организациях тех лет работали тысячи людей. Не вспомнить о них добрым словом было бы с нашей стороны беспамятством.

Думается, нельзя замалчивать непростые вопросы в угоду политической ситуации или еще по каким-то соображениям. Время обмануть нельзя, как нельзя умолчать о тех, кто нес на своих плечах многие несуразности командно-административной системы. Без правдивого рассказа об этих людях нам не понять особенностей создания такого необычного города, как Челябинск-40.

Итак, до избрания городского Совета отдельные функции органов государственной власти осуществлял административный отдел завода — будущего химкомбината.

С 1 января 1949 года исполнял обязанности начальника административного отдела Абдулла Салеевич Янышев. Это был экономист по призванию. Еще в 1939 году А. С. Янышев закончил финансово-экономический институт в г. Казани. Служил в Войске Польском, где занимал должность командира батальона связи. После демобилизации из армии в 1945 году работал экономистом в Министерстве финансов СССР. В июле 1948 года он был направлен в Челябинск-40.

С 6 июня 1949 года по июнь 1954 года возглавлял административный отдел химзавода Борис Ильич Толмачев. Этот отдел состоял из различных инспекций: налоговой, школьной, социального обеспечения, культуры и т. д. Штатных работников в отделе было около 30 человек.

Административный отдел являлся, как говорится, продуктом своего времени. Руководство он осуществлял жестким, директивным, в основном приказным порядком.

13 июня 1954 года были проведены выборы в первый городской совет депутатов трудящихся. Председателем горисполкома избрали Инсафа Зингангировича Ягудина, работавшего директором политехникума.

В составе первого горисполкома были директор химического завода, депутат Верховного Совета РСФСР Александр Иванович Чурин, начальник управления строительства Петр Тихонович Штефан.

При комплектовании штатов горисполкома имелись не-малые трудности. Главная из них заключалась в том, что должностные оклады его работников были значительно ниже, чем на химзаводе. Особенно ущемленными в финансовом отношении оказались переведенные в горисполком работники административного отдела.

В 1954 году горсовету передали школы, сбор налогов, госстрах, отдел соцобеспечения, ЗАГС, горбольницу и поликлинику и т. д. Однако поле деятельности городского совета, его исполкома оказалось сильно суженным. В ведении дирекции химкомбината оставались по-прежнему важнейшие, ключевые вопросы жизнедеятельности города: городское строительство, содержание жилфонда, газо- и тепло-снабжение, связь, торговля, общественное питание.

В связи с существовавшим тогда отраслевым, ведомственным распределением финансовых и материальных ресурсов, дирекция химкомбината имела самый мощный рычаг воздействия на решение хозяйственных и социальных проблем в городе — денежные средства. Именно химкомбинат являлся основным заказчиком строящегося жилья, объектов соцкультбыта. Что касается горисполкома, то он чаще выступал в роли просителя перед дирекцией комбината неже-ли хозяина города. Истинным хозяином в городе, несмотря на образование горсовета, как и раньше, оставалось руко-водство химкомбината. И прежде всего его директор. Со-зданная ранее система «завод—город» продолжала функци-онировать, как и в прежние годы. Городу, городским вла-стям отводилась вспомогательная роль. Такая система вза-

имоотношений устраивала жителей города и не вступала в противоречие с общей командно-административной систе-мой страны. Положение Минсредмаша и химкомбината в нем позволяло населению города жить значительно обеспе-ченнее других. Все это оказывало влияние на психологию жителей города, характеры руководителей и систему власти.

Трудности заключались в том, что примерно на 80 про-центов аппарат горисполкома, его отделы и службы состо-яли из бывших работников административного отдела. Как отмечалось на одной из сессий городского совета, эти кадры так и не смогли приспособиться к новым условиям.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Председатель горисполкома И.З.Ягудин не всегда находил поддержку при решении тех или иных вопросов у руководителей предприятий и организаций города. «Не сработался», как тогда говорили, председатель горисполкома и с вновь избранным пер-вым секретарем горкома партии Н. П. Мардасовым. На сессии 25 октября 1956 года Н. П. Мардасов выступил с основным докладом «О серьезных недостатках в работе горисполкома». Он по сути дела и инициировал освобождение И.З.Ягудина с должности пред-седателя горисполкома. Освобожден был тогда же и его замести-тель К. М. Блинов. Председателем горисполкома избрали Гиган-тия Тихоновича Илясова. В городе Г. Т. Илясов был довольно из-вестен, с 1948 года он работал главным механиком, затем началь-ником цеха, а с 1951 года — освобожденным партработником.

Г. Т. Илясова сменил на посту председателя горисполкома в марте 1963 года Александр Александрович Пасевский. На Юж-ный Урал он прибыл в 1947 году после окончания химфака Воро-нежского университета. Работал химиком на заводе 25. После профессионального заболевания его перевели в чистые условия. Как председатель горисполкома А. А. Пасевский проявил себя ис-полнительным, компетентным работником. Но, к сожалению, тог-да такие черты характера, как принципиальность, предприимчи-вость, твердость, инициативность и т. п., не требовались, а зача-стую даже были и вредны. Сильный председатель исполкома при такой системе мог появиться как исключение. Таким исключени-ем в городе был Николай Яковлевич Ермолаев, которого избрали председателем горисполкома 23 марта 1969 года.

Период времени с 1969 по 1979 год, когда председателем гор-исполкома работал Н. Я. Ермолаев, был, пожалуй, самым плодот-ворным.

После окончания Свердловского горно-металлургического техникума Ермолаев в течение 10 лет, с 1948 по 1958 год, трудился на заводе № 20, сначала технологом, затем ведущим инженером, начальником смены. Работал на одном из ответственных участков производства. Здесь же получил и профессиональное заболевание. Потом 11 лет Н. Я. Ермолаев работал председателем комитета профсоюза химкомбината, затем горкома профсоюза. Пройдя большую школу на основном производстве, общественной работе, Николай Яковлевич хорошо разбирался в людях, проявлял к ним неизменно уважительное отношение. С принципиальных позиций отстаивал, защищал интересы города, его населения. Руководствовался при этом не личными амбициями, а интересами дела, конкретных людей. Как человек, не равнодушный ко всему, что происходило вокруг него, Н.Я. Ермолаев глубоко переживал неудачи, промахи в своей работе. А они случались. Благодаря инициативе Николая Яковлевича, значительно укрепилась в те годы материальная база социально-культурной сферы, успешно решались многие вопросы благоустройства города, быта и жизни горожан.

Под статью Н. Я. Ермолаеву были его ближайшие соратники, заместители председателя горисполкома Александр Афанасьевич Колмогорцев и Нина Емельяновна Мельникова, заведующая плановым отделом Людмила Ивановна Козлова.

В течение 18 лет, с 1969 по 1987 год, городской отдел культуры возглавляла Нина Ивановна Шуваева. Нина Ивановна, вспоминая свой приход в горисполком, рассказывает: «Когда мне поступило предложение от Н. Я. Ермолаева стать заведующей отделом культуры, я уже знала работу клубных учреждений, библиотек, кинотеатров, музыкальной школы. Честно говоря, несколько побаивалась я только коллектива драматического театра. Хватит ли знаний, умения работать с театром? Потом, уже став заведующей, нашла довольно быстро общий язык и с ним. Стремилась по-деловому решать многие вопросы, порой очень сложные».

В годы работы Н. И. Шуваевой были построены новые здания театра кукол, городской библиотеки, открыто музыкальное училище. Она удостоена звания «Заслуженный работник культуры».

Валентин Иванович Муравьев свыше 20-ти лет был бессменным секретарем горисполкома.

После смерти Н.Я. Ермолаева в августе 1979 года председателем горисполкома избрали Вячеслава Яковлевича Мягкова. С 1951 года он работал на заводе 25 начальником смены в лаборатории, затем находился на освобожденной партийной работе.

В 1987 году его сменил на посту председателя горисполкома Виктор Ильич Фетисов, который продолжил линию своих предшественников. Затем во главе исполкома был В. А. Козлов.

ПАРТИЯ — НАШ РУЛЕВОЙ?..

До лета 1956 года партийными организациями в городе руководили политические отделы. Кроме армии и флота, политотделы создавались на важнейших участках народного хозяйства как чрезвычайные формы организации и руководства. Действовали они в стране с 1933 года в соответствии с особыми инструкциями ЦК партии, имели права производственных партийных комитетов. 17 июля 1956 года ЦК КПСС принял постановление об упразднении Политического управления при Министерстве среднего машиностроения и политотделов на его предприятиях. В соответствии с этим решением вместо упраздненного политотдела был создан Озерский городской комитет партии. Многие тогда возлагали большие надежды на демократизацию внутривнутрипартийной жизни, на расширение гласности.

Первая Озерская городская партийная конференция проходила 16—17 августа 1956 года в помещении музыкально-драматического театра. В работе конференции приняло участие 479 делегатов с правом решающего голоса и 17 — с совещательным голосом. В постановлении отмечалось: «Создание выборного партийного органа позволит расширить связь коммунистов с беспартийными массами, будет способствовать развитию демократизма в городской партийной организации и использованию в полной мере ленинских норм партийной жизни». Приведенные строки характерны для партийных документов того времени. В них отражены большие надежды и ожидания, которые во многом не оправдались.

Первым секретарем горкома КПСС был избран Николай Петрович Мардасов, вторым секретарем — Александр Александрович Пасевский, секретарем — Виктор Иванович Подольский. Членами бюро горкома стали также Михаил Антонович Демьянович — директор химкомбината, секретарь партбюро завода 156 Иван Арсентьевич Садовников, главный инженер одного из строительных районов Федор Петрович Рубилов, заведующий организационно-партийным отделом горкома КПСС — Гигантй Тихонович Ильясов. Заведующим отделом пропаганды утвердили Льва Григорьевича Шапира.

Н. П. Мардасов родился в 1917 году в Москве. В 1938 году поступил учиться в Московский институт тонкого химического машиностроения. Участник Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями. Несколько раз был ранен и хонтужен. После демобилизации из армии закончил институт. В 1945 году работал секретарем Щербаковского районного комитета комсомола г. Москвы. По решению Центрального Комитета ВЛКСМ Н. П. Мардасова направляют в Челябинск, где он был избран в 1949 году первым секретарем Челябинского горкома комсомола. В 1956 году Н.П. Мардасов стал заведующим отделом Челябинского горкома партии, затем первым секретарем райкома КПСС.

Л. Г. Шапир до избрания заведующим отделом Озерского горкома партии, проработавший почти 10 лет в политотделе строительства, вспоминает: «Мне хорошо запомнились такие качества Николая Петровича, как высокая работоспособность, трудолюбие. Почти ежедневно он уходил с работы домой очень поздно. Систематически бывал в трудовых коллективах, на партийных собраниях, совещаниях руководящего состава предприятий. Умел и любил работать с людьми. По вечерам у него всегда бывали люди — руководители (директора заводов, начальники строительных районов), рядовые работники. Нередко ему приходилось говорить людям нелюбимые вещи, указывать на допущенные ими недостатки. Но, за редчайшим исключением, на него не обижались, так как верили, что Н. П. Мардасов, говоря горькую правду, хочет помочь человеку».

Аппарат горкома партии состоял в первое время из бывших работников политотделов комбината и строительства. У многих не было опыта работы в нормальных партийных органах. А отличия были большие. Если в выборных партийных органах действовало коллективное партийное руководство в лице пленума или бюро партийного комитета, то в политотделах решения принимались единолично его начальником.

Когда в сентябре 1957 года произошла известная авария на химкомбинате, в городе создалась тревожная обстановка. Она усугубилась тем, что руководство химкомбината «Маяк», прежде всего, его директор М. А. Демьянович, не желало информировать актив, население города о последствиях аварии, ее масштабах, Н. П. Мардасов настоял на том, чтобы созвать партийно-хозяйственный актив по вопросам, связанным с ликвидацией последствий аварии. Выступая на этом активе, он сказал: «Очень плохо, что допущена такая серьезная авария, но еще хуже, что мы не говорим людям правду, скрываем от них истинное положение дел. Это порождает всякого рода слухи, способствует созданию панических настроений».

Проведенное совещание принесло положительные результаты. Тревожные слухи, циркулирующие в городе, пошли на убыль, моральная обстановка заметно улучшилось. Но чтобы добиться этого, первому секретарю горкома партии Н. П. Мардасову пришлось проявить завидную смелость и принципиальность. В те годы поступить так было весьма и весьма непросто.

Вместе с тем мы далеки от мысли, чтобы как-то героизировать личность и действия Н. П. Мардасова. Он самоотверженно служил системе, не выходя за ее рамки. Причем действовал жестко и решительно, защищая определенные интересы. Ярким примером было нашумевшее в то время персональное дело молодого коммуниста Анатолия Георгиевича Ланина, старшего научного сотрудника Центральной заводской лаборатории. Под влиянием решений XX съезда КПСС, который, как известно, положил начало десталинизации общества, А.Г. Ланин на одном из партийных собраний открыто заявил о том, что «в партии зажата демократия, недостаточная информация о событиях в Венгрии и

Польше». Далее в своем выступлении этот местный диссидент сказал буквально следующее: «В печати мало объективной и полной информации, культ личности Сталина разоблачается недостаточно. Особенно мало делается по разоблачению культа на местах, рядовые коммунисты не имеют возможности критиковать вышестоящие партийные органы».

А. Г. Ланин был не одинок в аналогичных высказываниях, так думали в то время многие, но боялись свои мысли говорить вслух. Тогда подобные рассуждения рассматривались как чрезвычайное происшествие, утрата чувства политической бдительности, как выступление против существующего строя. «Дело Ланина» приняло серьезный оборот, дважды рассматривалось на заседании бюро горкома партии, 7 и 8 декабря 1956 года, с участием первого секретаря Челябинского обкома партии Н. В. Лаптева, который для этого специально прибыл в город. Постановлением бюро Озерского горкома партии от 8 декабря 1956 года А. Г. Ланина исключили из членов КПСС «за антипартийную вылазку, выразившуюся в недоверии к деятельности ЦК КПСС, в дискредитации партийной печати, органов Советской власти и профсоюзов, в восхвалении буржуазной демократии». На заседаниях бюро докладывал первый секретарь горкома Н. П. Мардасов, он фактически и формулировал основные обвинения в адрес А. Г. Ланина. Позднее Ланина освободили от должности старшего научного сотрудника в ЦЗЛ и перевели рядовым инженером на завод 40. В 1963 году в связи с уходом Мардасова на другую работу и переездом в Москву, первым секретарем городского комитета партии избрали Виктора Ивановича Подольского. Затем в 1968 году им стал Анатолий Федорович Разжигаев, которого в 1986 году сменил Бурчик Александр Никифорович.

Партийные работники на местах были теми несущими конструкциями сложного, гигантского партийного механизма, которые своей надежностью и своими повседневными усилиями обеспечивали его прочность и жизненность. Они всегда были больше тактиками, и стратегические беды экономики и политики, не их вина. У них никто и никогда не спрашивал, как поступить с Чехословакией в 1968 году и стоит ли вводить войска в Афганистан в 1979 году, какие

экономические и политические преобразования осуществлять в стране. В нашем представлении, партийные работники на местах были не партократами, а чернорабочими.

* *

В 1948 году состоялась первая профсоюзная конференция Базы-10. Первым председателем завкома профсоюза стал Владимир Афанасьевич Шамаков. В хозяйствах (так тогда назывались основные подразделения химического завода), в учреждениях поселка создавались профсоюзные комитеты, профбюро и профгруппы, подчинявшиеся общезаводному завкому № 7.

Активно работали в те годы: Петр Тимофеевич Полянский — председатель производственно-массовой комиссии завкома, Георгий Семенович Кизаев — председатель комиссии охраны труда, Николай Владимирович Степаненко — председатель комиссии по культурно-массовой работе.

Примерно к 1950 году резко увеличилось число членов профсоюза. По решению ВЦСПС завком № 7 был преобразован в групповой комитет профсоюза, имеющий права городского комитета. 1 апреля 1950 года на третьей общезаводской профсоюзной конференции избрали группком-7 в составе 56 членов и 7 кандидатов. Председателем группкома-7 вновь был избран П. Г. Лакирев.

Важную роль в производственной жизни все еще продолжали играть в начале 50-х годов стахановское движение, ударничество. Группком-7 проводил большую работу по организации соревнования практически на всех производственных участках, рационализации и изобретательству. Пример показывали руководители. Так, в 1949 году директор предприятия Б. Г. Музруков разработал свое личное обязательство, которое находилось у него в кабинете на видном месте.

В течение 1952—1958 годов председателями группкома-7 избирались Константин Андреевич Терехов, Федор Николаевич Мочалов. В сентябре 1957 года группком-7 был преобразован в городской комитет профсоюза № 7.

Председателями горкома профсоюза работали в разные

годы Николай Яковлевич Ермолаев, Александр Алексеевич Коновалов, Юрий Александрович Родионов.

В 60—80-е годы комитеты профсоюзных организаций стали больше заниматься вопросами охраны труда и техники безопасности, создания безопасных условий труда. Но в основном, профсоюзы действовали под диктовку партийных и хозяйственных руководителей.

* * *

В первые годы коллективы строителей, эксплуатационников состояли преимущественно из молодежи. Первоначально комсомольские организации действовали на строящемся химкомбинате разрозненно. По решению политотдела Базы-10 26 декабря 1948 года состоялась первая конференция, объединившая 25 комсомольских организаций. На конференции присутствовало 250 делегатов. Секретарем комитета комсомола Базы-10 стал Виктор Георгиевич Тушев. Ветеран химкомбината Е.И. Сапрыкина вспоминает: «С большим огоньком работала в то время комсомольская организация комбината во главе с Тушевым Виктором. Этот энергичный, обаятельный тогда молодой человек вдохновлял нас своим личным примером. Молодежь корчевала лес, строила финские домики, вечерами проводила беседы на самые различные темы».

Другой ветеран Б. С. Егоров, как бы дополняя Е. И. Сапрыкину, сообщает: «Комсомольцы проявляли тогда высокую активность не только в производственных делах. Они дежурили даже в столовых, следили за закладкой мяса».

В постановлении второй комсомольской конференции Базы-10 28 января 1950 года записано: «Конференция призывает комсомольцев и молодежь активно участвовать в строительстве культурных и спортивных учреждений, взять шефство над постройкой нового театра, стадиона».

Тысячи комсомольцев, представителей молодежи работали во внеурочное время на городских объектах, на благоустройстве и озеленении улиц будущего города.

В начале 50-х годов комитеты комсомола химкомбината и строительства уделяли много внимания участию молодежи

в производственном соревновании, овладении и совмещении вторыми и третьими профессиями, движению комсомольско-молодежных бригад.

В сентябре 1956 года был создан Озерский горком комсомола. На пленуме горкома, который проходил 9 сентября 1956 года, первым секретарем избрали Михаила Константиновича Бухтоярова, вторым секретарем — Валентину Ивановну Лавриненко (Малыгину), заведующей школьным отделом утвердили Нину Ивановну Шуваеву. В составе бюро горкома было 9 человек, среди них — Л. С. Андриянов, В. Ф. Зубов, А. Я. Кротких, И. С. Расчектаев, Ю. А. Родионов, А. М. Якупов.

Первыми секретарями горкома работали Александр Алексеевич Коновалов, Владимир Федорович Турусин, Владимир Викторович Крысов, Юрий Владимирович Кабулахин, Федор Федотович Лысый, Михаил Андреевич Андриянов, Олег Михайлович Семенов и другие.

Чем только не занимались тогда комсомольские комитеты? И шефством над ударными стройками, и организацией соревнования молодежи, и учебой молодежи, и шефской, и спортивной работой.

В апреле 1974 года городская комсомольская организация была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

* * *

Сейчас другое общественно-политическое устройство. Нет прежних органов государственной власти, например, Советов, партийных, комсомольских комитетов, изменились профсоюзы. Российское общество переживает переходный период. А для переходного состояния характерно наличие элементов старого (прежних учреждений, традиций, привычек и т. д.) и нового. Переходное состояние общества можно правильно понять, если задуматься над вопросами: от чего и к чему осуществляется переход? С какими порядками мы расстаемся и к какому общественному устройству идем?

Стоит ли выбрасывать на свалку истории все старое скопом?..

Об этом стоит подумать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

История развития жилищного строительства в городе неотрывно связано с историей промышленного строительства.

Летом 1947 года построили первую плотину у истока реки Теча, которая заменила старую демидовскую плотину. Это было сделано потому, что уровень озера Иртяш намного выше, чем у Кызылташа. Без плотины вода бы самотеком ушла в Кызылташ, а растущий город оказался без источника питьевой воды.

Затем воздвигается еще десять плотин. Все они должны были защитить реку Течу от радиации, однако этого сделать не удалось по известным причинам.

В конце 1950 года наметился спад объема строительных работ, а в 1951 году была проведена демобилизация солдат военно-строительных частей, вынесших основную тяжесть ударных темпов сооружения первой очереди завода № 817.

Со строительных площадок на волю были отправлены спецпереселенцы и бывшие заключенные-стройотрядовцы, имевшие семьи. Количество работающих на строительстве за 1951 год сократилось на 13 746 человек. Лучшие кадры руководителей и специалистов направлялись на другие стройки.

В условиях, когда объемы городского строительства также сокращались, перед руководством встала проблема: как сохранить ядро наиболее профессиональных работников для решения новых задач? Выход был найден за счет расширения сферы деятельности Управления строительства.

Приказом начальника строительства П. П. Честных 6 ноября 1951 года организована новая строительная площадка — Аргаяшская ТЭЦ у озера Улагач.

В первые месяцы стройка испытывала серьезные трудности из-за отсутствия надежных дорог, связывающих ее с городом и железнодорожной станцией. Эта проблема была решена, когда в 1953 году построили железную дорогу от Аргаяшской ТЭЦ до станции Бижеляк протяженностью восемь километров.

В 1954 году Аргаяшская ТЭЦ дала первый ток, под нагрузкой работали два блока по двадцать пять тысяч киловатт. В 1956 году достигнута проектная мощность в 250 тысяч киловатт. Город и комбинат получили надежный источник электроэнергии и тепла.

С 1952 года Управлению строительства поручалось возведение объектов завода в районе Златоуста.

Новая строительная площадка находилась в трехстах километрах от Челябинска-40. Начинать объект пришлось в очень сложных условиях сплошного бездорожья в горной местности. П. П. Честных вынужден был половину времени проводить под Юрюзанью, постоянно отрывая от «своих» объектов руководите-

лей подразделений, иногда на несколько месяцев. Когда сооружение объектов в Златоусте выделилось в самостоятельное Управление строительства во главе с Владимиром Александровичем Музиновым, П. П. Честных с облегчением вздохнул.

В 1952 году Первое главное управление поручило Управлению строительства взять на себя сооружение Карабашского медного рудника и проложить железную дорогу Кыштым—Карабаш, причем в очень сжатые сроки.

В 1953 году Управление строительства руководило сооружением крупных и стратегически важных объектов, находящихся на значительном удалении от него. До Карабаша было 75 километров, Аргаяшской ТЭЦ — 35, дороги Кыштым—Касли — 50 километров.

Весной 1953 года по инициативе Л. П. Берии на стройке прошла амнистия, в результате которой там резко сократился контингент заключенных.

9 июля 1953 года Совет Министров СССР передал строительные организации из ведения Министерства внутренних дел в Министерство среднего машиностроения. Эти меры привели к тому, что должность руководителя стройки стала называться по-другому — начальник Управления строительства и военно-строительных частей. Новое название фиксировало изменившуюся ситуацию — основной рабочей силой становились военно-строительные части, а не заключенные.

В феврале 1954 года начальником Управления строительства назначен Петр Тихонович Штефан. В то время ему было сорок три года, а за плечами — институт в Днепропетровске, работа в Забайкалье, боевые дороги на Северо-Кавказском фронте. После войны П. Т. Штефан руководил строительством горнодобывающего комбината в Таджикистане, а затем строительством завода по производству обогащенного урана.

П. Т. Штефан считался одним из лучших руководителей в системе Главпромстроя. Отличался работоспособностью, цепкостью в работе, педантичностью. Особое внимание уделял контролю за выполнением подчиненными его заданий, в этом был беспощаден.

В 1954 году Управление строительства уже не руководило сооружением объектов в Златоусте и Карабаше, но появился новый особо важный объект — строительство Челябинска-50 (затем Челябинска-70 и Снежинска).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самым тяжелым испытанием для начальника Управления строительства П. Т. Штефана и всего коллектива строителей ста-

ла ликвидация аварии 1957 года. Для этого был создан специальный девятый строительный район, построивший для переселенных с зараженной радиацией территории людей более трех тысяч индивидуальных домов и всю необходимую социальную инфраструктуру: дороги, больницы, магазины...

Недолгое, но очень напряженное время, с июня 1958 по июнь 1959 года Управление строительства возглавлял Александр Капитонович Грешнов, пять лет проработавший главным инженером.

Приехав на строительство еще в 1946 году, А. К. Грешнов прошел все ступеньки служебной лестницы — от мастера до первого руководителя. Огромный опыт он приобрел, возглавляя четвертый строительный район, возводивший самые важные объекты Базы-10.

Серьезным испытанием для Александра Капитоновича стала организация работ второго этапа по ликвидации последствий аварии 1957 года. Грешнов добился, казалось, невозможного: выполнение огромного объема работы по аварии не снизило темпов ввода и объема обычной программы строительства.

Перейдя впоследствии на работу в Минсредмаш, А. К. Грешнов и в новой должности очень многое сделал для ликвидации последствий страшной беды. Генеральские погоны и «Золотая Звезда» заслуженно увенчали жизненный путь Александра Капитоновича.

Его сменил Владимир Александрович Мусинов, возглавлявший Управление строительства с 1959 по 1966 год. На его долю выпало завершение работ по ликвидации аварии 1957 года. Главным испытанием для коллектива строителей явилось сооружение ракетных комплексов в Казахстане.

На выполнение этой задачи были направлены все усилия строителей. Достаточно сказать, что в Челябинске-40 осталось только одно строительно-монтажное управление и еще одно — в Челябинске-70. Все остальные подразделения находились в казахстанской степи.

Строительство подземных ракетных шахт проходило в тяжелых климатических условиях, на большом удалении от баз.

В. А. Мусинов, человек мягкий и деликатный, в этих экстремальных условиях не смог выдержать жесткую линию, поддерживать дисциплину часто предоставленных самим себе строителей.

Е. П. Славский снял с работы В. А. Мусинова и назначил на его место Александра Васильевича Пичугина. Приехав в марте 1966 года в Казахстан, Пичугин за неделю уволил всех бездельников и пьяниц и взялся за наведение порядка.

Постепенно стройка вошла в график, а перед 7 ноября 1966 года ее объекты были сданы Государственной комиссии раньше других и с хорошим качеством.

В Челябинске-40 А. В. Пичугин столкнулся со многими про-

блемами. Предстояло строительство Южно-Уральской атомной электростанции. Думая об этой стройке, Пичугин предоставил самостоятельность двадцати четырем участкам. По задумке Александра Васильевича руководители этих участков в будущем могли возглавить двадцать четыре строительно-монтажных управления на сооружении атомной станции.

Для большой стройки необходимы подготовленные кадры. А. В. Пичугин добился пересмотра типового проекта профессионально-технического училища и построил прекрасный комплекс зданий, включающий учебный корпус, мастерские, общежитие.

За тринадцать лет работы А. В. Пичугин очень много сделал для города. Несомненным его достижением является разработка и утверждение Генерального плана города в 1976 году, его стремление изменить архитектуру города в лучшую сторону, прекращение строительства «хрущевок».

Южноуральское Управление строительства вновь повысило свой авторитет в системе Минсредмаша, на него стали смотреть в Москве как на перспективный, сильный коллектив, способный решать масштабные задачи. Свидетельством тому стало награждение ЮУС орденом Трудового Красного Знамени.

После отъезда в 1979 году Пичугина в Ангарск, начальником Южноуральского Управления строительства стал В. П. Трепалин, работавший до этого начальником строительства в Казахстане.

Ему не удалось сохранить позиции, с огромным трудом завоеванные Пичугиным. Во многом другой стала социально-экономическая и политическая ситуация в стране. Много сил и ресурсов отвлекла ликвидация последствий землетрясения в Армении и Чернобыльской катастрофы.

Новый импульс в развитии ЮУС появился с приходом Геннадия Максимовича Середы. Начиная свою трудовую биографию у известного строителя Н. М. Иванова в Новосибирске, на сооружении Академгородка. Там, в Сибири, и работал, пока не направили на строительство Игналинской атомной станции в Литве. Потом была стройка в Желтых Водах на Украине.

Когда произошла авария на Чернобыльской атомной станции, поехал туда добровольцем. После Чернобыля ему предложили возглавить строительство Южно-Уральской атомной станции.

Учитывая нарастающие сложности в положении ЮУС, вызванные перестройкой, Г. М. Середа стремился выйти на политический уровень решения волнующих его проблем. Его избирают народным депутатом. При нем активно развернулось строительство атомной станции: закончен котлован первого блока и началось его бетонирование, построено множество вспомогательных объектов, котельная. Однако реализовать свои планы Середа не успел: не выдержало сердце...

СОЗДАТЕЛИ ЯДЕРНОГО ЩИТА

Успешное испытание советской атомной бомбы имело огромное военно-политическое значение. Оно буквально ошеломило и администрацию американского президента Трумэна. С ядерной монополией Соединенных Штатов Америки было покончено. Вместе с тем испытание атомной бомбы в СССР еще больше подхлестнуло гонку ядерных вооружений, которая теперь приобрела более вызывающий и опасный характер. В этом зловещем противостоянии двух сверхдержав США имели преимущество. Американская атомная промышленность опиралась на огромный экономический и научный потенциал. Наша страна с трудом преодолевала последствия военной разрухи.

Созданная в кратчайшие сроки за счет неимоверного напряжения сил, советская атомная промышленность находилась в стадии становления. По-прежнему остро не хватало урана. Постоянно лихорадило работу первого атомного промышленного реактора. Большие издержки имела технология радиохимического производства. Неотработанная технология приводила к хроническому переоблучению всех работающих с делящимися материалами. Не успевал специалист освоить свое рабочее место, как по медицинским показаниям вынужден был уходить с работы.

Еще до испытания атомной бомбы, 11 декабря 1948 года был образован строительный район № 1, в задачу которого входило сооружение второго по счету атомного реактора, зашифрованного как здание № 301.

Возглавил строительство второго реактора Василий Константинович Чистяков. Он приехал на стройку в июле 1947 года вместе с М. М. Царевским из Эстонии.

В. К. Чистяков быстро проявил себя как талантливый инженер, способный организовать работу больших коллективов строителей. Не боялся принимать смелые решения, отличался огромной работоспособностью.

Требования к срокам ввода реактора ужесточились, но строители уже накопили опыт сооружения сложных объектов. В. К. Чистяков умело руководил новым коллективом. Помогало и то, что на предыдущей стройке он был секретарем парткома, приобрел опыт работы с людьми. Вникал во все мелочи, не упуская основного, знал экономику.

Главным инженером района работал Павел Петрович Богатов — толковый, знающий специалист. С 1952 года он возглавил строительство Аргаяшской ТЭЦ.

С самого начала строительства здания № 301 был взят хороший темп: быстро выкопан котлован, началась подготовка к его бетонированию. И тут над объектом словно повис злой рок.

Все началось с того, что накануне бетонирования техническая инспекция не приняла арматурные работы и вообще их запретила. Причина заключалась в нарушении соосности стыков.

Огромное количество арматуры техническая инспекция хотела признать браком и таким образом надолго задержать бетонирование второго реактора. Однако проверка на разрыв ста двадцати визуально непригодных стыков показала, что дефекта в них нет. Опасность остановки стройки со всеми вытекающими последствиями со стороны режимных органов миновала. Какой нервотрепки этот случай стоил для В. К. Чистякова, знал только он сам.

Настоящая беда пришла в разгар сухого и жаркого лета 1948 года. Нижняя часть реактора была уже в бетоне, когда на стройке появился генерал Комаровский. Собрав руководителей района, он объявил им задачу — в кратчайшие сроки уложить бетон до нулевой отметки. Всем участникам этого штурма установил премию в четыре оклада.

Собрали лучших специалистов, продумали организацию

непрерывного бетонирования котлована. Работали по графику: укладка бетона в две смены, подготовка — в третью.

Арматурные блоки были обрамлены деревянной опалубкой. При сварке искры попали на кучу мусора. Это было в субботу. Люди ушли на выходной, а в воскресенье, в середине дня начался пожар. Он мгновенно распространился на все здание. Пламя было настолько мощным, что пожарники ничего не могли с ним сделать. Железная арматура стала мягкой как воск.

Примчавшийся на пожар Царевский, как замороженный, смотрел на море огня и непривычно молчал.

О пожаре немедленно сообщили в Москву. На другой день прилетел Комаровский. Побывав на пепелище, он решил впредь отказаться от деревянной опалубки и заменить ее железобетонными плитами, которые составляли бы единое целое с укладываемым бетоном.

Расследование причин пожара вел сам генерал-лейтенант Ткаченко. По обычной практике того времени органы безопасности усмотрели здесь происки врага. Только когда в котловане на глубине сорока метров свалили мусор и на глазах у Ткаченко через минуту после начала работы сварщиков он загорелся, генерал отказался от своей версии случившегося. Никого не наказали. Комаровский, как и обещал, всем участникам бетонирования котлована выдал премии. Пострадал один В. К. Чистяков. Его вычеркнули из списка при представлении очередной реляции.

* * *

Несмотря на трудности, весной 1949 года начались монтажные работы на объектах водного хозяйства здания № 301. Тогда же прибыла первая группа эксплуатационников во главе с начальником здания Н. А. Петровым, главным механиком Н. М. Тирановым. Вслед за ними на объекте появился главный инженер М. С. Пинхасик.

Строительно-монтажные работы курировали Б. Л. Ванников и Е. П. Славский.

Прием смонтированного оборудования, по установившейся традиции, проводился очень тщательно и строго.

Каждый сварной шов у коммуникаций проверялся под давлением. При сборке деталей находился представитель эксплуатационников, который контролировал каждое движение монтажников.

* * *

Второй атомный реактор заработал на полную мощность 15 мая 1950 года. Пуск его осуществлял И. В. Курчатов в присутствии обычной для этой торжественной минуты своих ближайших соратников: А. П. Александрова, Б. Г. Музрукова, Е. П. Славского, работавшего уже в Москве.

* * *

Одновременно с пуском здания № 301 началось строительство третьего реактора. Реактор сооружал тот же коллектив, что и здание № 301, во главе с В. К. Чистяковым и П. П. Богатовым. Хотя это был и более сложный аппарат, чем предыдущие, но особых происшествий при его сооружении не было. Сроки строительства и монтажа работ сократились. Третий реактор построили ровно за год — с апреля 1950 по апрель 1951 года.

Первым начальником реактора был Н. И. Козлов.

* * *

Особое внимание руководства было приковано к сооружению первого реактора на тяжелой воде в здании № 401.

В отличие от уже построенных трех уран-графитовых реакторов, тяжеловодный представлял собой сложную физическую установку со многими конструкционными особенностями и значительным количеством оборудования.

Разработка и строительство первого тяжеловодного реактора проходила под контролем научно-технического совета Первого главного управления. Научным руководителем разработки стал академик Алиханов, возглавлявший тогда Лабораторию № 3 Академии наук СССР. Главным конструктором этого типа реакторов был Б. М. Шлокович.

В конце 1947 года проект тяжеловодного реактора был выполнен.

На территории Лаборатории № 3 в течение 1948 года построили здание реактора и закончили монтаж оборудования. Экспериментальный тяжеловодный реактор заработал в апреле 1949 года. Опыт его работы был максимально учтен при сооружении первого промышленного тяжеловодного реактора в Челябинске-40.

Реактор на тяжелой воде имел одно очень серьезное по тому времени преимущество перед уран-графитовым аппаратом. Для его работы требовалось в десять раз меньше очень дефицитного урана.

Главным недостатком была высокая стоимость тяжелой воды, что требовало сокращения до минимума протечек и потерь этого замедлителя нейтронов, который одновременно был и теплоносителем. Поэтому очень высокие требования предъявлялись к герметичности оборудования в первом контуре. Нарушение ее, как показала последующая практика, приводило к очень сильной радиационной загрязненности.

Начальником строительства тяжеловодного реактора в здании № 401 был А. К. Грешнов, главным инженером — Иван Иванович Гусаров.

Ежедневно на стройплощадку приезжал В. А. Сапрыкин. Однажды, за два часа обойдя только часть объекта, сказал сопровождающим его коллегам:

— Вы, наверное, здесь что-то лишнего понастроили, никак не разберусь в помещениях, что к чему...

Изматывало строительство четырехэтажного первого здания и нового начальника Управления строительства П. П. Честных, сменившего в августе 1950 года М. М. Царевского.

Павлу Павловичу пришлось нелегко. У М. М. Царевского он несколько лет проработал заместителем по исправительно-трудовым лагерям. Честных знали как хорошего специалиста по работе с заключенными, в лучшем случае как хозяйственника, вряд ли способного руководить большой стройкой.

Однако со временем Честных вырос в сильного руководителя. Он не обладал большими техническими знаниями, но был от природы умным человеком, способным разобрать-

ся в сложных ситуациях, то и дело возникающих на строительных площадках. Некоторым коллегам он казался грубым, неотесанным. Обладая сильным характером, смело шел на конфликты, не пасовал перед крупным начальством.

17 ноября 1951 года первый тяжеловодный реактор пущен академиком А. И. Алихановым.

22 декабря 1951 года началась эксплуатация уран-графитового реактора в здании, построенном для проведения научных экспериментов. Первым начальником реактора стал Ф. Е. Логиновский.

* * *

15 сентября 1952 года вошел в строй уран-графитовый реактор в здании № 501. Начальником реактора назначили В. П. Муравьева.

К середине пятидесятых годов все запланированные атомные реакторы были построены.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В январе 1954 года по решению Министерства администрации зданий № 301 и № 601 решили объединить в одну под названием завода 24. Директором завода назначили Н. Н. Архипова.

1 июля 1954 года на основе зданий № 1, № 501, № 701 и химического цеха образован завод № 156. Первым директором завода стал Ф. Я. Овчинников, впоследствии его возглавляли Б. В. Брохович, А. Е. Спирин, В. В. Макаров.

В январе 1954 года объекты водного хозяйства объединены в завод 22, директором которого назначен А. М. Милорадов, впоследствии — С. И. Израилев, А. И. Семенюта.

Организация заводов группы «А» должна была способствовать удовлетворению все более возрастающих в условиях гонки вооружений с США потребностей в атомной взрывчатке. Решение этой проблемы было возможно с двух позиций: или увеличить количество реакторов, или увеличить их мощность.

Первый путь был исключен, так как экономика страны не выдержала бы одновременно с развитием ракетной промышленности и еще одно сопоставляемое по затратам увеличение предприятий атомной промышленности.

Начался поиск повышения мощности атомных реакторов. В нем приняли активное участие Н. И. Козлов, Г. Б. Померанцев,

Б. В. Брохович, М. П. Никифоров, М. Ф. Синицин, В. И. Каракулев, В. П. Данилюк, А. М. Павлов, В. А. Колесников, Ю. И. Корчемкин, Л. В. Кириллов, К. М. Заходов, Н. И. Узинцов, П. И. Филимонов, Н. С. Бурдаков, С. М. Жуков, В. А. Перегудов, В. А. Мелешкин и другие.

В итоге задача была выполнена, мощность атомных реакторов увеличили почти в пять раз. Это достижение дало колоссальную экономию денежных средств.

Завод 25 под руководством Б. В. Громова был превращен в крупнейшую научно-исследовательскую лабораторию. Коллектив завода не только успешно выполнял государственный план, но и вел большую поисковую научную работу не в лабораторных, а в промышленных условиях.

Руководство Государственного химического завода имени Д. И. Менделеева (так стала называться База-10) оказывало всяческую помощь коллективу завода. Б. Г. Музруков брал на себя контроль за ходом строительства новых отделений, решал все вопросы, связанные с обеспечением завода новым оборудованием, материалами и реактивами. Е. П. Славский руководил всеми пусканаладочными работами и освоением технологии.

Заместитель Славского, а затем главный инженер госхимзавода Г. В. Мишенков участвовал в составлении регламентов сложных операций, их проведении и обсуждении полученных результатов. Фактически он был куратором радиохимического производства.

Усилиями Б. В. Громова, А. П. Ратнера и Н. Г. Чемарина генерировались одна за другой идеи, осуществление которых коренным образом изменило технологию радиохимического производства.

Неоценимый вклад в усовершенствование технологии внес профессор, а позднее академик Борис Петрович Никольский. Специалист высочайшего уровня в области растворения металлов, он создал свою школу, которую прошли многие специалисты. Его отличала высочайшая культура проведения экспериментов. Отлично подготовленные эксперименты Никольского часто давали положительные результаты и сразу внедрялись в производство.

Интенсивное развитие научных исследований приводило к чуть ли не ежедневным изменениям в технологии производства. Иногда технологи не успевали осознать внесенные изменения, что приводило к серьезным нарушениям. Самым непростительным из них был разлив раствора с плутонием. Нарушители делали все, чтобы собрать раствор как можно быстрее, вернуть без потерь. При этом получали значитель-

ные дозы облучения. Но тогда такие поступки воспринимались как само собой разумеющееся.

Точно так же поступали и руководители комбината и отрасли. Известны многочисленные случаи, когда И. В. Курчатова, Е. П. Славский, Б. Г. Музруков, Г. В. Мишенков при неполадках первыми шли на самые опасные участки производства, подвергаясь опасному воздействию радиации.

Будучи главным инженером Базы-10, Е. П. Славский руководил пуском одного из отделений завода 25. Шел второй день пуска. Технология, разработанная учеными только в пробирках, в больших объемах не шла. Все очень устали, нервничали, потому что скоро уходил последний автобус, а следующий пришлось бы ждать пять часов. Е. П. Славский им посочувствовал, отпустил домой, а сам стал работать за аппаратчика. Начал передавать раствор из одного аппарата в другой через промежуточную емкость. К линии выдачи этой емкости подсосало вакуумом то ли тряпку, то ли прокладку, и раствор перестал передаваться. Ефим Павлович, чтобы выяснить в чем дело, спустился на отметку к емкости. Но проход к ней был очень узким, рассчитан почти на ребенка. К емкости еще можно было протиснуться, а вернуться обратно нет. Настоящая ловушка. Только после седьмой попытки, с помощью сбежавшихся сотрудников отделения, Е. П. Славский освободился из плена.

На следующий день Ефим Павлович дал команду ломать стену и делать дверь на улицу для доступа к емкости.

Руководители радиохимического производства в первые годы буквально круглосуточно контролировали положение дел на предприятии. Мишенков с какого-нибудь заседания или оперативки, а то из дома глубокой ночью звонил на завод, спрашивал, как идет процесс или конкретная технологическая операция. Не ложился спать, пока не услышит о благополучном ее завершении. На уговоры коллег лечь спать неизменно отвечал:

— Я могу только тогда уснуть спокойно, когда эта же возможность представится вам.

После завершения технологической операции, Григорий Васильевич посылал на завод машину, чтобы дать людям поспать лишний час...

«А НЕ ЗАВАЛИТСЯ ЭТА МАШИНА?..»

В 1952 году руководство отрасли приходит к решению строить новый радиохимический завод.

В первые годы многие работники завода 25 находились на рабочих местах в личной одежде, иногда даже без халата и галош. Появились случаи летального исхода.

Завод, изначально неудачно спроектированный, подвергался постоянным переделкам и перестройкам, в ходе которых происходило массовое переоблучение людей. Это послужило причиной строительства дублера завода 25. Его проектирование осуществлялось с учетом недостатков, выявленных при эксплуатации первого радиохимического завода.

Компоновка оборудования вместо вертикальной была выбрана горизонтальная — все аппараты, емкости, трубы и вентили размещались на одном уровне, причем аппараты и емкости размещались в каньонах в одном зале, трубы — в коридоре, общем для всех отделений, а вентили — в специальном коридоре с механизмами обслуживания.

Коридор, где размещались трубы, был полностью облицован нержавеющей сталью, а для контроля за состоянием труб и для заварки свищей на них вдоль коридора передвигался сварочный агрегат, внутри которого находились сварщики, действовавшие с помощью манипулятора.

Проектом предусматривалось строительство двух цепочек зданий. Строить начали в 1954 году с цепочки из зданий 802 и 807, так как они были ближе к хранилищу радиоактивных отходов, зашифрованному в документах того времени под индексом «С».

Сооружение объекта «С» находилось под пристальным вниманием руководителей Первого главного управления. Сохранился протокол совещания у Б. Л. Ванникова, посвященного строительству хранилища радиоактивных отходов.

31 декабря 1947 года, за несколько часов до Нового года И. В. Курчатова, М. Г. Первухин, А. Н. Комаровский, В. С. Емельянов обсуждали важнейшую проблему — как наиболее эффективно захоронить радиоактивные растворы, поступающие с радиохимического завода.

А. Н. Комаровский предложил отказаться от бетонных емкостей в пользу резервуаров из нержавеющей стали. Присутствующие поддержали его в том, что резервуары должны находиться в каньоне с бетонными стенами, а поверху накрыты сплошной железобетонной плитой.

Б. Л. Ванников, несмотря на предстоящий новогодний ужин, не был настроен так благодушно:

— Надеюсь, Игорь Васильевич, вы понимаете, что хранение столь ядовитых продуктов слишком опасно даже за толстыми бетонными стенами?

Курчатова согласно кивнул. Ванников посмотрел на М. Г. Первухина:

— А что нам химик скажет? Поделитесь соображениями, Михаил Георгиевич!

Первухин начал громко и уверенно:

— Борис Львович, мы уже думали над этим, прямо скажу, трудноразрешимым вопросом. Предлагаю принять программу по решению этой проблемы. В ней предусмотреть разработку методов резкого сокращения объемов радиоактивных растворов, их концентрации, замораживания или каких-то других способов хранения.

Б. Л. Ванников поручил разработать такую программу В. С. Емельянову, И. В. Курчатову, И. Е. Старику и доложить о ней 15 января 1948 года.

Как часто бывает, временная мера оказалась постоянной. Когда объект «С» был построен, посмотреть на него приехал В. А. Сапрыкин. Спросил у строителей:

— А не завалится эта машина под собственным весом?

Главный механик строительного района, соорудившего этого мастодонта, А. А. Казутов шутя ответил:

— Можете еще догрузить паровозом с нагруженным тендером.

Василий Андреевич подвел итог разговору: — Кто знает, какая сила нужна, чтобы разрушить это. Я смотрел проект, конструкция выполнена на века.

Никто не мог предположить тогда, что это сооружение, сделанное, казалось, с расчетом на вечность, станет источником огромной беды.

Глава 27

ТРАГЕДИЯ 57-го

29 сентября 1957 года был воскресный день, солнечный и очень теплый. Горожане занимались своими повседневными делами, многие из них находились на стадионе «Химик»: Там проходил футбольный матч между двумя ведущими командами города за призовое место. Примерно в 16 часов 30 минут раздался грохот взрыва в районе промплощадки. Далеко не все жители города обратили на него внимание. В то время на многих строящихся объектах мирные взрывы не были редкостью. Как рассказывают очевидцы, после взрыва поднялся столб дыма и пыли высотой до километра, который мерцал оранжево-красным светом. Это создавало иллюзию северного сияния.

Так произошла одна из серьезнейших аварий на химкомбинате «Маяк», почти за 30 лет до Чернобыля. В течение долгого времени об этой аварии в нашей стране ничего не публиковалось. Все содержалось в большой тайне.

Практически ничего не знали об этом и на Западе. Только в 1979 году в США была издана книга Жореса Медведева, известного советского диссидента, ученого-биолога, под названием «Ядерная катастрофа на Урале», рассказывающая о сентябрьской трагедии 1957 года.

Но даже после выхода в свет этой книги американские специалисты из Лос-Аламоса и Ок-Риджа не поверили Ж. Медведеву. Они считали, что проводились испытания русского ядерного оружия на Новой Земле и после этого радиоактивное облако опустилось именно на Южном Урале.

В 1980 году была опубликована статья американских ученых из Ок-Риджа под названием «Анализ ядерной аварии в СССР в 1957—1958 гг.». Авторы ее Д. Ж. Грабалко, Л. Д. Эйман, С. И. Ауэбах наряду со сведениями, которые соответствовали действительности, высказывают предположения, дают немало и неверных описаний аварии.

В Советском Союзе факт взрыва на химкомбинате впервые подтвердили в 1989 году. Потом начинается буквально шквал публикаций, который захлестнул центральную и местную печать. Эту аварию в прессе называли сначала «Кыштымская атомная катастрофа».

Средства массовой информации долгое время умалчивали, не высказывали никакого сочувствия работникам комбината, солдатам, жителям Челябинска-40, которым пришлось иметь дело с девяноста процентами выброса.

Как известно, 29 сентября 1959 года во взорвавшейся емкости находилось 20 миллионов юри активности. 18 миллионов юри, выброшенных из емкости, осталось на промплощадке, а около 2 миллионов юри активности были подняты в воздух и подхвачены ветром. Радиоактивное облако покрыло многие объекты химкомбината «Маяк», реакторные заводы, новый строящийся радиохимический завод, пожарную и воинскую части, полк военных строителей и лагерь заключенных.

Всего в двух полках и лагере заключенных находилось около трех тысяч человек.

В этот период в полк прибыло молодое пополнение — более 200 человек — это были новобранцы из Москвы. Их расположили в казарме, которая была свободна, так как личный состав уехал в спецкомандировку на Новую Землю. На 30 сентября намечались занятия с молодыми солдатами, все должно было идти своим чередом.

Примерно около 16 часов 30 минут раздался сильный взрыв. От ударной волны взрыва вылетели стекла из всех окон казарм, обращенных к фронту ударной волны, были сорваны выходные металлические ворота. Все военнослужащие в первый момент выбежали на улицу, некоторые побежали в оружейный парк за оружием. Часовой, который стоял у въездных ворот, прыгнул в канализационный коло-

дец и занял там оборонительную позицию. Когда один из офицеров крикнул: «Рядовой Петренко, где вы?», — он вылез из колодца и спросил: «Товарищ старший лейтенант, началась война?». Офицер ему сказал, чтобы он надевал противогаз и продолжал нести службу в проходной до дальнейших указаний.

В это время там, где находилось хранилище радиоактивных отходов, поднялся огромный столб пыли, который направлялся в сторону расположения полка.

Дежурный по полку решил, что это или диверсия, или крупная авария на основном объекте, связанная с радиоактивным выбросом, поэтому приказал всех людей отправить немедленно в казармы, закрыть выбитые окна всеми имеющимися средствами, налить на полы в казармах воды, чтобы не поднималась пыль. Такое распоряжение было отдано и в караулы. Им же была запрещена выдача пищи в столовой. Все пищевые баки были опечатаны печатью дежурного по полку.

Военнослужащие выполняли распоряжения безупречно, молча, быстро и без всякой паники. Совершенно противоположное было в военно-строительном полку, который находился рядом. Услышав взрыв, все солдаты выбежали на улицу, бросали головные уборы вверх, что-то неистово кричали. Такое их поведение было необъяснимо.

Через несколько минут после того, как солдаты полка охраны ушли в казармы, густое черно-серо-бурое облако нависло над их казармами. Наступила темнота после яркого солнечного дня. Состояние людей было ужасным. Служебные собаки вели себя очень беспокойно и выли, птиц нигде не было видно.

Выпадение радиоактивных веществ в первые часы было очень интенсивным. На голову падали довольно крупные частицы; мелкие, в виде хлопьев, продолжали выпадать и на следующие сутки.

Как только радиоактивное облако накрыло военный городок, по телефону срочно вызвали дозиметристов. Они прибыли незамедлительно. Замерив зараженность территории, людей, зданий, они сказали, что необходимо немедленно эвакуировать людей. Команду по эвакуации дежурный

не мог дать, так как это решение должны были принимать вышестоящие командиры. После проведения первоочередных мероприятий, он доложил об обстановке в полку дежурному по дивизии, командиру части, дежурному по КГБ, но никто не знал, что произошло, и решения никто не принял.

Командир дивизии полковник Пташкин команду об эвакуации людей получил из Москвы только в начале следующих суток. 30 сентября в два часа ночи началась эвакуация.

Смешанным порядком — на открытых бортовых автомашинах и в пешем строю, основная масса людей была эвакуирована.

Все военнослужащие прошли санитарную обработку в бане, всех переодели в чистую одежду. Как проводить санитарную обработку людей — никто не сказал. В бане очень жарко, мылись горячей водой несколько часов. Радиоактивные вещества вошли глубоко в кожный покров и обработка дала слабые результаты.

30 сентября под руководством подполковника М. Мещерякова началась эвакуация оружия и боеприпасов. Часть оружия была очень сильно загрязнена, и его пришлось зарыть в одном из котлованов. Менее «грязное» оружие пытались отмыть. С деревянных частей его соскабливали стружку до белого цвета, металлические части чистили песком, шкуркой, но полностью активность отмыть не могли, а загрязненное радиоактивным веществом оружие военной склад не принимал. Так и несли службу некоторые солдаты с загрязненным радиоактивностью оружием.

В расположении части на промплощадке находились служебные собаки, лошади, свиньи — все они были тоже очень «грязные» и пришлось их уничтожить. Но один солдат-конюх не уничтожил свою лошадь и увел ее в другой военный городок, держал там в сарае. Конь по кличке «Грим» продолжал работать — возить дрова, пищу. Шерсть на спине «Грима» облезла, на спине были язвы. Гамма-поле от коня было очень высокое. Замечательный конь стал источником радиации. Пришлось с ним расстаться.

29 сентября 1959 года, когда произошел взрыв, Челябинску-40 повезло: радиоактивный след ушел в другую сто-

рону. Остальная часть выброса — два миллиона кюри — была подхвачена сильным юго-западным ветром и разнеслась по лесам, озерам, полям, на площади 1000 квадратных километров Челябинской, Свердловской и Тюменской областей.

Ширина «ядерного языка», в котором преобладал стронций-90, составляла 8—9 километров. Из 23 окрестных деревень пришлось эвакуировать около 10 200 человек.

Позднее территория, на которой выпали радиоактивные осадки, получила название: Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС). 90% выброшенной активности пришлось на территорию химкомбината. Ситуация сложилась крайне сложная. Так называемая 14-я емкость или «банка вечного хранения», где находились радиоактивные отходы, оказалась полностью разрушенной. Необходимо было проверить состояние других емкостей, наладить охлаждение водой, собрать выброшенный радиоактивный осадок и поместить его в другие емкости, провести дезактивацию территории, сооружений на промплощадке. И все это приходилось делать в условиях высокой радиации.

Со многими проблемами приходилось сталкиваться впервые. Не хватало опыта, техники, дозиметрических приборов.

Сразу после аварии, 30 сентября 1959 года, из Москвы прибыла комиссия во главе с Е. П. Славским, которого до этого назначили министром среднего машиностроения СССР. Кроме него в состав комиссии входили академики Александров и Кикоин, начальник третьего главного управления Минздрава СССР А. И. Бурназян, начальник четвертого главного управления Минсредмаша А. Д. Зверев.

В своей документальной повести М. В. Гладышев пишет: «Вскоре на объект приехал, главный инженер строительства подполковник А. К. Грешнов, а затем сам Ефим Павлович Славский. Он стал спрашивать, что делать, не лучше ли строить заново на другом месте. Строители молчали, и мне пришлось отвечать на этот вопрос.

Это была трудная минута. Что выбрать, что надежней, быстрее и проще? Загрязнение объекта было большим, продукты деления разные, но в своем большинстве стронций-90,

цирконий-ниобий (мало) и цезий-137. Оба долгоживущие, около 30 лет, защита от цезия не простая: гамма-излучатель. Опыта отмывки поверхностей, особенно стен, перекрытий и крыш, не было. Техники никакой, кроме пожарных машин, бульдозеров, лопат и отбойных молотков.

И все же я предложил вести работы по отмывке и подчеркнул, что все надо начинать с организации пункта переобедания, т. е. надо срочно достроить санпропускник. Ефим Павлович был в большом возбуждении, сильно нервничал и начал с того, что отругал нас самыми крепкими словами в русском изложении».

На ликвидацию последствий аварии направляли прежде всего персонал химкомбината, военных строителей. Созданы были три санитарных отряда, которые решали конкретные задачи по очистке территории химкомбината, его зданий и сооружений, дорог и т. д.

3 октября 1959 года Е. П. Славский издал приказ, согласно которому обязал начальника строительства П. Т. Штефана сформировать два отряда военнослужащих по 200 человек в каждом. В этом приказе указывалось, что участники ликвидации последствий аварии будут уволены в запас после окончания работ. Определялась и максимальная доза облучения за все время работ — 25 рентген. Но на практике это указание далеко не соблюдалось. В приказе говорилось о том, что дезактивацию следует проводить водой, «загрязненные» камни и предметы закапывать отдельно, радиоактивные участки покрывать грунтом, свинцовой защитой оборудовать 4 бульдозера и 10 автомашин.

Сотрудникам Центральной заводской лаборатории было поручено проводить дезактивацию дороги, ведущей к реакторным заводам. Ширина радиоактивного следа на этом участке равнялась 400—500 метрам. Радиоактивный след был виден сразу: березки на «следе» стояли голые, без листьев. Иглы сосен порыжели и затем тоже опали. Лес производил удручающее впечатление.

Дороги мыли специальными растворами. В работе использовали поливочные и пожарные машины, бульдозеры, автогрейдеры, бульдозерами расчищали обочины дорог. В наиболее грязных местах снимали слой почвы до 20 санти-

метров и отвозили в могильники. На загрязненной полосе приходилось спиливать деревья и отвозить их также в могильники. После каждой рабочей смены загрязненность спецодежды составляла десятки тысяч бета-распадов в минуту со 150 квадратных сантиметров. Поэтому комбинезоны, резиновые сапоги приходилось уничтожать после каждой смены — их сбрасывали в каньон и засыпали землей.

Ликвидаторам аварии была установлена доза облучения не более двух рентген в смену, но получали они значительно больше.

Своими воспоминаниями делится лаборант-дозиметрист С. Ф. Осотин: «После аварии мне пришлось много работать на загрязненной полосе, в самом центре радиоактивного следа. Нашей группе было поручено вывести заключенных с загрязненной полосы. Лагерь заключенных находился на промплощадке, и радиоактивное облако накрыло его. Бараки, люди, продукты — все было очень «грязным». Загрязненность территории доходила до нескольких тысяч микро-рентген в секунду. Гамма-поле от буханки с хлебом в столовой лагеря составляло 50 микрорентген в секунду.

Необходимо было срочно отмыть людей от радиоактивного загрязнения, переодеть их в чистую одежду и вывести из загрязненной полосы, не загрязнив их снова, а затем начать дезактивацию территории. На выходе из загрязненной полосы были поставлены две палатки. В одной палатке водой из шланга пожарной машины отмывали людей, в другой палатке одевали их в новую, чистую одежду. Пришлось в срочном порядке сооружать дорогу-лежневку. По этой лежневке вывели из зоны загрязнения всех заключенных. Никто из заключенных в ликвидации последствий аварии не участвовал. Таким же способом мы отмывали и переобедывали солдат военно-строительного полка, попавших в зону загрязнения. Грязную одежду сбрасывали в карьер, заливали водой, а затем засыпали землей. Оружие (пулемет и несколько автоматов, которые невозможно было отмыть от радиоактивности, завернули в пергаментную бумагу, положили в ящики и закопали в землю. Мне было дано право определять: какое «грязное» оружие следует уничтожить. Работать на промплощадке приходилось нам сутками. Первые

три дня я домой не уходил, ночевал в заводской столовой...»

Несмотря на то, что сам город Челябинск-40 не попал под радиоактивное облако, радиационный фон в городе значительно увеличился. «Грязь» с промплощадки разносилась колесами машин, одеждой «ликвидаторов» последствий аварии. Однако на все это не сразу обратили внимание. Практически в течение двух месяцев после аварии в городе не проводился дозиметрический контроль. Об аварии запрещалось что-либо сообщать, все держалось в строжайшей тайне.

Когда проверили улицы города на загрязненность, оказалось, что наиболее «грязными» была улица Ленина, особенно при въезде в город, и улица Школьная, где жило руководство комбината. Пришлось в срочном порядке принимать меры по наведению «чистоты» в городе, организовать контроль за всеми машинами, выходящими с промплощадки. Как правило, все автобусы, курсирующие на промплощадке, были «грязные», поэтому люди на контрольно-пропускных пунктах выходили из них, пересаживались в другие — «чистые» автобусы. После аварии ежедневно мыли улицы города. Несколько позже на КПП организовали мойку машин. На загрязненность радиоактивными элементами проверяли практически все квартиры. В результате таких проверок было выявлено немало «грязной» обуви, одежды, предметов обихода. Многие пришлось уничтожить.

В процессе проверки квартир, магазинов и складов обнаружили «грязные» продукты питания, домашние вещи, загрязненность которых в ряде случаев не была связана с аварией 1957 года. Например, обнаружили в одном из домов очень высокий уровень радиационной загрязненности детской кроватки. Ребенок, который спал в этой кроватке и его мать умерли. Отец тяжело болел. Как оказалось, эту кроватку сделали из труб, ранее использованных на реакторном заводе 37. Трубы были взяты на территории этого завода. Первоначально никто не знал о причине смерти ребенка и молодой женщины. Выяснилось это только после проверки квартиры на загрязненность радиоактивностью.

Дозиметрические проверки территории города, квартир оказывали определенное психологическое воздействие на жителей города, многие из которых имели смутное пред-

ставление о радиоактивности.

В зоне Восточно-Уральского радиоактивного следа оказались около двух десятков деревень. 2 октября 1957 года состоялось совещание о санитарных мероприятиях по населенным пунктам, расположенным в зоне загрязнения. На совещании установили, что в наиболее опасной зоне оказались три деревни: Салтыкове (45 дворов и 300 жителей), Галикаево (97 дворов и 1118 жителей), Бердяниш (85 дворов и 550 жителей). Участники совещания решили: «Деревню Салтыкове переселить в пятидневный срок, а после установления устойчивого снежного покрова и очистки строений считать возможным возвращение жителей назад. Из деревень Бердяниш и Галикаево пока не переселять. Освобожденные строения не разрушать».

Материалы совещания свидетельствуют о том, что истинной картины радиоактивного загрязнения территории, опасности, которую оно представляло для жителей, участники совещания не представляли.

Переселение людей проходило с большим запозданием, с серьезными последствиями для населения.

С. Ф. Осотин рассказывал:

— Вместе с другими дозиметристами — Д. И. Ильиным, В. Я. Бронниковым и Ю. А. Петровым — мы проводили эвакуацию людей из села Бердяниш. Людей отмывали, определяли загрязненность скота, вещей, жителей. Село Бердяниш, как и села Салтыкове, Галикаево, подверглось наибольшему загрязнению. Жителей из этих населенных пунктов необходимо было эвакуировать немедленно. Однако эвакуация проводилась только через 7—10 дней.

«Когда мы приехали в село Бердяниш, — рассказывал С. Ф. Осотин, — люди жили нормальной жизнью. Ребячишки беспечно бегали по селу, веселились. Л. И. Ильин подходил к ним с прибором и говорил: «Я прибором могу точно определить, кто из вас больше каши съел». Ребята с удовольствием подставляли животы. «Поле» от живота каждого ребенка равнялось 40—50 мкР/сек. Помет гусей имел «поле» 50—70 мкР/сек. Очень «грязные» были коровы. Солдаты загоняли их в силосные ямы и расстреливали, что чрезвычайно угнетающе действовало на людей. Все дома, хозяй-

ственные постройки солдаты разрушали, остатки закапывали в траншеи. Проводить эвакуацию населения из их родной деревни было очень трудно. В селе Бердяниш в основном жили башкиры. Много сил надо было потратить, чтобы «грязную» одежду, утварь жителей уничтожить. Люди пытались доказать, что никакой «грязи» на одежде, на кастрюлях и горшках нет.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ АВАРИИ?

Комиссии, созданные Минсредмашем в 1957—1958 гг., рассматривали три возможных причины аварии:

1. Ядерная цепная реакция на плутонии.
2. Взрыв смеси гремучего газа (водород и кислород).
3. Взрыв сухих солей нитратов и ацетатов натрия, образовавшихся при испарении воды из радиоактивных отходов (продукт 904).

Первая предполагаемая причина отпала сразу же. Расчеты показали, что даже при наличии в продукте 904 плутония, в 100 раз большего, чем предусмотрено по регламенту, цепная реакция невозможна.

Маловероятной оказалась и вторая предполагаемая причина — взрыв гремучей смеси. Взрыв водорода не мог вызвать столь сильное разрушение, которое имело место 29 сентября 1957 года. Тогда в результате взрыва 14-й емкости была сорвана бетонная плита весом 160 тонн, одновременно были сорваны и смещены бетонные крышки с двух соседних емкостей. В здании 121, расположенном в 200 метрах от точки взрыва, были выбиты все рамы, разрушена кирпичная стена. В зданиях, находящихся от взрыва на расстоянии 1800, 2000 и 2700 метров, оказались выбиты стекла.

В приказе министра среднего машиностроения Е. П. Славского от 1 ноября 1957 года сказано, что причина взрыва — недостаточное охлаждение банки № 14, что привело к повышению температуры продукта в ней и созданию условий для взрыва солей. Осушение раствора и разогрев нитратно-ацетатного осадка до температуры 330° С при не-

правильной организации охлаждения емкости водой привел к такому взрыву.

1 ноября 1957 года директор химкомбината М. А. Демьянович был освобожден от своих обязанностей «за ослабление производственной дисциплины на комбинате». Его послали затем главным инженером на аналогичное предприятие в Сибирь. Строгий выговор за эту аварию получил главный инженер комбината Г. В. Мищенко.

После аварии приказом Минсредмаша от 28 апреля 1958 года была создана Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС), основными задачами которой являлось изучение влияния радиации на растительный и животный мир района, а также разработка метода использования земель, подвергшихся радиационному загрязнению. Все загрязненные земли совхоза № 2 передавались ОНИС для проведения научных исследований.

Катастрофа 1957 года задержала пуск второго радиохимического завода на два года.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Сразу после пуска второго радиохимического завода посыпались предложения, направленные на совершенствование технологии. Их внедрение в практику позволило через два года повысить производительность почти в два раза.

В шестидесятые годы осуществляется новая реконструкция "дублера Б". В 1972 году заводы «Б» и «дублер Б» объединились.

На территории завода находится естественное озеро Карачай площадью 270 тыс. м². С 28 октября 1951 года водоем используется как хранилище жидких радиоактивных отходов радиохимического производства. За время эксплуатации в нем накоплено 120 миллионов кюри радионуклидов. В 1985 году начались работы по засыпке этого водоема.

В 1948 году приказом Б. Г. Музрукова создана служба контроля производства и элементов автоматики (КПА) под руководством Ю. А. Герулайтиса, которая сначала находилась в составе Центральной заводской лаборатории.

В 1951 году создается самостоятельная центральная служба КИПиА во главе с С. Н. Работновым и главным инженером Г. Е. Поповым. Четырьмя лабораториями руководили И. И. За-

славский, А. И. Чертков, С. Ф. Соковина, П. И. Глухов.

В 1954 году организовано Особое конструкторское бюро контрольно-измерительных приборов и автоматики.

В 1981 году на базе производственной части Особого конструкторского бюро образован завод 40. Первым руководителем завода стал С. Н. Работнов. Его сменили Г. Г. Попов, Н. Т. Панасик, А. Н. Кононов, В. В. Плугин.

В 1955 году выходит постановление о развитии производства радиоактивных изотопов для народного хозяйства.

В 1962 году образован завод по производству радиоизотопов. Его директором стал Ю. Н. Лаврентьев, впоследствии — Ю. Ф. Носач, А. А. Калиновский.

В 1949 году в центре города было построено специальное здание, предназначенное для проведения научных исследований. В первое время ЦЗЛ обслуживала, в основном, строителей и водное хозяйство.

Однако, скоро стало очевидно, что производству необходима Центральная лаборатория иного типа, которая осуществляла бы не только контроль производства, но и решала бы научные проблемы по заданию руководителей отрасли и предприятия.

И. В. Курчатов считал, что Центральная заводская лаборатория должна быть связующим звеном между производством и научно-исследовательскими институтами Москвы и Ленинграда.

В связи с этим в 1949 году в состав ЦЗЛ вошли физический, химический и биологический отделы, которые соответственно возглавили Евгений Дмитриевич Воробьев, Борис Петрович Никольский, Александр Александрович Летовет. Возглавлял ЦЗЛ в те годы В. И. Широков.

Работу физического отдела Центральной заводской лаборатории курировал сам И. В. Курчатов. Различными направлениями в области теплофизики, нейтронной и ядерной спектроскопии руководили известные ученые Г. Н. Флеров и Л. И. Русинов.

Изучение механических свойств облученных урановых блоков проводилось академиками А. А. Бочваром и А. С. Займовским. Теория ядерных реакторов исследовалась группой И. Ф. Жежеруна.

В химическом отделе исследованиями руководили член-корреспондент Академии наук СССР Б. П. Никольский, профессора Б. А. Никитин, В. М. Вдовенко, Н. Е. Брежнева, Ю. С. Елович.

По предложению И. В. Курчатова в 1954 году на комбинате создан ученый совет по защите докторских и кандидатских диссертаций. Его председателем стал Б. П. Никольский, а членами ака-

демики И. В. Курчатова, А. А. Бочвар, А. П. Виноградова, доктор химических наук А. Д. Гельман, директор комбината М. А. Демьянович, главный инженер Г. В. Мишенков, начальник ЦЗЛ В. И. Широков.

С 1955 года значительное место в работе Центральной заводской лаборатории занимают проблемы очистки воды от радионуклидов и захоронения радиоактивных отходов.

В 1958—1960 годах ЦЗЛ определила основные источники выброса аэрозолей, а затем в течение десяти лет боролась за снижение их выброса в атмосферу. В результате выбросы газов и аэрозолей из реакторов снижены в восемь раз, радиохимического завода — в десять раз, альфа-активных аэрозолей — в двести раз.

С 1959 года активно работает лаборатория внешней дозиметрии под руководством Юрия Дмитриевича Корсакова. Кроме проблем, связанных с аварией 1957 года, сотрудники лаборатории изучали гидрологический режим реки Теча, распределение радионуклидов в воде и донных отложениях озер. Особое внимание уделялось озеру Карачай.

Наиболее трудная задача для того времени заключалась в разработке надежных методов обезвреживания радиоактивных отходов и их хранения.

В основу метода захоронения отходов было положено получение радиоактивного стекла и последующее захоронение его в геологические формации.

Группа А. А. Константиновича вместе с научно-исследовательскими институтами разработала процесс варки радиоактивного стекла в печи с газовым обогревом.

В конце шестидесятых годов защищают докторские диссертации Л. П. Сохина, Я. П. Докучаев, Г. Б. Померанцев, А. С. Никифоров, чуть позже Н. С. Бурдаков, В. И. Гужавин, В. П. Уфимцев.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Еще в начале пятидесятых годов группа наших и немецких ученых, работавшая недалеко от Каслей в бывшем санатории НКВД «Сунгуль», нашла методы очистки воды от радиоактивных примесей, разработала способы перевода жидких радиоактивных отходов в твердое состояние для последующего их захоронения, изучала пути прохождения радионуклидов в человеческом организме.

Руководил лабораторией в «Сунгуле» Н. В. Тимофеев-Ресовский, радиохимическим отделом профессор — С. А. Вознесенский. Позже С. А. Вознесенский уехал в Свердловск, где в Уральском политехническом институте организовал кафедру радиационной химии. Одновременно он активно сотрудничал с ЦЗЛ. В

1957 году он выдвинул идею глубинного захоронения радиоактивных жидких отходов в пустотах, не имеющих контактов с грунтовыми водами. Этот метод впоследствии использовался в Сибири.

После роспуска лаборатории в 1955 году, ее сотрудник кандидат химических наук Глеб Аркадьевич Серeda назначен начальником Центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ). В 1959 году Г. А. Серeda уехал в Обнинск. Начальником ЦЗЛ стал Иван Алексеевич Терновский, его, заместителем по науке — Л. П. Сохина. С этого времени все больше место в работе Центральной лаборатории занимают проблемы экологии — обезвреживание и безопасное хранение радиоактивных отходов, очистка воздуха..

В лаборатории Марка Михайловича Башкирцева разрабатывались средства индивидуальной защиты от радиоактивных веществ, изучались свойства радиоактивных аэрозолей.

С 1975 года начальником Центральной заводской лаборатории работает Лия Павловна Сохина. Закончив в 1947 году химический факультет Воронежского университета, она стажировалась в группе академика И. И. Черняева. С 1949 года она работала на химико-металлургическом заводе 20, принимала участие в отработке технологии получения металлического плутония, защитила кандидатскую диссертацию под руководством крупного ученого А. Д. Гельман в Москве. Возвратившись в город, перешла работать в Центральную заводскую лабораторию, стала лауреатом премии Совета Министров СССР.

Проблема стабилизации режимов и обеспечения устойчивой работы комбината во многом была решена в шестидесятые годы, когда коллектив комбината возглавил Николай Анатольевич Семенов. В 1948 году он направлен на Базу-10 по решению Свердловского обкома ВКП(б). В период освоения первого реактора он был начальником смены «Аннушки». В 1952—1957 годах работал заместителем главного инженера комбината по реакторам. В 1958—1960 годах назначается главным инженером, а с 1960 по 1971 год — директором химического комбината. С 1971 по 1982 год работает первым зам. министра среднего машиностроения.

Его сменил Борис Васильевич Брохович. Б. В. Брохович приехал в Челябинск-40 еще в 1946 году, когда весь штат завода составлял несколько человек. Проработав недолго в заводууправлении, молодой инженер перешел на радиохимическое производство. Затем Борис Васильевич становится начальником смены атомного реактора. Уже тогда коллеги отмечали в нем стремление дойти до самой сути любой производственной проблемы. Справедливость, знание людей были его отличительными качествами. Не был злопамятен, когда подчиненные совершали ошибки, не оттакавал людей от себя, но проверял, стоит ли им доверять в дальнейшей работе

С 1963 года Борис Васильевич становится главным инженером, а затем директором первого реакторного завода. Не секрет, что производственники часто лукавят перед большим руководителем, пользуясь тем, что он не может досконально знать обстановку на каждом рабочем месте. Брохович знал практически все инструкции и правила подразделений завода, поэтому сразу видел неискренность подчиненных. Борис Васильевич умел дорожить словом, пустых обещаний не давал, решения всегда принимал обдуманные.

В 1971 — 1989 годах Брохович возглавлял коллектив всего комбината. За высокие достижения удостоен звания Героя Социалистического труда, стал лауреатом Ленинской и Государственной премий.

С 1989 года производственное объединение «Маяк» возглавляет Виктор Ильич Фетисов. На его долю в значительной мере пришлась нелегкая задача ликвидации негативных последствий деятельности предприятий производственного объединения «Маяк» на окружающую среду. Это руководитель новой формации — умный и прагматичный, хорошо знающий и производство, и лабиринты коридоров власти. Лишенный поддержки ЦК КПСС, которой обладали его предшественники, он решает сложнейшие проблемы конверсии, перехода к рынку.

АТОМЩИКИ — ТЕАТРАЛЫ

Руководитель Манхэттенского проекта американский генерал Л. Гровс делает любопытные признания в своей книге «Теперь об этом можно рассказать», когда сообщает об убогости культурной жизни во время строительства атомного завода в Ханфорде (аналогичного во многом химкомбинату «Маяк»).

Л. Гровс пишет следующее: «Жизнь для многих оказалась неинтересной, так как никаких развлечений не было, если не считать самых простых, которые они смогли самостоятельно организовать. У нас не было ни симфонических оркестров, ни опер, ни театров, ни лекций на какие-либо культурно-просветительные темы».

В отличие от американских атомных центров Ханфорда или Ок-Риджа культурная жизнь в Челябинске-40 была совсем иной. Руководство страны, учитывая особую важность создаваемой атомной промышленности, не жалело финансовых и материальных средств на культуру, образование, выделяло значительные ассигнования на строительство и содержание учебных заведений, клубов, театров, библиотек.

Городской драматический театр родился в самый напряженный и ответственный период строительства комбината, 28 октября 1948 года. Именно в этот день в новом клубе имени Ленинского комсомола премьерой спектакля «Павел Корчагин» (инсценировка Ф. Бондаренко романа Н. Островского) открылся первый театральный сезон в городе. Исполнителями ролей были как профессиональные актеры В. М. Зыков, П. И. Раппо, И. С. Фомин, В. В. Оссовский,

так и наиболее талантливые участники самодеятельности.

Основателем театра, его первым директором и художественным руководителем стал Владислав Витольдович Оссовский. Он еще в 1937 году окончил высшие режиссерские курсы, работал художественным руководителем, директором первого областного колхозно-совхозного театра в г. Шадринске. В 1938—1941 годах блестяще играл на сцене Челябинского драматического. Добровольцем ушел на фронт, демобилизовался в звании майора. С 1946 года он снова на сцене Челябинского драмтеатра. По решению обкома партии направлен в Челябинск-40.

За два года работы на сцене клуба коллектив театра подготовил и показал 14 спектаклей, среди которых были «Чужая тень» К. М. Симонова, «Бедная невеста» и «Бесприданница» А. Н. Островского, «Каменный гость» А. С. Пушкина.

«Первые спектакли театра нашего города, — рассказывают очевидцы, — может быть и не были во всем совершенны, но зато актеры играли так эмоционально и заразительно, так темпераментно, что буквально захватывали зал».

Несколько десятилетий драмтеатр назывался именем А. М. Горького. Официального решения о присвоении имени писателя театру мы не нашли. Откуда же оно произошло? В 1948—1949 годах часть труппы театра составляли лучшие артисты Кыштымского городского театра имени Горького. Они-то и принесли это имя драмтеатру в Челябинске-40.

В 1949 году наряду с драматической труппой театра стала формироваться и музыкальная, основу которой положили высокопрофессиональные музыканты Г. М. Халилеев, Н. Г. Иващенко, В. С. Исаев и другие. В августе 1950 года коллектив театра переехал в новое, прекрасно оборудованное по тому времени здание, в котором работает и по сегодняшний день. Театральный сезон в новом здании открылся премьерой спектакля «Свадьба Кречинского» по пьесе А. В. Сухово-Кобылина. В этом же году труппу театра дополнили опытные артисты З. Н. Введенская, В. Н. Митрофанов, а также одаренные выпускники московских и ленинградских театральных училищ.

В 1951—1952 годах был создан профессиональный симфонический оркестр (главный дирижер Дмитрий Васильевич Белобородое). Правда, концерты симфонического оркестра посещались крайне слабо. Многие не понимали классической музыки, у людей отсутствовала должная музыкальная культура. Частыми посетителями спектаклей, концертов были И. В. Курчатов, А. П. Александров, Б. Г. Музруков и другие руководители.

К. А. Терехов, работавший в те годы председателем профсоюзного комитета города, рассказал о том, как однажды позвонил ему главный дирижер симфонического оркестра Д. В. Белобородое. С тревогой в голосе он сообщил:

«Константин Андреевич! Срывается концерт оркестра. В зале всего человек 20, а у нас оркестрантов — 40. Что делать?»

Как вспоминает К. А. Терехов, он знал о том, что в театре в тот момент находился И. В. Курчатов со своими помощниками.

— Дмитрий Васильевич, а ты разве не заметил среди зрителей «Бороды» (так называли Курчатова)?

— Нет, не видел я его. Сейчас еще раз посмотрю в зал.

После некоторой паузы снова последовал очередной звонок Терехову.

— Константин Андреевич! Он здесь, я его видел в зале!

— Хорошо. Теперь ты понял, Дмитрий Васильевич, что надо делать. Да? Действуй!

Концерт симфонического оркестра начался вскоре, продолжался он более двух часов, без перерыва. Причем оркестранты играли не по программе, а исполняли в основном заявки Игоря Васильевича, его любимые произведения классической музыки.

Когда концерт закончился, И. В. Курчатов тепло поблагодарил главного дирижера и всех оркестрантов. Курчатов хорошо понимал классическую музыку, был ее тонким ценителем.

За более чем 45-летнюю историю театра работали в нем 16 главных режиссеров. Особенно большой вклад внес талантливый режиссер и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Алексеевич Орлов. Свой путь ак-

тера и режиссера он начал еще в 1920 году, позднее учился в режиссерской мастерской С. М. Эйзенштейна. В. А. Орлов работал во многих областных и столичных театрах. До приезда в город Челябинск-40 он был главным режиссером театра Группы советских войск в Германии. С 1954 по 1958 год В. А. Орлов — главный режиссер областного театра им. Горького. Под его руководством все большее место в репертуаре театра стала занимать отечественная драматургия: спектакли по пьесам А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Б. А. Лавренева, А. И. Арбузова, Н. Ф. Погодина.

В 1956 году театр был преобразован в музыкально-драматический. В театре работали около 200 человек. Содержать такой штат в театре небольшого города оказалось крайне сложным делом, катастрофически не хватало финансовых средств. В борьбе за выживание усиливается концертно-исполнительская деятельность. Начинаются так называемые обменные гастроли по закрытым городам системы Министерства среднего машиностроения.

Первым художественным руководителем оперетты стал известный в те годы музыкальный работник, опытный режиссер, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР Иосиф Александрович Донатов. В 1931—1936 годах он работал главным режиссером Московского театра оперетты.

Главным дирижером музыкально-драматического театра с 1956 по 1961 годы был опытный музыкант Авиэзер Абрамович Боровик. В город он приехал с должности заведующего музыкальной частью театра имени Пушкина в Москве. А. А. Боровик — отец известного сейчас политического обозревателя, драматурга и писателя Генриха Боровика. В октябре 1956 года И. А. Донатов поставил оперетту Ю. Милютина «Трембита». Она пользовалась большой популярностью у зрителей города. За 11 лет коллектив оперетты подготовил и сыграл около сорока спектаклей.

В музыкально-драматическом театре города работали талантливые актеры, народные и заслуженные артисты Российской Федерации: Валентина Юркевич (Красноярский театр оперетты), Семен Крупник (Одесский театр оперетты), Ираида Лихачева (Екатеринбургский театр музыкальной комедии). Дирижером оркестра был А. Михайлов — буду-

щий руководитель Государственного оркестра радио и телевидения СССР, а затем России. Впервые на сцене музыкально-драматического театра города раскрылся талант популярной певицы Галины Ненашевой. До этого она пела в Челябинском театре оперы и балета и оставалась в тени.

Вера Ивановна Ефимова, заслуженная артистка РСФСР, вспоминает: «Прибыла я в город 6 июля 1958 года. И сразу — в театр, в зал, на репетицию. Первое чувство: слава богу, это же настоящий театр. Какие актеры!». Действительно, на сцене театра играли замечательные актеры: И. А. Башков (заслуженный артист РСФСР с 1961 года), А. Курант (заслуженная артистка Коми АССР), Б. И. Коганов (заслуженный артист РСФСР с 1967 года), К. С. Ливанов, В. Н. Митрофанов, О. А. Коганова, Э. Введенская, А. Зайцева и многие другие. Большая заслуга в становлении творческого коллектива принадлежала и главному режиссеру театра Якову Семеновичу Хамармеру, позднее народному артисту РСФСР. Он возглавлял театр с 1957 по 1960 год.

Я. С. Хамармер сумел объединить актеров, сделать их единомышленниками, поставить ряд интересных спектаклей, которые на протяжении нескольких сезонов вызывали интерес и признание зрителей. Спектакль «Угрюм-река» за 10 лет выдержал около 200 постановок. В нем блистательно играли Б. И. Коганов, В. И. Ефимова, В. Н. Митрофанов.

В 1968 году театр вновь реорганизован в драматический.

На протяжении многих лет театр обращался к произведениям русской и зарубежной классики. Горький: «На дне», «Егор Булычев и другие», «Враги»; Чехов: «Дядя Ваня», «Три сестры»; А. Н. Островский: «Поздняя любовь», «На бойком месте», «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Из зарубежной классики на сцене театра шли спектакли по пьесам В. Гюго, Лопе де Вега, Ф. Шиллера, О. Уайльда.

В жизни театра небольшого города всегда актуальна зрительская проблема, комплектование труппы. Так, в сезоне 1969—1970 годов в репертуаре театра не было ни одного спектакля с полным составом исполнителей. Чтобы привлечь зрителей, выполнить финансовые показатели, приходилось за один театральный сезон выпускать много новых спектаклей — до 12—15 работ в год. Естественно, это не

могло не отражаться на качестве.

С конца 60-х — начала 70-х годов коллектив театра получил возможность выезжать на гастроли в другие города.

С мая 1973 по май 1975 года главным режиссером театра работал Борис Викторович Гутников. Им было поставлено 15 спектаклей. Заметным явлением в художественной жизни города стали спектакли «Долги наши» Э. Володарского, «Характеры» В. Шукшина, «Радуга зимой» М. Рощина, «Вечно живые» В. Розова, «Протокол одного заседания» А. Гельмана. По итогам Всероссийского смотра, посвященного 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, спектакль «Власть тьмы» был награжден дипломом Министерства культуры Российской Федерации.

Для первой половины 70-х годов была характерна частая смена режиссеров. Сдвиг наступил в 1978 году, когда главным режиссером стал Виктор Владимирович Шульман. Театральная труппа начала активно пополняться молодыми актерами, выпускниками театральных вузов и училищ Казани, Иркутска, Новосибирска, Красноярска. Главный режиссер смело вводил талантливую молодежь, доверяя им сложные центральные роли во многих спектаклях. И молодые тогда артисты В. Поляков, Н. Данилова, В. Лясецкий, А. Исаченко проявили себя с лучшей стороны. На роли ведущих актеров театра выдвинулись в то время Е. Н. Гусева (заслуженная артистка РСФСР), Б. Ф. Конный (заслуженный артист РСФСР), С. С. Ильина, ставшая заслуженной артисткой в 1994 году. Продолжали успешно выступать и актеры старшего поколения — заслуженные артисты РСФСР И. А. Башков и В. И. Ефимова люди удивительной работоспособности и добросовестности, высочайшего профессионализма.

В. В. Шульман удачно поставил новые спектакли: «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Рядовые» В. Н. Дударева, «Гнездо глухаря» В. С. Розова, «Эффект Редькина» А. Козловского. Но наибольшим успехом пользовался у зрителей спектакль «В списках не значился» по повести Б. Л. Васильева, который не сходил со сцены почти восемь лет. Кемеровская газета «Кузбасс» 8 августа 1984 года писала: «Спектакль «В

списках не значился», которым Челябинский областной драматический театр открыл гастроли, буквально потряс зал».

Газета «Вечерний Омск» 11 августа 1981г. отмечала: «Этот коллектив отличает предельная искренность, душевная обнаженность, чистота, неподдельность творческого выражения, подкупающие зрителей. Каждый спектакль — это диалог с залом, когда контакт, взаимопонимание устанавливаются сразу».

Решением исполкома горсовета 4 декабря 1991 года № 1197 драмтеатр преобразован в муниципальный театр драмы и комедии «Наш дом».

* * *

Драмтеатр стоял у истоков создания другого театра в городе — театра кукол. В феврале 1952 года группа молодых актеров драматического театра во главе с режиссером В. В. Селивановым показала первый кукольный спектакль по сказке П. Ершова «Конек-горбунок». Участниками постановки первого спектакля были актеры: В. М. Зыков, О. В. Чабан, Д. М. Тимофеев, В. А. Куликов и другие. Для спектакля куклы специально изготовили в Москве.

В 1955 году коллектив артистов-кукольников выделился в самостоятельный городской театр кукол. Первым директором стал В. М. Зыков. Театр, не имея собственного помещения, работал в малом зале драматического театра. Не хватало актеров, главных специалистов. Куклы приходилось по-прежнему заказывать в Москве или Челябинске.

Наконец, в 1964 году театр получил собственное помещение — бывший кинотеатр «Родина». Директором театра кукол работала тогда Т. В. Орловская. При ней коллектив стал готовить к постановке и показывать спектакли так называемого «живого плана», среди них наиболее удачными были «Фейерверк», «Белая роза», «Недотрога».

В 1972 году пожар нанес значительные повреждения зданию театра. Наступили трудные времена. На протяжении почти семи лет артисты репетировали и играли спектакли в разных помещениях. Однако коллектив не пал духом.

Большим событием не только в жизни театра кукол, но

и всего города, стало 4 сентября 1979 года. В этот день было сдано в эксплуатацию новое, прекрасное здание театра кукол. Строители возводили его с особым старанием и любовью, направив на этот объект лучшие бригады. В отделке здания умело использованы традиционные уральские материалы — гранит, мрамор.

С 1975 по 1987 год коллектив театра кукол «Золотой петушок» возглавляла директор Нина Михайловна Лисенкова. За эти годы театр подготовил около 250 пьес, показал свыше 15 тысяч спектаклей и принял более трех миллионов зрителей.

В городе помнят главных режиссеров театра: В. В. Селиванова, А. С. Желудкова, Б. В. Панченко; главных художников: А. Т. Иванченко, Б. Н. Скребнева, Т. И. Мингалеву; художника-бутафора А. П. Гридасова; актеров: В. М. Зыкова, О. В. Чабан, Т. П. Корсака, А. П. Шаповаленко.

* * *

Дворец культуры, ранее принадлежавший химкомбинату «Маяк», вступил в строй в конце 1958 года. Уже в первый год в нем работало 11 коллективов самодеятельности.

Особенно успешно работал в то время самодеятельный драматический коллектив, которому одному из первых во Дворце было присвоено почетное звание «народный». В течение многих лет им руководил режиссер Олег Александрович Шаповаленко, поставивший такие спектакли, как «Конармия», «Десять дней, которые потрясли мир», «А зори здесь тихие» и многие другие. Ядро этого талантливого коллектива составляли ветераны самодеятельного искусства: И. Я. Скрипак, В. П. Климов, В. К. Шерстобитов, В. К. Шишанова, Н. И. Спицын. Более 35 лет работает во Дворце культуры хор русской песни. Руководила им долгое время П. А. Петрова. Этот коллектив также удостоен звания «народный»

В 1974 году был создан самодеятельный театр оперетты. Основателем его был В. Н. Митрофанов. За двадцать лет своей деятельности коллектив театра подготовил и сыграл почти 25 оперетт.

В 1994 году во Дворце культуры работали 69 коллективов художественной самодеятельности, различных творческих объединений. Звание «народный» присвоено семи коллективам. Широкое признание у зрителей получили такие коллективы, как танцевальный (народного танца) «Зарево», мужской хор, эстрадный оркестр «Ровесник», хоры академический и ветеранов, вокальная группа «Континент».

Здесь умеют и любят работать с детьми. Более 25 лет руководила детским хором во Дворце Муза Александровна Хохрякова. Со дня основания, с 1958 года работает Маргарита Алексеевна Саморуковская. И вот уже почти 30 лет — директор Дворца. М. А. Саморуковская удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

* * *

В 1956 году построен был Дом культуры «Строитель». Тогда на улице Матросова вокруг него стояли маленькие деревянные домики, обнесенные заборчиками, через которые свешивались прямо на улицу ветви яблонь, малины и черной смородины.

Первым его директором и лучшим вокалистом был Н. В. Булгаков. Когда пел Н. В. Булгаков, на концерты собирались сотни горожан. После его отъезда директором стала З. И. Бондаренко.

В последние годы широкую популярность и признательность зрителей завоевал оркестр народных инструментов «Россияне» под руководством Б. И. Борисова. В 1991 году оркестр стал лауреатом Всероссийского конкурса оркестров. Оркестр народных инструментов «Россияне» часто выступает с концертами в городах области, страны.

Успешно работала в Доме культуры руководитель образцового детского хорового коллектива В. П. Анашкина (с 1971 по 1989 год).

ЧТО ЧИТАЮТ В «СОРОКОВКЕ»?

Централизованная библиотечная система Озерска была создана одной из первых в стране, в 1988 году.

Число читателей в 1994 году составляло 37 500 человек, книговыдача — 831 000 книг. Фонд библиотек — 390 000 книг.

Гордостью, духовным достоянием городской библиотеки по праву считается фонд редкой книги, насчитывающий около 2000 экземпляров, среди которых «Сочинения императрицы Екатерины II», «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», 6 томов «Великой реформы», книги из библиотеки царскосельского лицея и другая уникальная литература.

Читатели часто задают вопрос: «Когда и откуда в городской библиотеке появились эти редкие, уникальные издания?» Все эти книги были доставлены в поселок еще в 1949 году. Именно тогда отправили в командировку в Москву библиотекаря политотдела Софью Максимовну Онуфриеву. Ей поручили приобрести там литературу. Софья Максимовна к этому поручению отнеслась добросовестно. В букинистических книжных магазинах она купила тогда немало книг, в том числе представляющих библиографическую редкость. С. М. Онуфриева привезла в поселок целый вагон литературы.

Первым библиотекарем в поселке была Варвара Александровна Лебедева. Библиотека, где она была единственным работником, открылась в начале 1948 года. Располагалась библиотека в небольшой комнате общежития на быв-

шем проспекте Сталина. Вот как описывает свое первое посещение библиотеки в январе 1948 года ветеран Великой Отечественной войны и химкомбината, один из первых читателей Петр Тимофеевич Полянский: «Когда я открыл дверь, взгляд мой запечатлел комнату размером в 20 квадратных метров, перегороденную от стены до стены стульями. За стульями стоял маленький столик, а за ним по всей комнате лежали просто на полу совершенно новенькие книги. Было их не так много, не более двухсот. За столом лицом к посетителям сидела относительно молодая, не старше 35 лет, женщина среднего роста. Это была Варвара Александровна Лебедева».

В 1956 году появилась техническая библиотека, которой заведовала Лебедева.

Первым специалистом с высшим библиотечным образованием была Н.И. Решетова. Она и стала в 1954 году заведующей городской библиотекой. После нее работала Галина Кирилловна Сафронова.

Детская библиотека находилась в здании музыкальной школы, а затем, в 1962 году, в связи с удвоением книжного фонда и количества читателей переехала в отдельное здание бывшего парткабинета строительства по улице Блюхера, 29, на берегу озера Иртяш.

Коллектив детской библиотеки возглавляла в это время Нина Михайловна Головки. В августе 1969 года ее сменила Тамара Григорьевна Коренькова. Уже к 1971 году Центральная детская городская библиотека стала опорно-методическим центром Министерства культуры Российской Федерации для закрытых городов. На базе городской библиотеки стали проводить семинары для библиотечных работников системы Минсредмаша. Особый интерес вызывал у них отдел искусств, созданный в 1972 году. Такие отделы для работы с аудиовизуальными материалами в то время имелись лишь в республиканской и юношеской библиотеках Москвы. Отдел создавала А. Г. Александрова, искусствовед.

В 1989 году в городской библиотеке открылся выставочный зал, в котором регулярно стали проходить выставки детского рисунка, художников, уральских умельцев, декоративно-прикладного искусства.

А КАК ЖЕ БЕЗ МУЗЫКИ?

В городе две детские музыкальные школы. Детская музыкальная школа № 1 начала свою деятельность, как и театр, в клубе имени Ленинского комсомола, 27 ноября 1950 года. Тогда было принято в школу 160 учащихся, которых учили 10 педагогов. Из них только два имели специальное музыкальное образование. За это время из музыкальных школ выпущено более двух тысяч учащихся, почти 500 из них избрали путь профессиональных музыкантов.

В детской музыкальной школе № 1 в 1994—1995 учебном году учились 750 детей. Работало здесь пять отделений: фортепианное, народное, оркестровое, эстетическое и подготовительное. Светлана Николаевна Постика в 1952 году после окончания Московской консерватории приехала в город по распределению как солист-исполнитель. Работала преподавателем, директором музыкальной школы, стала заслуженным деятелем культуры России. Творческая деятельность С. Н. Постика является одной из самых ярких страниц культуры города.

Свой яркий талант музыканта-пианиста, педагога Светлана Николаевна сумела передать многочисленным ученикам. Из ее класса выпустилось более 80 учащихся, в том числе Евгения Лисицына — лауреат Международных конкурсов, Ольга Кондратьева — преподаватель института имени Гнесиных в Москве. В детской музыкальной школе № 1 работают 10 бывших учеников С. Н. Постика.

В 1994 году школа направила семерых учеников на меж-

региональный конкурс пианистов, четверо из них стали лауреатами и два дипломантами.

Для общественности города проводятся встречи-концерты «Музыкальной гостиной» с бессменной ведущей — Е. К. Соколовой. В школах, детских садах, клубе «Ветеран» хорошо знают педагога школы Л. Л. Якушеву. Более 30 лет занимается она музыкально-просветительской деятельностью.

Музыкальное училище было открыто в 1971 году. Возглавил коллектив Игорь Алексеевич Толстых. Со дня основания училища в нем работают С. С. Поляков — создатель дирижерско-хорового отделения, Г. М. Пулькин — руководитель оркестра русских народных инструментов, Л. А. Толстых — опытный пианист, В. Н. и Л. П. Масленниковы, Т. И. Лобода, Т. А. Пироженко.

В 1992 году музыкальное училище преобразовано в высшее музыкальное училище (колледж). Первая ступень включает обучение в начальной музыкальной школе по специальностям: фортепиано, струнные и духовые, а также народные инструменты. Во второй ступени учатся с первого по четвертый курс по тем же специальностям плюс теория музыки.

Известны два хора (руководители Л. В. Черепкова, Т. Н. Горячева), оркестр русских народных инструментов (руководитель заслуженный работник культуры России Ю. А. Салтанов), ансамбль современной песни «Апрель», старинной русской музыки и народных инструментов «Скерцо».

Оркестр народных инструментов занял первое место и стал лауреатом конкурса музыкальных училищ Уральской зоны (1-е место), является неоднократным победителем областных конкурсов.

Ансамбль старинной музыки завоевал первое место на Всероссийском конкурсе «Поющая Россия» в Москве (1994 г.). Женский хор училища — победитель областного конкурса хоровой музыки.

С 1986 года в училище еженедельно даются общедоступные концерты «Музыкальные среды», где присутствуют такие рубрики, как «Наши гости», «Сложная тема», «Беседы у рояля».

40 ПРОЦЕНТОВ — СТУДЕНТЫ!

В 1946 году на территории будущего города была лишь небольшая начальная школа Теченского рудоуправления. Училось в ней всего 40—45 учеников. Школа располагалась в старом бараке, там, где сейчас находится магазин "Новатор". В 1947—1948 годах в поселках № 1 и № 2 работали уже три семилетние школы. Одна из них была вечерней школой рабочей молодежи. Детям первостроителей, чтобы продолжать учебу в старших классах, приходилось ездить на «попутках» в соседний Кыштым.

В 1948 году открыли, наконец, среднюю школу на 500 учащихся в двухэтажном здании по улице Школьной (ныне Ермолаева). Директором школы была К. П. Егорова, а завучем О. Е. Вельчинская, учителями — Е. А. Дайбова, А. М. Владыкина, П. Н. Игнатенко, И. П. Титаренко, О. Н. Тюменцова.

Первый выпуск в средней школе № 1 состоялся в 1949 году. Классным руководителем выпускного класса была Евстолия Александровна Дайбова — прекрасный педагог.

В школах не хватало тогда элементарного: парт, столов. Но все эти трудности компенсировались огромным стремлением молодежи к учебе, к повышению своего общеобразовательного уровня. В вечерних школах рабочей молодежи учились бывшие фронтовики, военные строители, рабочая молодежь. Не считая воинских частей, в начале 50-х годов действовало в городе шесть вечерних школ. В исправительно-трудовых лагерях работали две такие школы.

Тяга к знаниям без преувеличения была огромной. Многие учителя-ветераны неизменно подчеркивают, что в конце 40-х—начале 50-х годов педагогические коллективы состояли в основном из молодежи двадцати двух—двадцати пяти лет. При этом они отмечают, что отношения между учителями были тогда удивительно дружескими, искренними.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Директором школы № 23 до 1956 года работал Авраам Лукьянович Дьяченко. Он был не только настоящим руководителем школы, но и прекрасным педагогом-методистом. Со дня основания школы № 24, с 1 сентября 1950 года, директором ее являлся Владимир Александрович Долженко. Именно В. А. Долженко заложил добрые традиции школы. Директором школы № 4 был Геннадий Антонович Ворыпаев.

С 1949 года начала в городе свой нелегкий путь учителя Зинаида Петровна Гушина. Сначала три года она работала в школе № 21 и вот уже более сорока с лишним лет — в школе № 23.

В архиве сохранился приказ административного отдела по Государственному химическому заводу имени Менделеева. В нем сказано: «Назначить тов. Зинаиду Петровну Гушину преподавателем истории школы № 23 с 10 октября 1951 года. Путевка № 2 от 12 июля 1951 года».

Многие люди порой искренне удивляются потрясающему постоянству Зинаиды Петровны, приверженности своему учительскому делу. Накануне юбилея З. П. Гушиной, совсем недавно, ее спросили: «Зинаида Петровна, скажите честно, за более чем сорокалетнюю педагогическую деятельность дети вам не надоели?»

— Что вы! — с изумлением воскликнула учительница, — У меня прекрасная профессия. Я просто люблю свою работу. Это мое счастье.

В 1953 году в город прибыла большая группа молодых выпускников педагогических вузов Москвы и Ленинграда. Среди них были Н. А. Гадалева, А. Н. Глухова, В. В. Гужина, А. С. Волков, О. Н. Волкова, В. Н. Макаров, Л. В. Махаев, Г. И. Хрусталева и другие. На первых порах им пришлось преодолеть немало трудностей, в том числе житейских, бытовых неурядиц. Александр Сергеевич Волков вспоминает: «В августе 1953 года прибыл я в город вместе с женой Ольгой Николаевной и трехмесячной дочерью. Сразу же выделили нам комнату в девять квадратных метров. Мебели в ней не было практически никакой. Спали на полу, расстелив предварительно газеты, дочку укладывали на чемодан. Постепенно начали обустраиваться, из ящиков собрали

шкаф и шифоньер, соседи взаймы дали электроплитку».

С середины 50-х годов значительно укрепилась материально-техническая база народного образования. Построены прекрасные школьные здания (школы № 22, 23, 24 и др.).

На второй сессии Озерского городского совета депутатов трудящихся, 10 августа 1954 года утвердили отдел народного образования. Заведующим горсоном стал В. Т. Ванюнин.

Многие изменения в сфере образования города шли с опережением, предвосхищали аналогичные процессы в стране. Например, переход ко всеобщему среднему образованию был завершён в Челябинске-40 на 10—15 лет раньше других регионов.

Результат впечатляет: более 40% выпускников городских школ ежегодно поступают в высшие учебные заведения и успешно учатся в них.

В 1965 году была открыта специализированная школа № 32 с углубленным изучением английского языка, а на базе школы № 24 впервые стал действовать специализированный математический класс. Инициаторами его создания были директор школы № 24 Леонид Владимирович Махаев, учительница математики Е. А. Дайбова. Это начинание продолжили талантливые педагоги Галина Георгиевна Быковченко и Кира Борисовна Цингери, которые затем создали свою авторскую школу в математических классах. Учащиеся этих классов ежегодно становились победителями городских, областных и республиканских олимпиад по математике, физике, химии, биологии. Многие выпускники специализированных классов стали известными учеными, крупными специалистами.

Александр Сергеевич Волков был заведующим городским отделом народного образования с 1960 по 1984 год. Учительские коллективы города стали активнее заимствовать и использовать передовой педагогический опыт лучших педагогов страны, сумели преодолеть определенный консерватизм и замкнутость.

А. С. Волков был награжден в 1978 году орденом Октябрьской Революции, удостоен высокого звания «Заслуженный учитель Российской Федерации».

С 1984 года городской отдел образования возглавляет Нина Михайловна Турлюн. По ее инициативе в школах активно внедряются новые экспериментальные программы, углубленное изучение предметов, введение в учебный процесс новых курсов, раннее изучение иностранных языков.

* * *

Создание дошкольных детских учреждений берет свое начало с февраля 1948 года, когда в коттедже на улице Колыванова открылись первые детские ясли. В конце того года в типовом здании по улице Комсомольской начал работать первый детский сад, заведующим которым была А. Н. Кудряшова. В первые годы работать приходилось в стесненных условиях, не хватало кадров, игрушек, пособий, мебели. К концу 1954 года в городе было уже 22 детсада.

В 70—80-е годы построены были прекрасные детские комбинаты по усовершенствованным проектам с бассейнами. В 1993—1994 годах в городе уже 53 детских дошкольных учреждения.

* * *

В 1954 году создана станция юных натуралистов. Для кружковой работы станции выделили барак и земельный участок, который представлял собой пустырь с грудой камней и мусора. В кружках занималось тогда 45—50 человек. При активной помощи учителей и учащихся школ земельный участок привели в пригодное для выращивания растений состояние. В настоящее время на станции работают более 60 кружков с охватом 950 человек.

В 1967 году создается еще одно внешкольное учреждение города — станция юных техников. Работы кружковцев технической станции демонстрировались в Бельгии, Финляндии, Соединенных Штатах Америки, на многих выставках в стране. 120 учащихся станции стали чемпионами области по всем видам моделирования.

«Мы хотим, чтобы наш дом юных техников не был похож на обычную школу», — говорит директор станции Ана-

толий Васильевич Иванов, работающий руководителем станции со дня ее основания. «Вот поэтому, — продолжает он, — у нас паркет и зеркала, мрамор и цветы. Здесь должен быть праздник, детская радость».

* * *

Первое училище было организовано на базе Южно-Уральского строительства в феврале 1956 года. В 1960 году строительное училище было преобразовано в техническое училище № 46.

На базе химкомбината в мае 1958 года было организовано второе техническое училище. Первоначально оно размещалось в помещении СПТУ-46, но вскоре для него выделили четыре барака на улице Зеленой. В 1970 году училище переехало в новый учебный корпус. 1 сентября 1975 года в Челябинске-65 открылось третье профессионально-техническое училище № 13, организованное на базе Южно-Уральского управления строительства. В 1992 году это училище стало высшим профессиональным училищем. Оно первым в Челябинской области получило статус лицея.

Есть в Озерске свой филиал Московского инженерно-физического института и политехникум. История их создания интересна, она самым тесным образом связана с историей развития химкомбината и города.

В декабре 1948 года было принято специальное постановление Совета Министров СССР, в соответствии с которым с 1 октября 1949 года должны были начаться занятия во вновь* организуемом Южно-Уральском политехникуме (ЮУПТ). Директором ЮУПТ назначается И. З. Ягудин.

Один из первых выпускников политехникума Аркадий Александрович Демидов вспоминает: «Из семи городов страны — Горького, Дзержинска, Кинешмы, Костромы, Калязина, Пензы, Рошала — собрали нас 400 человек, шестнадцати—двадцатилетних юношей и девушек, учившихся в разных техникумах, и привезли на Урал. Мы проходили здесь ускоренную подготовку для работы на новом производстве». Поселили ребят в пионерском лагере на озере Акакуль. Там же в неутепленных дощатых домиках проходили

и первые занятия. Учащиеся сидели на кроватях в телогрейках, руки стыли от холода. Только к 7 ноября 1949 года их перевезли на грузовых машинах в город и разместили в строящейся гостинице (на проспекте Сталина). В 1950 году политехникуму выделили помещение на улице Студенческой, дом 6 и один барак по улице Зеленой. В 1952 году введены были в эксплуатацию общежитие и учебный корпус политехникума.

Вспоминает один из преподавателей политехникума В. И. Чурин: «Вопреки моим ожиданиям, вместо комбината я в 1951 году попал в техникум на преподавательскую работу. Трудно передать те огорчения, которые я испытывал тогда. Мы, молодые инженеры, не имели опыта и, оказавшись перед лицом аудитории, подчас не знали, с чего начинается урок. Здесь много помогли нам старшие товарищи: М. М. Вишняков, Н. Н. Пыхова, К. Н. Пасевская и другие».

Только за три года (1950—1952 гг.), техникум закончили 361 человек. Все они сразу же были направлены на самые ответственные участки производства. Предприятия города остро нуждались в это время в специалистах высокого класса, подготовленных в высших учебных заведениях. Последовало еще одно правительственное решение — о создании в городе высшего учебного заведения.

Своими воспоминаниями делится Дмитрий Александрович Матвеев — первый директор вечернего отделения № 1 Московского инженерно-физического института (МИФИ):

— 16 марта 1951 года организовали учебно-организационный отдел по заочному обучению. Я был назначен начальником этого отдела, моим заместителем — А. И. Попов. Вот и весь штат. Затем к нам пришло еще несколько работников, в их числе Л. А. Швецова. Нашим головным институтом являлся тогда Всесоюзный политехнический заочный институт. На химкомбинате создали еще совет по заочному обучению, председателем которого был академик И. В. Курчатов. В совет входили также академик А. А. Бочвар, директор комбината Б. Г. Музруков. На заседаниях этого совета были решены основные вопросы — специализация, учебные программы, помещения для занятий. Большую помощь в нашей работе оказал Б. Г. Музруков. Он по-

стоянно находился в курсе наших дел и все вопросы решал очень оперативно. Что касается вопросов к Музрукову, то они у нас были в основном на одну тему — помещения, оборудование, кадры преподавателей.

В постановлении Совмина в 1952 году говорилось, — продолжает далее Д. А. Матвеев, — что предприятия (в данном случае комбинат) передают вечерним отделениям действующее оборудование. Надо сказать, что в то время комбинат имел большие запасы неиспользованного современного оборудования, которое мы могли получить и установить в наших лабораториях. Однако тот, кто готовил данное постановление правительства, вероятно, не был ни экономистом, ни юристом. В постановлении отсутствовало одно-единственное слово «безвозмездно». Из-за этого слова оснащение института материальными средствами оказалось невероятно трудным и хлопотным делом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В 1956 году институт и техникум были объединены. Директором стал Д. А. Матвеев.

Первоначально (1952 г.) на вечернем отделении организовали пять кафедр: химии, физики, высшей математики, иностранного языка, марксизма-ленинизма. Первыми заведующими кафедр были профессор В. М. Шведов; кандидат физико-математических наук Ю. И. Роботнов; директор отделения № 1 МИФИ, доцент, кандидат физико-математических наук Д. А. Матвеев; Ю. Б. Корнеев. Вместе с ними закладывали основы всего учебного процесса преподаватели: доцент, кандидат химических наук Н. И. Нижегородцева, К. Н. Пасевская, М. Ф. Вольская, К. Н. Смирнова, Г. И. Сняпкина, В. И. Семенова, Ф. Ф. Рамазанова, заведующие лабораториями Н. Я. Сбойчакова, В. Ф. Троицкий и другие.

В последующие годы формировались коллективы следующих кафедр: электротехнических дисциплин (1955 г.), которую возглавил М. Ю. Думанов и общетехнических дисциплин (1956 г.) во главе с кандидатом технических наук А. В. Чертковым, электрификации промышленных предприятий (1962 г.), которую возглавил Р. В. Бочаров. В 1967 году создается кафедра спецтехнологии, заведующим ею стал лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, кандидат технических наук Александр Сергеевич Никифоров (впоследствии — академик, доктор технических наук). Создана была в 1967 году еще и кафедра механики, заве-

дующий — доцент, кандидат технических наук Б. П. Тимофеев, а также кафедра машин и аппаратов химических производств — заведующий Н. В. Пашацкий.

Яркий след в истории института оставил Юрий Ильич Корчемкин. Активный участник Великой Отечественной войны, он в 1948 году был направлен на химкомбинат. Работал инженером-физиком, старшим инженером, руководителем группы. В 1954 году защитил диссертацию кандидата физико-математических наук. Со времени основания отделения № 1 МИФИ читал лекции по различным курсам физики, а с 1964 года заведовал кафедрой высшей математики. Одновременно он продолжал активную научно-исследовательскую деятельность. Всех, работающих с ним, поражала его научная эрудиция, неординарность мышления, широта интересов и творческая активность. Ю. И. Корчемкин скончался в расцвете творческих сил 2 февраля 1972 года.

Учебные лаборатории, аудитории и кабинеты, размещенные в двух корпусах, занимают 1350 квадратных метров. Обучение будущих техников по профилирующим предметам ведется в лабораториях и в специализированных аудиториях кафедр института. Для подготовки техников-строителей оборудованы два кабинета строительных дисциплин. Занятия по физике, химии проводятся в специализированных аудиториях.

Отделение № 1 МИФИ подготовило за годы своего существования около 3000 инженеров. Первый выпуск инженеров состоялся в 1955 году. В 1961 году окончил с отличием политехникум, а затем и институт с отличием в 1967 году Виктор Ильич Фетисов, нынешний директор химкомбината «Маяк».

Директорами института работали в разное время Д. А. Матвеев (1950—1960 гг.), М. Ю. Думанов (1960—1972 гг.), Р. В. Бочаров (1972—1986 гг.), Лисицын (1986—1992 гг.), Ю. Н. Степанов (с 1992 г. по настоящее время).

В 1994 году в рамках специальности «Прикладная математика» начата подготовка преподавателей информатики для школ г. Озерска. В этом же году на базе отделения № 1 МИФИ организован Международный экологический колледж (МЭК), приняты первые 25 студентов. В отделении образован факультет переподготовки специалистов, Клуб незанятого населения города, Школа бизнеса для старшеклассников.

ЗДОРОВЬЕ ОЗЕРЦЕВ

Еще до пуска первого реактора в Лаборатории № 2 создается Государственная служба контроля радиационной безопасности во главе с А. И. Бурназяном, который впоследствии возглавил Третье главное управление Министерства здравоохранения СССР, осуществлявшее руководство всей системой медицинского обслуживания в атомной отрасли.

Вопросы здравоохранения получили свое развитие сразу же после образования Первого главного управления. В составе Научно-технического совета ПГУ организуется секция № 5, которой поручается разработка проблемы осуществления медико-санитарного контроля в атомной промышленности. Ее работу возглавили тогда еще профессора, а в будущем академики В. В. Парин и Г. М. Франк.

До начала работы в Научно-техническом совете, с 1946 года профессор Г. М. Франк руководил Радиационной лабораторией, на основе которой через два года был организован Институт биофизики Минздрава СССР. С первых дней работы сотрудники лаборатории стали заниматься вопросами радиационной безопасности и эффективности контроля за здоровьем людей, подвергающихся радиоактивному облучению. В том же, 1946 году решением правительства была создана биофизическая лаборатория для изучения воздействия радиации на растительный мир. Она действовала в составе Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Возглавил лабораторию профессор Р. М. Ключковский.

21 сентября 1948 года был образован Институт биофизики Минздрава СССР. Ему поручалось изучение воздействия радиации на человека и разработка методов применения радиоактивных источников в медицине. Первым директором Института в 1948—1951 годах стал Г. М. Франк, его сменил академик А. В. Лебединский (1954—1968 гг.).

Уже в августе 1948 года, на основе рекомендаций, разработанных Институтом биофизики, были подготовлены общие санитарные нормы правил по охране здоровья работников атомной промышленности. Так, дневная норма облучения при шестичасовом рабочем дне составляла 0,1 бэр, за год — 30 бэр. В случае аварии допускалось облучение до 25 бэр за пятнадцать минут. В последнем случае работнику предприятия предоставлялся отпуск или работа, исключающая воздействие радиации.

Следует подчеркнуть, что в период пуска и освоения атомного производства отсутствовали систематизированные сведения о действии острого и хронического тотального облучения на человека. Полностью отсутствовали сведения по биологическим эффектам плутония и большинства осколков деления урана. Ситуация осложнялась излишней засекреченностью. Даже начальник медико-санитарного отдела завода до 1954 года не знал реальных цифр, определяющих уровень облучения персонала Госхимзавода имени Менделеева. В 1948—1954 годах решение проблем радиационной медицины переносится из научных лабораторий на производство, становится практической задачей.

А. И. Бурназян решил создать на всех основных объектах завода врачебные здравпункты и оснастить их мощными по тем временам лабораториями по исследованию крови (гематологическими). Цеховыми врачами на эти здравпункты направлялись выпускники ведущих медицинских вузов страны, большинство из которых окончило трехгодичную клиническую ординатуру.

В первые годы на здравпунктах проводились тщательные, частые (пять—семь раз в год) профилактические медицинские осмотры работников предприятия. Типичными были следующие заключения:

1. «Здоров. Может работать в прежних условиях».

2. «Имеются неглубокие отклонения, чаще по развернутому анализу крови». В этом случае медицинское обследование повторялось через две недели.

3. «Имеются существенные отклонения». В этом случае работник переводился в «чистые» условия, ему выдавался так называемый «трудовой больничный лист». Он позволял, не снижая заработной платы, использовать пострадавшего от радиоактивного облучения на работах не по специальности, вне основного производства.

4. «Имеются стойкие сдвиги, вызванные радиоактивным облучением». После такого заключения следовал полный вывод в «чистые» условия, направление на дообследование и лечение в стационаре.

Масштаб повседневной аналитической работы медицинских работников поражает и сегодня. В период с 1949 по 1954 год было проведено 106 553 обследования, в результате которых сотни рабочих и инженеров были вовремя выведены из основного производства, тем самым предотвращены необратимые последствия для здоровья людей, большинство из которых были тогда очень молоды. Сделать это, особенно в первые годы работы предприятия, было совсем нелегко. Достаточно сказать, что в период с 1950 по 1953 год ежеквартально на заводе официально регистрировалось от двух с половиной до восьми с половиной тысяч случаев внешнего облучения в дозах от 0,01 рентгена и выше за рабочий день.

Большинство переоблучений давало радиохимическое производство. Особо вредные, опасные для здоровья условия труда, отсутствие информации о конкретных дозах облучения персонала из-за режима секретности, заставили врачей избрать путь тщательного и частого обследования каждого работника завода. Это давало возможность проследить динамику изменения состава крови, в целом здоровья людей, на протяжении длительного времени и получить убедительную картину состояния здоровья работающих. Если данные многократных обследований показывали явную угрозу заболевания вследствие радиационного облучения, то врачи настойчиво добивались у руководителей объектов решения о выводе эксплуатационников с вредного производства, не дожидаясь развития тяжелого заболевания.

Для компенсации потери заработной платы тем, кого вывели в «чистые» условия, назначалась временная инвалидность третьей группы.

Результаты работы медицины за прошедшие со дня пуска химкомбината десятилетия вызывают даже у самих врачей чувство удивления. Несмотря на тяжелейшие условия труда, особенно в первые десять лет работы предприятия, удалось не допустить крупномасштабных потерь людей от переоблучения. Хроническую лучевую болезнь получили около двух тысяч человек, в основном в период до 1960 года. Одним из главных условий эффективной работы медиков являлся тщательный, строгий отбор для работы с радиоактивным излучением людей с хорошим состоянием здоровья. Так, лица с малейшими отклонениями состава крови, до работы с делящимися материалами не допускались.

Вместе с практикой частых медосмотров и принципиальным подходом к проблеме вывода облученных эксплуатационников в «чистые» условия, это и дало возможность спасти жизнь многим людям. Однако коварная опасность давала о себе знать. Поэтому уже в 1949 году организуется профпатологический стационар для подозреваемых в хронической лучевой болезни. В 1949—1968 годах его работниками было диагностировано 1380 случаев хронической лучевой болезни и 42 случая — острой. Плутониевый пневмосклероз диагностирован у 123 человек. Лучевые ожоги получили 200 человек, из них 178 — до 1954 года. Эти больные многократно направлялись для лечения в лучшие санатории страны.

Становление и успехи практической радиационной медицины связаны с именами Ангелины Константиновны Гуськовой, Григория Давидовича Байсоголова, Виктора Николаевича Дошенко, Ефросиньи Алексеевны Емановой, Веры Сергеевны Крауз.

В апреле 1949 года для работы на Базу-10 была направлена выпускница Свердловского медицинского института А. К. Гуськова. Однако вместо проблем нейрохирургии, по которой она прошла специализацию, молодой врач стала заниматься радиационной медициной. Первые шаги были непростые. Московская профессура была в плену терапевтического опыта и знала о воздействии радиации на людей

меньше, чем А. К. Гуськова и ее коллеги в Челябинске-40.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

В конце 60-х годов построено новое здание филиала института биофизики (ФИБ). В больничном городке выросло здание больницы ФИБа, оснащенное всем необходимым для пострадавших от радиации. За тридцать лет в ней поправили свое здоровье тысячи работников химкомбината «Маяк».

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Характерной особенностью предприятий атомной промышленности является высокая степень механизации и автоматизации технологических процессов. Вместе с тем, значительная часть ремонтных работ проводится вручную в сфере воздействия различных видов ионизирующего излучения. Именно ионизирующее излучение является основным профессионально-производственным фактором вредности на спецпредприятиях.

Если взять время с 1948 по 1980 год, то в профессиональной облучаемости можно выделить три основных периода. Первый период (1948—1954 гг.) характеризовался высокими среднесуточными и среднегодовыми дозами внешнего гамма-облучения эксплуатационного персонала (примерно 15—150 бэр мужчин и 8—80 бэр — женщин). Во второй период (1955—1959 гг.) отмечается существенное снижение профессиональной облучаемости работающих (среднегодовые дозы облучаемости мужчин составляли 4,5—40 бэр, и женщин — 1,7—18 бэр). В третий период (1960—1980 гг.) профессиональное облучение подавляющей части производственного персонала, не превышало предельно допустимых уровней (1,2—7,5 бэр — мужчин и 0,5—2,5 бэр — женщин).

О воздействии радиации на организм людей, о жертвах при освоении нового производства, особенно в первый его период (1948—1954 гг.) написал в своей книге «Плутоний для атомной бомбы» М. В. Гладышев. Действительно, изготовление атомной бомбы стоило многих человеческих жизней, заплачена за нее слишком большая цена.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Обеспеченность горожан врачами, средним медицинским персоналом и больничными койками значительно выше, чем в целом по России. К началу 80-х годов на 10 тысяч человек г. Челябинска-65 приходилось 53 врача, в то время как по стране — 38 врачей. Довольно высокого уровня достигла и квалификация врачей:

18,8% из них окончили клиническую ординатуру, почти 90% прошли подготовку на курсах специализации и усовершенствования, 39% врачей аттестовано. Причем половина из них аттестована на высшую категорию.

Медицинская помощь осуществлялась в это время по 26 врачебным специальностям. В городском здравоохранении работало к началу 1990-х годов 380 врачей, в том числе четыре кандидата медицинских наук — В. С. Веденеев, В. П. Никитин, И. А. Симоненко, Н. В. Смирнова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Началась система городского здравоохранения с небольшого медпункта, который открыли в 1946 году в кое-как утепленном и наскоро приспособленном гусятнике рыболовецкого колхоза. Обслуживали строителей -прибывшие из Челябметаллургстроя дерматолог Густав Густавович Денцель, терапевт Мария Николаевна Волкова и стоматолог Лариса Васильевна Федорова (Гречкина). Именно они, эти трое врачей, стояли у истоков системы медицинского обслуживания города.

В 1946—1948 годах медицинские работники уделяли особое внимание предупреждению инфекционных заболеваний. С этой целью совершались ежедневные обходы барачков, три раза в месяц проводили осмотр на паразитов, обязывали ежедневно мыть полы однопроцентным раствором хлорной извести, новые пополнения выдерживались в карантине 25 дней.

В воинских частях, исправительно-трудовых лагерях, а также бараках, где жили вольнонаемные, были организованы санитарные части по 10 коек в каждой. Все эти принятые меры во многом способствовали тому, что серьезных инфекционных заболеваний не наблюдалось среди первостроителей. 24 мая 1947 года была образована центральная больница строительства на 250 коек. В больнице имелось 5 отделений: терапевтическое, хирургическое, туберкулезное, родильное и кожно-венерологическое. 2 октября 1947 года создали лечебный комбинат строительства. Начальником его стал А. А. Лонзингер.

Следует отметить, что в 1946—1948 годах более развитой была система медицинского обслуживания у строителей. Только в середине 1947 года стала создаваться медицинская служба будущего медико-санитарного отдела № 71 (МСО-71), первоначально — медсанчасти.

Основателем медико-санитарного отдела № 71 считается врач Павел Иванович Моисейцев, руководивший им с 1947 по 1957 год. Терапевт, ветеран МСО-71 И. А. Симоненко вспоминает: «первый

начальник МСО-71 П. И. Моисейцев был энергичным организатором, заложившим основные структуры заводского здравоохранения, что являлось в то время совершенно новой, еще неизвестной формой работы».

В июне 1947 года медико-санитарной части выделили помещение каркасно-засыпного типа с печным отоплением без водопровода и канализации, состоящее из десяти комнат. В них проживали медицинские работники и размещались аптека, хирургический, терапевтический и перевязочный кабинеты, а также 15 больничных коек.

Здесь же, в коридоре, находилась и скорая помощь, которая одновременно являлась приемным покоем. Стационара, роддома в то время еще не было, поэтому всех тяжелобольных, рожениц вынуждены были возить соответственно в больницу или роддом Кыштыма. Но очень часто приходилось принимать роды на дому и даже в дороге. Что касается дорог, то они находились тогда в плохом состоянии, особенно весной и осенью. Работниками скорой помощи приходилось много ходить пешком. Поселок рос быстро, застраивался новыми зданиями и разыскать вызывающего скорую помощь было крайне непросто. Помимо вызовов приходилось довольно часто обслуживать и процедурных больных на дому. Врачей, фельдшеров, санитаров не хватало и дело доходило до того, что вызова принимали шофера «скорой помощи».

До апреля 1949 года озерские медики имели всего 30 больничных коек. Сотни больных лежали по домам. Аптека ютилась на 16 квадратных метрах.

В 1950 году открылась первая поликлиника в доме № 28 по проспекту Ленина. Станция скорой помощи переведена была в здание, где сейчас находится стоматологическая поликлиника. В 1952 году введена в эксплуатацию городская поликлиника на 400 приемов на проспекте Победы, в которой размещалась и станция скорой помощи, располагавшей уже тремя машинами. Количество вызовов достигало 54-х в сутки вместо шести в 1947 году. В 1953 году вошли в строй детская больница на 75 мест и заводская поликлиника. В здании детской больницы разместились и поликлиника. Тогда же был открыт детский санаторий.

Большую роль оказывали молодому коллективу МСО-71 видные ученые-медики Москвы, Ленинграда. В тот период часто приезжали в город академик Е. М. Тареев, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Н. А. Куршаков, профессор А. М. Киреев. Затем все они работали главными терапевтами главка. Нередкими гостями МСО-71 были профессора И. С. Глазунов, Егоров, Лебединский и начальник Третьего Главного управления Минздрава СССР Бурназян.

В 1957 году станция скорой помощи получила более простор-

ное помещение по улице Свердлова, где ей выделили пять комнат. В 1968 году станция переехала в специально построенное для нее здание в больничном городке. Большое внимание уделялось педиатрической службе. Расширен был стационар до 120 коек, открыты новое соматическое и грудничковое отделение. После сдачи в эксплуатацию в 1965 году здания детской поликлиники на 500 посещений начали в ней функционировать кабинет лечебной физкультуры, ингаляторий, гелиминтологический полустационар с пребыванием в нем детей в дневное время. В середине 1970-х годов организованы были ряд специализированных групп в дошкольных учреждениях для детей, страдающих близорукостью, с последствиями органического поражения центральной нервной системы и другие.

В 1972 году вошли в строй действующих лаборатория особо опасных инфекций, а в 1975 году — новое здание санитарно-эпидемиологической службы (СЭС). Годом раньше стал функционировать лечебный корпус филиала института биофизики (ФИБ).

Яркий след в работе медсанотдела оставили первые руководители, работавшие в разное время — это: Павел Иванович Моисейцев (1947—1956 гг.), Анатолий Алексеевич Мишачев (1961—1979 гг.), Владимир Иосифович Шмирер (1979—1990 гг.). С 1990 года медико-санитарный отдел (теперь он называется Центральная медико-санитарная часть-71 (ЦМСЧ-71)) возглавляет Юрий Алексеевич Бачериков.

В развитии медицинского обслуживания города свой вклад внесли многие медицинские работники и прежде всего те, кто отдал этому ответственному и благородному делу знания, опыт, значительную часть своей жизни. Среди них: врачи — З. С. Голубченко, И. Я. Голубченко, А. И. Голубая — почетный гражданин города, О. В. Вандышева, А. А. Лонзингер, Н. А. Марина, П. А. Бакланов, медицинские сестры — А. Б. Кузьменко, М. А. Шархатюк, А. Я. Матвеева, А. Т. Петрова. В свое время успешно работали в городе А. К. Гуськова — доктор медицинских наук, заведует отделением института биофизики в Москве, Г. Д. Байсоголов — доктор медицинских наук, заведует отделением лучевой терапии института медицинской радиологии в г.Обнинске, Г. Я. Луначер — профессор института экспертизы трудоспособности. В 1954 году, после окончания Омского медицинского института Ни-на Емельяновна Мельникова работала эпидемиологом и школьным врачом, затем стала заместителем председателя горисполкома. Она сделала очень много для здравоохранения города.

КОРОТКО — О СПОРТЕ

В 1947 году возникли одновременно два самостоятельных спортивных коллектива: один на химкомбинате, другой на строительстве. Спортсмены комбината относились первоначально к спортивному обществу «Родина», строители — к «Динамо».

Многие ветераны Южно-Уральского управления строительства вспоминают Павла Владимировича Савостьянова. Во многом благодаря его инициативе, решительности был построен в мае 1949 года стадион «Строитель».

На химкомбинате большую активность проявляли по развитию физической культуры и спорта молодые инженеры Е. М. Лахтинов и Н. В. Ильин. Совет физкультуры возглавил А. В. Казаков. В 1949 г. был построен стадион на берегу озера с бетонными трибунами на 5000 мест, который пользовался большой популярностью у населения города.

Занятия спортом, особенно в те годы, когда люди оказались изолированными от внешнего мира, оторванными от родных и близких, выполняли не только оздоровительную функцию, но и психологическую, социальную.

Регулярно стали проводиться спортивные соревнования, укреплялась материально-техническая база спорта. Добровольное спортивное общество «Химик» располагало в 1957 году 27 яхтами, 125 лодками, тысячами пар лыж, коньков, спортивными велосипедами и мотоциклами.

25 декабря 1963 года Всесоюзный совет добровольного спортивного общества профсоюзов присвоил городской спортивной организации звание «Спортивный клуб «Гранит».

Только с 1960 по 1980 год было подготовлено 122 мастера спорта, более 15 тысяч разрядников. Четыре спортсмена выполнили норматив мастера спорта международного класса: Валерий Двойников — дзю-до (1970 г.), Людмила Вяткина — подводный спорт (1973 г.), Александр Луговой — судомодельный спорт (1977 г.), Александр Гуняшев — тяжелая атлетика (1980 г.). Чемпионами страны становились В. Двойников, М. Владыка (биатлон), Ю. Серeda (плавание).

Николай Сергеевич Мусатов воспитал целое поколение

чемпионов и призеров соревнований по борьбе. Его искренне уважали и любили спортсмены за доброту, порядочность, тренерское мастерство, с ним считались виднейшие тренеры страны. Н. С. Мусатов умер в г.Таллине прямо на борцовском ковре в 1984 году во время торжественного открытия соревнований.

Владимир Сергеевич Иванов на протяжении 26 лет возглавлял городскую физкультурную организацию и спортивный клуб «Гранит». За многолетний добросовестный труд он награжден орденом Дружбы народов, удостоен звания «Заслуженный работник физической культуры».

САМАЯ ВЫСОКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ?

В Челябинске-40 рождаемость на 1000 человек населения составляла в 1950—1954 годах 50,4, в то время как по стране — 26,4. В 1987—1991 годах она составляла в Челябинске-65 — 13,5 рождений и по стране соответственно — 15,3.

Высокая рождаемость в 1950—1954 годах была обусловлена большой частотой браков, молодым возрастом вступающих в брак. Существенное снижение рождаемости в последние годы связано со старением населения города, уменьшением потенциальных женихов и невест в связи с выездом на учебу и на службу в армии. В целом в динамике показателей рождаемости в Челябинске-65 не наблюдается каких-либо резких отклонений. Процессы идут, как в стране в целом.

Другим важным показателем состояния здоровья населения является общая смертность. В 1950—1954 годах общая смертность в Челябинске-40 составляла 6,3 на 1000 человек, а по стране на этот период — 9,4, по Челябинской области — 10,0. В 1987—1991 годах она соответственно была в Челябинске-65 — 7,7, по стране — 10,4 и по Челябинской области — 10,4.

Общая смертность в городе несколько ниже, чем в других регионах страны. Специалисты объясняют это не возрастными различиями, а более благоприятными социально-гигиеническими условиями, доступностью и высоким уровнем медицинской помощи населению.

И, наконец, возьмем наиболее существенный, комплекс-

ный показатель здоровья населения — это средняя продолжительность жизни. Общая (или средняя) продолжительность жизни составляла в 1958—1959 годах в Челябинске-40 72,1 года, тогда как в целом по стране в этот период — 68,6. В 1979—1980 годах она составляла соответственно в городе — 72,2, а по стране — 67,9 года.

Общая продолжительность жизни в Челябинске-65 выше, чем по стране. Причем уровень ее остается в городе стабильным, 72,1-72,2 года, тогда как по стране наблюдается тенденция к сокращению продолжительности жизни населения. Поэтому различные слухи, недобросовестные публикации, в которых речь идет о якобы высокой смертности в закрытых городах типа Челябинск-65, не имеют под собой каких-либо веских оснований. Что касается общей заболеваемости, то она составляла в 1987—1991 годах в городе на 1000 человек взрослого населения 687,3 случая, по стране соответственно — 772,1 случая.

Все это объясняется тем, что Челябинск-65 значительно отличался от других регионов страны. Высоким уровнем обеспеченности жильем, объектами социальной сферы, сбалансированного питания, средней заработной платы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Один из ветеранов города Б. А. Прядехин пишет: «Быт тех дней отличался от сегодняшнего как день от ночи. Одна столовая, — в которую нужно было приходить со своей ложкой. Хлеб только черныш, самого низкого качества».

В начальный период строительства целый ряд вопросов жизнеобеспеченности людей решался с опозданием. Длительное время не выплачивались пенсии и пособия жителям поселка. В связи с ходатайством руководства Базы-10 лишь 8 октября 1948 года, Челябинский облисполком принял постановление "Об открытии отделения госбанка при почтовом ящике № 40". Отделение госбанка перевели в спешном порядке из г.Сима Челябинской области на территорию Базы-10. После этого проблема выплаты просроченной задолженности по пенсиям и пособиям была решена.

В период организации ОРСа (1946 г.) был всего один продовольственный магазин, где работал продавец — А. В. Завьялов. Магазин занимал комнату в бараке молодежного городка, там же складировались и продавались товары.

Первую столовую открыли в конце 1946 года, используя для

нее другое барачное помещение. В столовой имелась плита с вмезанными в нее котлами. Открывала столовую Варвара Васильевна Заровняева — первая заведующая.

Через год в ОРСе было уже четыре магазина и столовая на два небольших зала.

Одна из первых товароведов К. Е. Серкина пишет: «В складе, кроме мяса и свежемороженой рыбы, хранились все продовольственные товары, а мука и крупы находились под брезентом во дворе склада. Склад для хранения мяса представлял собой небольшое помещение, заглубленное в землю. Он вмещал до 10 тонн мяса, которое охлаждалось льдом».

Первым начальником ОРСа в 1946 году стал В. А. Костин, которого направили из Челябинска с должности начальника горвоенторга. Через год его сменил К. Ф. Смирнов, который проработал в ОРСе—УРСе начальником 13 лет. В 1948 году в поселок прибыли первые молодые специалисты торговли, которые затем образовали костяк будущего коллектива. Среди них были В. Г. Горячев, И. В. Веткин, В. И. Попова, Н. Я. Федин, В. С. Чикин и другие. Многие из них стали вскоре руководителями различных торговых подразделений УРСа. Владимир Петрович Горячев стал начальником УРСа. Он много сделал в организации складского хозяйства, был одним из инициаторов кольцевого завоза товаров в магазины, механизации трудоемких процессов.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

В 1959 году каждый житель Челябинска-40 потреблял в среднем 43 кг мяса, 126 кг молока и молочных продуктов, тогда как в Челябинской области эти показатели соответственно составляли 16,6 кг и 65 кг.

В начале 80-х годов потребление мясных продуктов составило в среднем 80 кг на одного жителя Челябинска-65. Эти показатели достигались как за счет централизованных государственных поставок, так и из подшефных хозяйств химкомбината. Удельный вес последних достигал в потреблении мясных продуктов горожанами 30—40%, молочных продуктов — около 60%, овощей — более 50%.

В 1959 году было продано 256 легковых машин, 263 мотоцикла, 2600 стиральных машин, 796 холодильников, 1072 телевизора, 4930 швейных машин. Уже тогда на 10 взрослых горожан приходились в среднем один холодильник, 2,7 стиральных машин, два радиоприемника, 0,7 телевизора.

С каждым годом росла численность легковых автомобилей, находящихся в индивидуальном пользовании горожан. Если в 1967 году их было 2995, то в 1990 году — 10 301 и в 1993 году — 11 858 автомобилей. Количество стационарных гаражей у горожан возросло за это время с 3200 до 15 880.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

По мере строительства города развивалась связь и почта. Потребность в телефонной связи появилась буквально с приездом первых строителей. Первоначально смонтировали для этого ручной коммутатор «Скала» и «Озеро». Они обеспечивали связь как на территории площадки, так и с соседними населенными пунктами.

В феврале 1948 года вступила в строй временная ручная телефонная станция на 100 номеров. С ее пуском были установлены впервые квартирные телефоны в поселке. Телефонные провода протягивали прямо по деревьям, в том числе и на дачу «КС», т.е. в два домика на берегу озера Иртяш, где жили И. В. Курчатова и Е. П. Славский.

Еще одну ручную телефонную станцию на 600 номеров включили в 1949 году. В дальнейшем развитие связи ускорилось на базе использования новой техники. В марте 1950 года стала работать первая автоматическая станция на 400 номеров, а в декабре 1957 года — ГАТС-1 на 2000 номеров. В июне 1961 года жители города получили возможность вести междугородные телефонные переговоры. С вступлением в строй Дома связи в 1963 году начали свою работу телеграф, междугородная телефонная станция, переговорный пункт, центральная почта.

Телефон имела практически каждая вторая семья. На 100 жителей приходилось в Челябинске-65 15 телефонов, тогда как в областном центре — городе Челябинске — 1,8 телефона. С пуском в эксплуатацию новой АТС их количество возросло еще больше. Большой вклад в развитие телефонной связи в городе внесли М. Н. Астафьев, М. Г. Кумин, Л. И. Ашихмин, В. М. Михайлов и другие.

* * *

В январе 1948 года на строительной площадке организовали первое стационарное предприятие почтовой связи — агентство Кыштымского узла связи.

Почта перевозилась в Кыштым и обратно попутным автотранспортом, корреспонденция выдавалась «до востребования» путем самообслуживания.

В марте 1948 года, когда создали контору связи в пределах Базы-10, появилась и новая проблема укомплектования ее кадрами. По режимным условиям областное управление не имело возможности направить в достаточном количестве квалифицированных работников в Челябинск-40. Поэтому связистами становились бывшие военные строители, и даже бывшие заключенные.

Только в 1949—1950 годах приехали по направлению подготовленные связисты. Среди них были Г. Ф. Бушуев, А. В. Тараканова, А. А. Пешков, М. Л. Шелохаева, П. И. Вострухина, Ф. И. Минеев. Долгое время отделения связи работали с одним почтовым индексом — Челябинск-40. Но это было очень неудобно. Поэтому 1 января 1966 года приняли решение присвоить каждому отделению связи свой самостоятельный адрес: Челябинск-55, 56, 57 и т. д. до 65.

* * *

До 1950 года радиоузел находился в торцевой части здания бывшей музыкальной школы №1, где сейчас размещен городской народный суд. В 1950 году радиоузел переведен на улицу Школьную (ныне Ермолаева). В этот период он находился в ведении цеха связи химкомбината. На основании решения горисполкома от 1 ноября 1958 года создали на базе радиоузла и телецентра цеха связи отдел радиовещания и телевидения. Первым руководителем его стал Е. Д. Ермаков, затем возглавляли И. В. Богданов, В. А. Чепкасов.

В марте 1991 года отдел радиовещания и телевидения получил статус муниципального предприятия.

Глава 35

АТОМЩИКИ СТРОЯТ... МОЛОКОЗАВОДЫ?!..

К середине 80-х годов мир изменился коренным образом. Гонка вооружений исчерпала себя, возникла реальная угроза мировой цивилизации. В арсеналах ядерных держав находилось в это время более 50 тысяч ядерных боеголовок общей мощностью свыше 13 тысяч мегатонн. Накопленный ядерный потенциал позволял уничтожить все живое на Земле от 10 до 15 раз. Исследования ученых разных стран показали, что в атомной войне не может быть победителей. Даже если бы агрессору удалось обезопасить себя от ответного удара, он все равно погиб бы от последствий своего собственного — радиации, выбросов пепла в верхние слои атмосферы и других. Ядерная война, таким образом, превращалась в коллективное самоубийство. Мир подошел к такому рубежу, что дальнейшее изготовление, накопление и испытание ядерного оружия становилось в значительной мере бессмысленным. Более того, практически невозможной становится в современных условиях и широкомасштабная «обычная война». В случае даже неядерного конфликта разрушение ядерных реакторов вызвало бы последствия, сопоставимые с атомной войной.

Гонка вооружений разоряла нашу страну, истощала ее ресурсы. До 80 процентов национального дохода страны направлялось на укрепление военного потенциала. Аэрокосмическая и атомная промышленность находились в привиле-

гированном положении. Это были самые крупные статьи бюджета. Особенно преуспевала в этом отношении колоссальная система Министерства среднего машиностроения СССР. Она существовала как государство в государстве, со своими порядками и правилами. Ясно, что в создавшейся ситуации надо было многое менять. После долгих международных переговоров и консультаций в декабре 1987 года было заключено первое соглашение о ликвидации целого класса ракетно-ядерных вооружений. В июле 1991 года подписано новое соглашение о 40-процентном сокращении стратегических вооружений СССР и США.

После распада Советского Союза линию на ликвидацию ядерных вооружений продолжило правительство России. В июне 1992 года достигнуто соглашение о сокращении стратегических вооружений России и США к 2000 году более чем в три раза (с 21 тысячи боеголовок до 6-7 тысяч). И, наконец, подписан новый договор о взаимном сокращении ядерных боезарядов до 3-3,5 тысяч.

Все эти международные соглашения о сокращении ядерных арсеналов имели прямое отношение к отечественной атомной промышленности, в том числе и к производственной деятельности химического комбината «Маяк». Теперь уже не требовался в таких количествах оружейный плутоний. На повестке дня встал вопрос о закрытии ряда атомных реакторов, о конверсии, перепрофилировании военного производства.

* * *

16 июня 1987 года была закрыта знаменитая «Аннушка» — первый промышленный реактор в СССР. Первоначально этот реактор был рассчитан всего на три года эксплуатации. Проработала «Аннушка» 49 лет.

По решению правительства на химкомбинате в течение 1987—1990 годов было остановлено пять атомных реакторов — наработчиков оружейного плутония. Причем все эти реакторы находились в рабочем состоянии.

Как известно, демонтаж военно-промышленного комплекса повсеместно в стране проходил очень тяжело, с боль-

шими материальными и социальными издержками. Трудно проходит конверсии и на химкомбинате «Маяк» с его узкой специализацией. В этом важном деле нет последовательности, четкой проработки ранее принятых решений, а самое главное — должного финансирования. Так, в 1987 году 50 предприятиям Минсредмаша, в том числе и химкомбинату, было поручено технически перевооружить более 4 тысяч молочных заводов, создать 400 с лишним единиц нового технологического оборудования, построить и оснастить современной техникой несколько сот новых предприятий по переработке молока. В рамках этой программы производственное объединение «Маяк» должно было изготавливать ванны для пастеризации молока, трест «Уралпроммонтаж» — сыродельные цехи мощностью 50 кг в смену и другое оборудование.

Казалось бы, что общего имеют химкомбинат «Маяк» и молочные заводы? Почему Министерству атомной энергетики и промышленности поручили оснащение и технологическое перевооружение молочных заводов?

На этот вопрос один из руководителей этой программы А. Н. Бурчик ответил так:

— По-видимому, потому что технология переработки молока в какой-то мере близка к технологиям, применяемым в нашей отрасли. В технологии переработки молока применяются насосы различных типов, компрессоры, холодильные установки, отстойники, фильтры, мерные емкости, теплообменники, конденсаторы, различная запорная арматура, сепараторы, вакуумные установки, упаковочные автоматы и другое оборудование. Подавляющее большинство его может изготавливаться на машиностроительных заводах нашей отрасли, а может, переоборудование молочной отрасли поручили Министерству, потому что у нас большой опыт по автоматизации технологических процессов?

В городе Электростали создали головное предприятие — производственное объединение «ТЭСМО» (техническая эксплуатация, сервис молочного оборудования), которое с помощью 26 региональных и ПО областных технических центров должно было осуществлять переоснащение и обслуживание более 4 тысяч молокоперерабатывающих предприятий страны.

Приказом министра Минатома в Озерске был создан Южноуральский региональный центр, производственного объединения «ТЭСМО» (ЮУРЦ ПО «ТЭСМО») по техническому обслуживанию молокоперерабатывающих предприятий Челябинской, Курганской, Оренбургской областей и Башкирии. Была создана дирекция регионального центра, определена структура и укомплектованы штаты, заключены договоры на поставку в 1990 году оборудования на молокозаводы.

Все программы региональным центром «ТЭСМО» выполнялись успешно. Только за 1987—1990 годы было выпущено молокоперерабатывающей техники на сумму свыше 900 миллионов рублей. Молокоперерабатывающая техника пользовалась большим спросом у потребителей. Но несмотря на эти достижения и огромные расходы, вскоре по указанию вышестоящих органов программу технического перевооружения молокоперерабатывающих заводов страны передали другому ведомству. На предприятиях Минатома она фактически оказалась свернутой, в том числе и в Озерске.

* * *

В последнее время на химкомбинате «Маяк» в основном прорабатываются три конверсионных направления. Они близки специализации химкомбината. Какие же это направления? Одно из конверсионных производств — это радиационное легирование (облучение) кремния.

Облученный кремний — основная часть микросхем — используется в электронике, силовой электротехнике. В нашей стране легировать кремний начали в конце 1970-х годов. Впервые этим занялись на Чернобыльской атомной станции и «отрабатывали» там за год 15 тонн материала. После печально известной аварии это производство на Украине остановили на полтора года. И у потребителей возникло много проблем: перестали даже выпускать тепловозы с приборами на основе облученного кремния. Поэтому еще союзное руководство решило «заменить» Чернобыль — создать производство радиационно-легированного кремния на производственном объединении «Маяк». На химкомбинате

довольно быстро освоили реакторную часть этой программы. Плодотворное сотрудничество инженерно-технических работников завода 235 и ученых Центральной заводской лаборатории позволило в короткий срок воспроизвести наукоемкую технологию. Было налажено производство кремния мощностью до 20 тонн в год.

25 марта 1994 года на химкомбинате «Маяк» состоялось совещание по вопросу развития производства полупроводникового кремния с участием заместителя министра атомной энергетики Ю. И. Тычкова. Он же являлся и руководителем данной программы. Совещание одобрило выбранную химкомбинатом схему производства полупроводникового кремния по моносилановой технологии.

Здесь же на совещании решили, что работы, проводимые в Озерске по созданию комплекса легированного кремния, необходимо включить в программу «Кремний России». Обращалось особое внимание на укрепление сырьевой базы создаваемого производства. На совещании была поставлена задача довести производство кремния до 200 тонн в год. Но как оказалось на практике, легирование кремния — процесс непростой и долгий. До поступления в реактор он проходит предварительную обработку. После облучения кремниевые слитки дезактивируются, отжигаются, проходят несколько видов контрольных измерений. Для осуществления всего этого процесса требуется много людей. Несколько лет назад содержать такой штат позволяло стабильное финансовое положение комбината. Хватало и российских заказчиков — поставщиков кремния.

Но к концу 1994 года производство облученного кремния стало нерентабельным. В октябре 1994 года на легирование кремния комбинат затратил 38,5 миллиона рублей, из них на зарплату ушло 20,2 миллиона рублей. Получил же за свои услуги «Маяк» всего 5,6 миллиона рублей. Этих денег не хватило для того, чтобы рассчитаться даже за электроэнергию. Важнейшее конверсионное направление на химкомбинате оказалось под угрозой закрытия. После долгих споров отделение радиационно-легированного кремния преобразовали в участок, численность работников сократили вдвое. И даже после всего этого производство кремния не

стало экономически выгодным.

Остается надеяться, что это производство на химкомбинате «Маяк» все же сохранится. Оно необходимо России сейчас, в будущем станет еще нужнее.

* * *

Следующее конверсионное направление на химкомбинате — создание производства кварцевого оптического волокна. Для этого специально строился комплекс. Были размещены заказы на машиностроительных заводах на основное технологическое оборудование по выпуску оптического волокна. Планировалось приступить к производству опытных образцов этой продукции к концу 1994 года. Однако из-за недостаточного финансирования работы по созданию производства кварцевого оптического волокна были фактически остановлены.

Такая же судьба вскоре постигла и третье конверсионное направление — региональную программу по выпуску промышленных телевизоров, а также по производству небольших электродвигателей для бытовой техники.

— Большинство выбранных конверсионных направлений, — отмечает директор химкомбината «Маяк» В.И. Фетисов, — приносит только убытки.

* * *

После остановки пяти промышленных уран-графитовых реакторов, на комбинате осталось всего два действующих реактора-конвертора. На первое место выходят как бы вспомогательные предприятия. Прежде всего — это изотопное производство и переработка-регенерация отработанного ядерного топлива.

Завод радиоактивных изотопов является одним из крупнейших мировых поставщиков радиоактивных источников и радионуклидных препаратов. В числе заказчиков — известные фирмы Англии, Франции, США, Германии. Выпускаемые заводом источники ионизирующих излучений и тепла, а также радионуклидные препараты находят широкое при-

менение в промышленности, научных исследованиях, сельском хозяйстве, медицине и других отраслях науки и техники. Изотопная продукция завода по своему качеству соответствует мировому уровню. Если раньше все внешнеторговые операции по сбыту радиоизотопной продукции шли через Техснабэкспорт, то теперь на мировой рынок химкомбинат выходит в основном самостоятельно. С этой целью создано совместное предприятие с основным потребителем изотопов «Амершан», которое работает прибыльно.

Относительно устойчивое финансовое положение «Маяка» во многом определяется деятельностью изотопного производства и переработкой ядерного топлива. Что касается бюджетного финансирования, оно не покрывает расходов предприятия. Ассигнования из Федерального бюджета сокращаются с каждым годом. Только в 1995 году предусмотрено сокращение ассигнований на дальнейшую деятельность химкомбината примерно на 30 процентов. Сокращаются и оборонные заказы. Объем военной продукции за один 1993 год упал на 38,5 процента.

Производственное объединение «Маяк», — любимое детище военно-промышленного комплекса, сыгравшее колоссальную роль в сохранении мира, переживает нелегкие времена. Они обусловлены не только внешнеполитическими условиями, конверсией, но и расширением гласности, снятием завесы излишней секретности, переходом к рынку.

Вероятно, самый черный день в истории Озерска — 26 апреля 1986 года, когда в Чернобыле взорвался четвертый блок. Озерск не сразу это осознал. Только через несколько лет эхо Чернобыля донеслось до Урала натиском «зеленых», митингами протеста против строительства атомной станции. Чем больше «открывался» город, химкомбинат, тем больше обидных слов он слышал в свой адрес.

— Почему нас считают чуть ли не врагами? — допытывались жители Озерска у приезжих корреспондентов. — Будто мы зла желаем другим...

На первых порах жителям города трудно было менять свою психологию, взгляды. Многие из них десятилетиями воспитывались на том, что им поручена особая миссия, против которой нет веских аргументов. Какие, действительно,

могли быть доводы, если речь шла о спасении Отечества, сохранении мира.

Откровением для многих стало, что у химкомбината «Маяк» есть два различных облика. Один из них героический — производство плутония для атомной бомбы, благодаря чему ликвидирована монополия Соединенных Штатов Америки на владение этим супероружием. И второй образ «Маяка» — трагический: в основном для здоровья тысяч людей, для экологии региона. Действительно, найти в мире вторую такую гигантскую радиоактивную зону невозможно. Регион уникален своей рукотворной бедой. Символами второго облика стали река Теча, радиоактивное озеро Карачай, Восточно-Уральский радиоактивный след.

С началом гласности, большей открытости, многие средства массовой информации стали уделять основное внимание как раз этой стороне дела. Активно разыгрывалась в угоду политическим амбициям карта «радиоактивной помойки», ставилась под сомнение вообще необходимость создания атомного оружия, атомной энергетики в нашей стране.

Кстати, одной из первых публикаций о химкомбинате «Маяк» была статья В. Черткова «Объект особого назначения» в газете «Правда» 4 марта 1989 года. Потом появилось множество других материалов в центральной и местной печати. Во многих публикациях активно насаждалась среди населения радиофобия, перечеркивалось все положительное в деятельности «Маяка». У десятков тысяч людей фактически был украден смысл всей их жизни.

В 1989 году город Озерск посетила первая иностранная делегация. В ее составе были ученые, ранее опубликовавшие свои соображения по научным методам определения и обработки данных по производству ядерных материалов и ядерных боеприпасов. Впоследствии иностранные делегации из многих стран стали частыми гостями города и комбината.

Особый резонанс получило посещение Озерска в сентябре 1994 года делегацией Европарламента. Целью визита, как объяснил тогда глава делегации Луиджи Массима, начальник отдела Комитета европейских сообществ, было обсуждение вопроса открытия совместных научных проектов,

связанных с изучением последствий радиационных инцидентов на Южном Урале и проблемами реабилитации загрязненных территорий.

Не успев как следует «приоткрыться», город и «Маяк» попали в самое пекло политической борьбы, которая в конце 1980-х — начале 1990-х годов буквально раскалывала общество. Не имея определенного опыта, отстраненные от средств массовой информации, атомщики проигрывали в дискуссиях своим оппонентам.

Надо отдать должное руководству химкомбината «Маяк», которое вскоре, осознав создавшуюся ситуацию, пошло на создание Центра по работе с общественностью. Возглавил его Е. Г. Рыжков — инициативный, эрудированный специалист, много лет проработавший на основном производстве. Работники Центра В. П. Матвеевко, Т. П. Борисова и другие активно сотрудничают со средствами массовой информации, как отечественными, так и зарубежными, выступают в газетах, по радио и телевидению. Они принимают в последние годы немало гостей, стремятся показать комбинат и город, рассказать об истории их создания.

3 января 1990 года вышел первый номер городской газеты «Озерский вестник». Редактором ее стал тогда М. Г. Симонов, затем газету возглавил Г. Н. Ярцев.

Центр по работе с общественностью, городская газета созданы были несколько с опозданием, в основном под влиянием бурных событий, развернувшихся вокруг строительства атомной станции и других проблем, будоражащих население области в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

БУДЕТ ЛИ АТОМНАЯ СТАНЦИЯ?

Вопрос о строительстве атомной станции на площадке производственного объединения «Маяк» возник в начале 70-х годов. Именно тогда начались первые проработки по размещению станции, с учетом необходимости решения накопившихся энергетических, экологических и социальных проблем.

В 1981—1982 годах было разработано и утверждено технико-экономическое обоснование строительства Южно-Уральской атомной электростанции (ЮУАЭС) с тремя энергоблоками БН-800, т. е. с реакторами на быстрых нейтронах мощностью по 800 мегаватт электроэнергии каждый. В 1983—1984 годах был завершён проект строительства атомной станции на площадке химкомбината «Маяк». Наконец, в 1984 году в санитарно-защитной зоне производственного объединения «Маяк» началось строительство Южно-Уральской атомной электростанции с реакторами на быстрых нейтронах.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Быстрые реакторы (бридеры) — далеко не теоретическая конструкция, как нередко утверждают их противники. История развития быстрых реакторов насчитывает почти 50 лет. Еще в 1946 году в США был запущен первый экспериментальный быстрый реактор. В последующие годы в США, СССР, Великобритании, Франции, ФРГ и Японии были построены 20 таких реакторов, 14 из которых до настоящего времени находятся в эксплуатации. В нашей стране впервые идея создания быстрых реакторов была предложена академиком А. И. Лейпунским. Под его руководством

разработаны сначала первые экспериментальные реакторы небольшой мощности от БР-1 в 1956 году до БР-10, затем и оба работающих до настоящего времени энергетических реактора: БН-350 в г. Актау (г. Шевченко), в Казахстане, и БН-600 на Белоярской АЭС. Важным этапом в освоении быстрых реакторов стал пуск в 1969 году в Димитровграде мощного исследовательского реактора BOR-60. Опыт эксплуатации быстрых реакторов с натриевым теплоносителем показал, что по сравнению с графитоводяными реакторами (типа РБМК) и водо-водяными (ВВЭР) бридеры более эффективны, экономичны. И самое главное, их преимущество заключается в том, что они значительно безопаснее в радиационном, экологическом отношении. Опыт эксплуатации БН-600 на Белоярской АЭС показывает, что среднесуточные выбросы радионуклидов в атмосферу за последние годы по инертным газам составили 0,17% от допустимых, а долгоживущих и короткоживущих радионуклидов — вообще отсутствовали.

Защитниками строительства Южно-Уральской атомной станции приводились в свое время и другие доводы. Суть их состоит в том, что реализуется идея замкнутого топливного цикла ядерной энергетики с минимальным потреблением природного урана. Как известно, топливом для реактора БН-800 служит обогащенная урано-плутониевая смесь. При ее изготовлении можно использовать оружейный плутоний в количестве 100 тонн, освобождающийся, согласно международным договоренностям, при демонтаже ядерных боеприпасов. К этому следует добавить еще примерно 30 тонн энергетического плутония, выделенного на химкомбинате «Маяк» при переработке использованного топлива энергетических реакторов.

С учетом того, что реактор БН-800 требует 2,3 тонны плутония для начальной загрузки и 1,6 тонны для ежегодной подпитки, для трех планируемых реакторов АЭС, накопленный сверхтоксичный плутоний можно эффективно было бы сжечь за 25 лет, уничтожая при этом оружейный плутоний.

Весомым аргументом в пользу строительства АЭС является то, что значительно сократился бы дефицит электроэнергии на Урале. Появилась бы возможность повышать степень электрификации сельского хозяйства и социально-бытовой сферы, перевести ряд металлургических производств

на более экологичную электрометаллургию, провести природоохранные мероприятия.

С введением в действие АЭС, она производила бы 15 млрд квт-ч электроэнергии ежегодно. Избыток тепла можно было направить на теплоснабжение близлежащих населенных пунктов. Существенно снизится себестоимость электроэнергии, что позволит вполнину уменьшить тариф на нее в области. В условиях свободы цен на органические энергоносители ядерная энергетика становится особенно выгодной из-за ее низкой топливной составляющей. Так, по данным Уралэнерго, себестоимость одного квт-ч на Белоярской АЭС (с реактором типа БН-600, являющимся прототипом БН-800) на 46 процентов меньше, чем на угольных тепловых электростанциях региона. Что касается капитальных затрат на строительство БН-800, то по данным Санкт-Петербургского Атомэнергопроекта, стоимость одного установленного квт-ч для него составляет (в ценах 1991 года) 1530 рублей. Это сопоставимо с показателями для проектируемых АЭС с реакторами повышенной безопасности ВВЭР-1000 и ВВЭР-500, соответственно 1500 и 1600 рублей.

Приводился и следующий довод в защиту строительства Южно-Уральской АЭС. Суть его состоит в том, что улучшится экологическая обстановка в регионе и исчезнет опасность дальнейшего радиоактивного загрязнения рек Обского бассейна. С вводом АЭС будет приостановлен рост уровня загрязненных водоемов и обеспечен полностью контроль за ситуацией по регулированию уровня всего каскада водоемов.

Весьма важно, что не понадобится дополнительно отчуждать территории под станционные сооружения и водоем-охладитель, так как АЭС находится в загрязненной санитарно-защитной зоне химкомбината «Маяк». При этом ликвидируется опасность концентрации больших масс плутония, который сжигался бы Южно-Уральской АЭС. По оценкам специалистов стоимость хранения имеющегося сегодня российского оружейного плутония, составляет 260 миллионов долларов в год.

В беседе с одним из корреспондентов директор химкомбината «Маяк» В. И. Фетисов как-то заметил:

— Говорили, что АЭС нам нужна для того, чтобы производить плутоний. Да не нужен он нам. Его уже столько, что на всех хватит.

— А сколько все-таки? — спросил его корреспондент на всякий случай.

— Я был бы плохим директором, если бы не знал этой цифры и если о ней знали бы все. Это материал стратегический. Национальное богатство России. На производство плутония были направлены колоссальные средства. Вся страна работала на плутоний. Теперь это энергетическое топливо для наших детей, внуков и правнуков. Кстати, плутоний «Маяка» высшей пробы. Американцы заключили контракт с нами и покупают его для проведения космических исследований.

Защитниками строительства АЭС приводился еще и такой довод. С пуском станции снизилась бы социальная напряженность на химкомбинате «Маяк», вызванная сокращением оборонных производств. Известно, что только в связи с закрытием пяти плутониевых реакторов увольнению подлежали 4 тысячи человек, которые смогли бы работать затем на энергетических реакторах.

Казалось бы, все эти аргументы в пользу строительства Южно-Уральской АЭС достаточно убедительны и очевидны. Однако ее строительство, начиная с 1990 года, было прекращено.

Общеизвестны причины всего происшедшего. Прежде всего это Чернобыльская авария. Немаловажны и политические амбиции лидеров разного уровня, и недостаточная информированность населения. Если 75,7 процента жителей Челябинска, находящегося на расстоянии 100 км от строящейся Южно-Уральской АЭС, высказались в марте 1991 года против нее, то жители Челябинска-65, гораздо лучше понимающие суть проблем, имели противоположное мнение.

Воздействие АЭС для населения Озерска составит менее 1 % (0,1 мбэр/год) от радиационного фона химкомбината «Маяк», сложившегося главным образом в результате его предыдущей деятельности (10,6 мбэр/год). Эта дополнительная радиационная нагрузка меньше получаемой дозы от четырехчасового ежедневного просмотра телевизора в течение года.

* * *

Одной из причин прекращения строительства АЭС являлось и то, что не наблюдается единства во взглядах на эти проблемы среди ученых. Даже в выводах и рекомендациях, сделанных в 1991 году комиссией Академии наук СССР по результатам экспертизы проекта реакторной установки, в части ядерной безопасности содержатся определенные противоречия.

С одной стороны, комиссия поддержала предложения об эксплуатации реакторной установки БН-800, а с другой отметил и конструктивные ее недостатки. Эксперты комиссии признали, что «в представленном проекте активной зоны реактора возможно проявление с неопределенной вероятностью положительного натриевого «пустотного эффекта». Устранение появления этого эффекта, по мнению комиссии, является принципиально важным вопросом.

Противники строительства АЭС затем активно использовали в своих доводах частные замечания экспертов. При этом нередко прибегали к запугиванию населения, к различным домыслам на сей счет. Сейчас, кажется, нет никаких препятствий для продолжения строительства Южно-Уральской АЭС.

* * *

Летом 1992 года очередная экспертная комиссия под председательством академика Ю. Н. Руденко вновь подтвердила целесообразность проекта. На протяжении нескольких месяцев восемь подкомиссий изучали проект и обстановку на месте. В 1993 году правительство России приняло Постановление «О строительстве атомных электростанций на территории Российской Федерации». В нем говорится, что «иного экономически оправданного пути развития топливно-энергетического комплекса, кроме строительства АЭС, сегодня предположить невозможно», Вопреки Чернобыльской катастрофе и трагедии 1957 года, люди все больше приходят к выводу, что развитие атомной энергетики неизбежно.

«РАДИОАКТИВНАЯ ПОМОЙКА»?..

Исключительно важной является проблема переработки, хранения отработанного ядерного топлива (ОЯТ) с зарубежных и отечественных атомных станций на химкомбинате «Маяк».

С начала развития ядерной энергетики большинство стран, владеющих ею, в том числе и Советский Союз, предусматривали переработку отработанного в реакторах атомных станций топлива, как необходимую стадию топливного цикла. Для переработки отработанного ядерного топлива был специально построен на химкомбинате «Маяк» и введен в эксплуатацию еще в 1977 году комплекс по регенерации тепловыделяющих элементов (РТ-1). Это единственное предприятие подобного типа в России. На комплексе РТ-1 производится переработка отечественного ядерного топлива реакторов ВВЭР-440, исследовательских реакторов и морских энергетических установок. Объемы переработки отработанного топлива с российских и зарубежных атомных станций в 1992 году составили 116 тонн, в 1993 году — 124 тонны и в 1994 году — около 120 тонн. А химкомбинат мог бы перерабатывать до 400 тонн ежегодно: такова производительность комплекса РТ-1, отвечающего мировому уровню.

Вот как описывает один из корреспондентов увиденное на комплексе: «Из операторской люди управляют автоматическими роботами, разрезающими на мелкие куски тепловыделяющие элементы (ТВЭлы) — шестигранники длиной

около двух метров, внутри которых находится отработанное ядерное топливо (та адская смесь из урана, плутония, стронция, цезия и других элементов, которые родились в ядерном котле).

На станке лежат два шестигранника, и если бы не 400-миллиметровое свинцовое стекло, мне никогда не удалось бы увидеть в натуре кусок элемента из ядерной топки. Там, за стеклом, человека ждет практически мгновенная смерть. Здесь уровень — 60 микрорентген в час. Автоматы за стеклом разрезают шестигранники на мелкие куски и по конвейеру отправляют в ванны с кислотой».

* * *

Буквально до последнего времени остро стоит вопрос о ввозе, переработке и захоронении радиоактивных отходов. В средствах массовой информации появляются многочисленные сообщения, распространяются слухи, утверждающие, что на территорию Челябинской области, в нарушение российских законов и с большим ущербом для населения области, ввозятся для захоронения зарубежные радиоактивные отходы. В целях изучения всего комплекса этой проблемы администрацией области в 1994 году была создана специальная комиссия. 29 сентября 1994 года комиссия подписала акт по результатам рассмотрения ввоза, временного хранения, переработки отработанного топлива и обращения с радиоактивными отходами от его переработки на производственном объединении «Маяк».

В этом акте особое внимание уделяется правовому аспекту данной проблемы. В нем отмечается, что прием отработанного ядерного топлива (ОЯТ) с зарубежных АЭС осуществляется по межправительственным соглашениям, заключенным бывшим СССР с зарубежными странами.

В соответствии с этими соглашениями страны, где АЭС построены при содействии СССР, обязаны возвращать отработанное ядерное топливо в страну, где оно изготовлено (т. е. в Россию). Подтвердил преемственность этих соглашений и Указ Президента России от 21 апреля 1993 года «О выполнении Российской Федерацией межправительст-

венных соглашений о сотрудничестве в сооружении атомных электростанций за рубежом».

Не нарушается и порядок транспортировки отработанного ядерного топлива из-за рубежа. На это получены лицензии Министерства внешнеэкономических сношений России и временные разрешения Госатомнадзора Российской Федерации. Химкомбинат «Маяк», осуществляя прием отработавшего ядерного топлива из зарубежных стран, также руководствуется договором между предприятием и администрацией Челябинской области о ввозе, временном хранении и переработке ОЯТ на территории области от 18 февраля 1994 года, заключенным в соответствии с «Временным положением по правовому регулированию вопросов ввоза на территорию области ядерных материалов». В акте отмечается, что эти обязательства, вытекающие из договора, выполняются. Химкомбинат получил в установленном порядке от Федерального надзора по ядерной и радиационной безопасности России временное разрешение № 6-15/203 от 4 июня 1993 года на все виды деятельности, связанные с обращением с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами. Таким образом, видно, что условия соглашений по ввозу и переработке отработанного ядерного топлива химкомбинатом выполняются.

Особую актуальность приобрел в последнее время экологический аспект проблемы. Анализ деятельности химкомбината «Маяк» показал, что определяющим фактором сложившейся радиоэкологической обстановки, является несовершенная технология обращения с ядерными материалами и радиоактивными отходами. Она применялась в предыдущей деятельности предприятия при выполнении им военных программ по созданию ядерного оружия. В последние годы нормы выбросов (ПДВ) и сбросов (ПДС) химкомбинатом согласовываются в установленном порядке с государственными природоохранными органами. Их фактические величины значительно ниже допустимых и составили для всего предприятия в 1993 году:

— для альфа-активных радионуклидов (долгоживущих) — 0,32% от предельно допустимых выбросов (ПДВ);

— для бета-активных долгоживущих (суммарный) — 3,40% от ПДВ;

— для бета-активных короткоживущих (суммарный) — 0,07% от ПДВ.

Что касается вклада завода № 235, в состав которого входит комплекс по регенерации отработанного ядерного топлива — РТ-1, то в выбросах химкомбината в 1993 году он составил:

— для альфа-активных (долгоживущих) — 82,6% от суммарных;

— для бета-активных (долгоживущих) — 80,3% от суммарных.

Как показали проверки, дозовое воздействие на население, обусловленное выбросами в атмосферу радиоактивных веществ, на несколько порядков меньше величин пределов, установленных «Нормами радиационной безопасности». Максимальная доза облучения критических органов у людей, проживающих в населенных пунктах, прилегающих к химкомбинату «Маяк», не превышает 0,17 процента от предела.

В 1991 году сооружена и пущена в эксплуатацию в составе комплекса РТ-1 установка по остекловыванию радиоактивных отходов. Производительность этой установки такова, что позволяет остекловывать не только отходы, образующиеся в настоящее время, но и перерабатывать ранее накопленные, хранящиеся в емкостях. Только за 1993 год активность в хранилищах высокоактивных жидких отходов (ВАО) сократилась за счет остекловывания на 67 миллионов кюри. Вместе с тем, задерживается ввод в эксплуатацию второй очереди остекловывания в комплексе РТ для замещения существующей установки, срок эксплуатации которой окончился 1 февраля 1995 года.

* * *

Зададимся вопросом: насколько необходимо ввозить на Урал отработанное ядерное топливо и организовывать процесс по его утилизации?

Ответ однозначен: необходимо и экономически очень выгодно. Необходимо потому, что не принимать отработанное топливо с атомных станций и других ядерных установок

нельзя, поскольку в противном случае нужно будет закрыть все атомные станции, прекратить научные исследования в области ядерной физики и, наконец, остановить атомные подводные лодки и ледоколы с ядерными установками. Во-вторых, регенерировать отработанное ядерное топливо очень выгодно со всех точек зрения.

После отработки в ядерном реакторе атомной станции в топливе остается неиспользованным около 40—50% первоначального топлива — урана. Плюс к нему добавляется в результате реакции синтеза 8—10 кг на каждую тонну облученного топлива вторичного делящегося материала — плутония или вернее смесь его изотопов. В дальнейшем они могут быть использованы преимущественно как топливо для атомных станций. Кроме того, в результате ядерных превращений и деления ядер урана и плутония в этой же массе 30—35 кг образуются осколочные элементы, многие из которых не просто уникальны, в силу невозможности получения другим методом, а представляют ценное сырье.

В каждой тонне отработанного ядерного топлива содержится благородных металлов (палладий, рутений, родий) на сумму больше 20 тысяч долларов. В США, во Франции и ряде других стран рассматривают все концентраты жидких радиоактивных отходов, хранящихся в течение 25—30 лет, как один из серьезных источников получения этих благородных металлов. Проблемой извлечения благородных металлов интенсивно занимаются несколько национальных лабораторий и лабораторий ряда фирм США. Пока огромные ценности заключены все еще в неприступную крепость мощного ионизирующего излучения. Но рано или поздно люди научатся извлекать и использовать столь необходимые продукты, наладят производство благородных металлов из отработанного ядерного топлива.

* * *

Комплекс РТ с 1 января 1991 года переведен на полную самоокупаемость, бюджетное финансирование отменено. Комплекс может работать только в непрерывном режиме, и затраты его практически не зависят от объема привозимого

отработанного топлива. В то же время до 40% расходов комплекса РТ составляют затраты на энергоносители, цены на которые постоянно растут, соответственно растут цены и на переработку отработанного ядерного топлива.

Значительную долю в цене переработки этого топлива составляют расходы на обращение с радиоактивными отходами. Только в 1993 году затрачено на ликвидацию озера Карачай свыше миллиарда рублей. Относительно стабильное экономическое состояние химвкомбината «Маяк» почти полностью определяется средствами, полученными за переработку зарубежного отработанного ядерного топлива (ОЯТ).

Многие российские атомные станции не оплачивают готовую продукцию. Без переработки зарубежного топлива комплекс РТ становится убыточным. Так, убытки без учета переработки зарубежного ОЯТ в 1993 году составили бы 9505 миллионов рублей, а в 1994 году около 4 миллиардов рублей.

Из этого следует вывод, что при отказе от приема зарубежного ОЯТ комплекс РТ надо либо закрывать, либо компенсировать убытки из государственного бюджета, Ясно, что закрыть его не представляется возможным, поскольку пришлось бы оставить без контроля сотни миллионов кюри, в накопленных в результате прошлой деятельности отходах.

Итак подчеркнем: оздоровление экологической обстановки вокруг предприятия и строго контролируемое обращение с радиоактивными отходами на современном уровне возможно только при отлаженной работе комплекса РТ.

Глава 38

ЧЕМ ГРОЗИТ ЛИКВИДАЦИЯ КОМПЛЕКСА?

Несмотря на трудное финансовое положение, связанное с неплатежами за продукцию, химвкомбинат «Маяк», тем не менее, выполнял свои обязательства по перечислению валютных средств во внебюджетные фонды области. В 1992 году перечислено в эти фонды 2161 тысяча долларов и 582 миллиона рублей и в 1993—1994 годах — 2700 тысяч долларов и 200 миллионов рублей.

* * *

Как считают специалисты, в случае ликвидации комплекса РТ и при отсутствии бюджетного финансирования можно ожидать следующие негативные последствия:

- сворачивание работ по ликвидации озера Карачай;
- прекращение переработки (остекловывание) накопленных отходов;
- прекращение работ по созданию установок для утилизации и кондиционирования твердых радиоактивных отходов и отверждения жидких средне- и низкоактивных отходов;
- возникновение проблемы обеспечения надлежащего контроля и безопасного хранения делящихся материалов и накопленных радиоактивных отходов;
- возникновение проблемы контроля за содержанием каскада водоемов-накопителей низкоактивных отходов, за

экологической и радиационной обстановкой в регионе;

— прекращение переработки отечественного отработанного ядерного топлива и, как следствие, неизбежность остановки Кольской, Нововоронежской, Белоярской АЭС, что потребует значительных дополнительных бюджетных ассигнований для поддержания их в безопасном состоянии;

— прекращение переработки отработанного ядерного топлива Флота России.

Итак, очевидно, что отказ от приема отработанного топлива зарубежных реакторов, в сложившейся обстановке, приведет к отрицательным экологическим, экономическим и социальным последствиям. Директор химкомбината «Маяк» говорит:

— Переработка ядерного топлива — цивилизованный вид услуг. Англия и Франция имеют мощности, в три раза и более превышающие наши. Мы можем переработать 400 тонн топлива в год. В Словакии, Болгарии, Финляндии, Венгрии — везде есть для нас хорошо оплачиваемая работа. К сожалению, это надо еще доказывать.

Глава 39

КТО ПОМОЖЕТ ЛЮДЯМ?

Кроме строительства АЭС, переработки и захоронения отработавшего топлива, большой общественный резонанс вызывают также проблемы, связанные с реабилитацией граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году, а также пострадавших в результате деятельности производственного объединения «Маяк» и получивших профессиональное лучевое заболевание.

Люди, лишившиеся здоровья по вине государства, долгое время оставались социально не защищенными. Фактически до сих пор в Минатоме отсутствует система учета облученных, не принята Федеральная программа их реабилитации. Для Озерска эта проблема является очень актуальной. Известно, что из 2700 работников бывшего Минсредмаша, заболевших острой или хронической лучевой болезнью, 2400 — это работники химкомбината «Маяк», то есть на всех остальных предприятиях таких больных было всего 300 человек или в восемь раз меньше. Первенец атомной промышленности «Маяк» расплачивался здоровьем многих людей, осваивая новое производство. На его печальном первом опыте учились другие.

В июне 1994 года в Озерске создано объединение граждан, пострадавших в результате деятельности производственного объединения «Маяк» и получивших профессиональное лучевое заболевание. Это общество стремится защищать права и интересы пострадавших граждан, оказывает им правовую помощь.

В свое время многие работники химкомбината, получив профессиональное заболевание, затем выводились в так называемые чистые условия труда, но значительно при этом теряли в зарплате. Пенсия в 176 рублей, как у шахтеров, казалось бы решала их проблемы. Однако правительство, Минсредмаш в свое время не сделали даже этого.

Важным этапом в решении многих социальных проблем почти сорокалетней давности стал Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча». Этот закон вступил в действие в июне 1993 года. Но пока ожидаемого снижения уровня социальной напряженности у населения не произошло.

Число людей, подпадающих под действие закона, оказалось явно заниженным. Изучение архивов и беседы с участниками ликвидации аварии 1957 года показывают, что точного учета участников этих событий нигде и никогда не велось. Речь идет прежде всего о военнослужащих. Так, в письме министру финансов Российской Федерации, подписанном главой администрации Челябинской области В. П. Соловьевым и директором производственного объединения «Маяк» В. И. Фетисовым в октябре 1993 года, указывается, что среди участников ликвидации последствий аварии — более 25 тысяч военнослужащих военно-строительных частей. Сами же строители считают, что их было не менее 30 тысяч, причем, как говорится, только постоянно работавших в течение октября 1957 года — декабря 1959 года. Вместе с тем, известно, что в разовом порядке привлекались военнослужащие, находившиеся в то время в Челябинске-40, а также в расположенных в радиусе минимум 40—50 км от химкомбината «Маяк» воинских частях. При этом им не сообщалось, для чего их привезли на промплощадку, какова истинная цель их работы и насколько опасны условия выполнения поставленной задачи. Дополнительные исследования позволяют уточнить число «скрытых» ликвидаторов. Уже сегодня можно сказать, что их было не менее 5 тысяч человек.

Не включенными оказались в число ликвидаторов и ра-

ботники тех строительно-монтажных организаций, которые в 1954—1957 годах привлекались к реабилитационным работам на реке Тече. Даже у постоянно работавших на промплощадке в документах не указывалась доплата за вредные условия труда, хотя она и производилась.

Как оказалось, некорректным и надуманным по отношению к ликвидаторам является требование составления так называемых «профмаршрутов» — спустя 35 лет после аварии. Если для работников, эксплуатирующих промышленные установки в строго определенном помещении и в условиях стабильных радиационных полей, это вполне справедливо, то для ликвидаторов это требование невыполнимо, так как буквально ежедневно менялись объекты, площадки, уровни радиации, которые находились как на промплощадке, так и за пределами зоны.

Ошибка заключается в том, что методика расчета дозы облучения обслуживающего персонала химкомбината «Маяк» была механически перенесена и на ликвидаторов. Проблема реконструкции накопленной дозы актуальна и для 150 тысяч людей, которые включены в полосу отчуждения Восточно-Уральского радиоактивного следа. Формальный подход к ее определению может вызвать резкое возрастание социальной напряженности у населения.

В 1994 году для выяснения отношения населения Восточно-Уральского радиоактивного следа к социальным проблемам своей жизни был проведен социологический опрос. Результаты исследования показали, что население региона настороженно относится к реализации Закона. Только 4,9% считают, что появились первые результаты, 41,5% полагают, что наконец-то к этой проблеме привлечено внимание правительства и администрации на местах. В то же время 28,2% опрошенных не видят никаких изменений в решении их социальных проблем. У 19,2% появилась надежда, что когда-нибудь облученные получат какую-нибудь компенсацию. Таким образом, 61,4%, не ощущая практических результатов от реализации Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча», тем не

менее, в той или иной степени ожидают поворота властей к решению их проблем.

На вопрос: «кто должен реализовать ожидания большей части населения Восточно-Уральского радиоактивного следа?» ответы распределились следующим образом: президент России и правительство (37,1%), и только 6,6% опрошенных связывают реализацию Закона с областной властью. Понимая, что область испытывает большие проблемы с финансами, вследствие глубокого кризиса промышленности, пострадавшие от радиации ждут помощи от центральной власти. При этом 43,11% опрошенных считают, что финансовые средства, выделяемые на социальную реабилитацию облученного населения, используются не по назначению, еще больше — 56,4% — затрудняются ответить на этот вопрос.

В ходе социологического опроса оценивалось состояние социальной напряженности населения пострадавшего региона. Оценки состояния удовлетворенности жизнью распределились следующим образом: скорее удовлетворены — 0%, скорее не удовлетворены — 23,2%, не удовлетворены — 74,7%. Фактически три четверти опрошенных однозначно не удовлетворены своей жизнью, так как принадлежат к наименее социально обеспеченной группе населения — пенсионерам. Среди них ликвидаторы составляют 71%. Их не удовлетворенность объясняется тем, что в свое время их насильно сюда привезли. По решению правительства определили им очень высокие уровни допустимого облучения — 45 рентген в год (современная доза — 5). Лишь при превышении годовой дозы они переводились в чистые условия труда. Второй критерий, который используется для анализа социальной напряженности пострадавших от радиации, — эмоциональный фон. Настроение пострадавших от радиации можно сгруппировать по степени убывания в следующие данные: тревога — 51,6%, безнадежность — 23,2%, безразличие — 19,9%, возмущение — 13,2%, надежда — 3,3%.

Эти данные показывают, что надежда покинула поколение людей, которое в прошлом преодолевало, казалось, непреодолимые препятствия. Надо иметь в виду, что поколение, которое в наибольшей степени пострадало от радиации,

испытало за короткий исторический срок несколько драматических моментов. Великая Отечественная война и социальное насилие к тем, кого привезли или направили на химкомбинат «Маяк» и к тем, кого выселили из родных мест. Трагедия 1957 года и реки Течи, и — в довершение всего — социальный удар в период перехода к рыночным отношениям.

По мнению опрошенных, государство до сих пор находится в долгу у пострадавших от радиационной аварии — 51,6%. 34,8% в качестве компенсации получили деньги, 9,9% — льготное налоговое обложение, 3,3% — бесплатные или со скидкой лекарства, специальное санаторно-курортное лечение для облученных.

Пострадавшие от радиации испытывают страх остаться без средств существования и медицинской помощи, испытывают, как правило, глубокую обиду на государство. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, жалобы, поступающие в различные государственные органы города и области. Вот только одно из них.

Ликвидатор Николай Иванович Панасенко, бывший военнослужащий, написал в свою воинскую часть: «Когда после года бешеной работы на засыпке эпицентра взрыва, наш полк был построен перед отправкой нас по домам, полковник Сюськин сказал: «Дорогие товарищи, вы сделали большое дело для нашей Родины. Вы сделали возможное и невозможное, и вам один год этой работы зачтется за пять и на пенсию пойдете, если доживете, в 50 лет. Вас, дорогие товарищи, Родина не забудет!». Мне 56 лет, а все, кто со мной рядом работал тогда, в 1958 году, уже умерли. Скоро и я умру, а жизни так и не видел».

ГОРОД ОБРЕТАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

В период утверждения гласности раздавалось немало голосов о ликвидации режимности закрытых городов, о снятии оградений и прочее. Причем в довольно солидных изданиях неоднократно утверждалось, что атомные города не хотят «открываться» только потому, что население их за колючей проволокой объедается шоколадом и колбасой, не желает делиться ими с голодной округой. Многих публицистов мало заботило (а другие вообще не задумывались), что в условиях свободного доступа не исключены случайные или преднамеренные действия, например, в отношении радиоактивных водоемов, ядерных установок. Ситуация улучшилась после принятия в июле 1992 года Закона России «О закрытом административно-территориальном образовании». Закон вступил в силу с 1 августа 1992 года.

Статья первая Закона гласит: «Закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления, территориальное образование, в пределах которого расположены промышленные предприятия по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов, военные и иные объекты (далее предприятия и (или) объекты), для которых необходим особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан».

В статье второй Закона определялось, что закрытое административно-территориальное образование является административно-территориальной единицей. С 1 января 1993 года в бюджет города стали поступать все налоги, собранные на подведомственной администрации территории. Администрация получила право вводить местные налоги и, наоборот, устанавливать налоговые льготы, может предоставлять кредиты и дотации, есть у администрации возможность влиять и на условия аренды помещений и земельных участков. Теперь благополучие населения во многом стало определяться не за счет финансовых поступлений из государственного бюджета, а из местных бюджетных источников.

Ранее мы уже отмечали, что за свою непродолжительную историю поселок, а затем и город как только не назывались: База-10, Челябинск-40, Челябинск-65, Озерск. Наконец, 4 января 1994 года распоряжением Правительства Российской Федерации установлено следующее официальное географическое название населенного пункта в закрытом административно-территориальном образовании (Челябинск-65) — город Озерск. В ЗАТО Озерска вошел и поселок Метлино.

22 сентября 1994 года Челябинская областная Дума приняла решение о присоединении поселка Новогорный к Озерскому закрытому территориальному образованию. Поселок Новогорный был основан по постановлению Совета Министров в 1951 году как спутник химкомбината «Маяк» и города Челябинск-65. Аргаяшская ТЭД строилась специально для комбината, чтобы подавать электроэнергию на предприятия, а также горячую воду для отопления и водоснабжения. В поселке Новогорном строительство ТЭЦ велось подразделениями Южно-Уральского управления строительства. В Новогорном в 1994 году было 6 промышленных предприятий, 4 структурных подразделения Южно-Уральского управления строительства, завод железобетонных изделий, Аргаяшская ТЭЦ, больница на 100 коек, два детских комбината на 240 мест, Дом культуры. 15 мая 1994 года во время выборов в областную Думу в Новогорном был проведен опрос населения относительно присоединения поселка к Озерскому ЗАТО. 98% принявших участие в голосовании высказались «за».

У поселка Новогорный накопилось немало острых проблем: социальных, экологических. Одна из них — снабжение населения питьевой водой. Из семи артезианских скважин четыре пришлось закрыть: дело в том, что линза озера Карачай медленно сдвигается в сторону Новогорного. Между ними не более четырех с половиной километров. Необходимо бурить новые скважины, а это требует больших денежных затрат.

В запущенном состоянии оказалось и жилищно-коммунальное хозяйство. С включением Новогорного в состав Озерска можно, руководствуясь статьей пятой Закона «О закрытом административно-территориальном образовании», все налоги, поступающие от поселка, оставлять в городском бюджете и в конечном итоге решить многие социально-экономические, экологические проблемы населения Новогорного.

* * *

Большие перемены происходили в 90-е годы во властных структурах города. Наряду с местным Советом, как органом законодательной власти, в конце 1991 года была создана новая исполнительная власть — городская администрация.

6 декабря 1991 года главой администрации города Челябинска-65 был назначен Анатолий Николаевич Подольский. В город он прибыл в 1956 году, принимал активное участие в ликвидации аварии на химкомбинате «Маяк» в 1957 году. А. Н. Подольский до назначения главой администрации известен был в городе как начальник городской автоинспекции. Его действительно знали и уважали многие горожане. Но совершенно неожиданным для многих оказалось назначение А. Н. Подольского главой городской администрации.

— Из кабинета начальника ГАИ — в кресло мэра. Хватит ли знаний и профессионализма?

Подобные рассуждения можно было слышать тогда довольно часто. На наш взгляд, определенный интерес представляет беседа корреспондента «Озерского вестника» Марины Абросимовой с А. Н. Подольским, опубликованная в этой газете 19 июня 1992 года. Воспроизведем лишь некоторые ее фрагменты.

«Корр.: — Почему Вы согласились стать главой администрации?»

А. П.: — Первым эту мысль мне подал покойный Г. М. Середа, который вернувшись в августе прошлого года из Москвы, предложил: «Снимай мундир, пошли работать в главную администрацию». Сперва вроде пошутили с ним, посмеялись. Но потом Геннадий Максимович и Виктор Ильич Фетисов обратились ко мне уже серьезно. Тогда я отказался категорически: дескать, нет, братцы, пойду на пенсию, буду капусту в саду выращивать. Изменить решение меня заставил один разговор, состоявшийся после смерти Середы с начальником СМУ-8 М. Мишаковым. Как-то ехали с ним в машине, и он посетовал: «Вчера моя подчиненная не вышла на работу, а когда разобрался, то оказалось, что обуть ей было нечего». Эти слова, честно говоря, подействовали на меня значительно сильнее, чем просьбы тех, кто приходил в ГАИ и уговаривал меня баллотироваться. За четыре дня до сессии я согласился выставить свою кандидатуру, втайне надеясь, что она наверняка не пройдет.

Корр.: — А в результате?

А. П.: — Из 93 депутатов — 64 подняли руки «за».

Корр.: — Вы, безусловно, знаете, что общественность неоднозначно отнеслась к вашему назначению?

А. П.: — За 6 месяцев я побывал практически во всех крупных производственных коллективах. И убедился, горожане понимают, что сегодня не все зависит от главы администрации, они должны видеть, как быстро и конструктивно приходится реагировать на любые изменения в нашей жизни... Поэтому, активных протестов в свой адрес пока не слышал. Хотя прекрасно понимаю, что в современных катаклизмах всем мил не будешь.

Корр.: — Ваше кредо?

А. П.: — Не ломать все созданное до меня, а строить и развивать, опираясь на фундамент здравого смысла.

Корр.: — Всегда ли вы в своей деятельности соблюдаете букву закона, или иногда исходите из соображения целесообразности?

А. П.: — Балансирую на грани фола. С одной стороны — закон нарушать не приучен, а с другой — подхожу к нему

с точки зрения практика: какая польза будет людям? По-моему, всякий уважающий себя руководитель в современных условиях жизни обязан рисковать».

За короткий срок А. Д. Подольский и администрация сделали для города очень много. Именно А. Н. Подольский в результате опроса читателей, проведенных газетой «Озерский вестник», дважды, в 1993 и 1994 году, был назван «Человеком Года».

Деятельность городской администрации началась в сложных общественно-политических и социально-экономических условиях. Это было связано с переходом к рыночным реформам, с повсеместно развернувшейся борьбой за власть. Городской Совет и администрация сначала мирно уживались под одной крышей, но постепенно ситуация обострялась. Депутаты совета стремились всячески регламентировать, урезать функции и полномочия главы администрации, особенно в решении финансовых вопросов.

В феврале 1993 года во время отчета на сессии горсовета главы администрации А. Н. Подольского о работе за 1992 год возник острый конфликт. Дело дошло до того, что глава администрации вынужден был покинуть сессию, заявив при этом; «Финансовая власть в городе, как и в любой крепкой семье должна быть в одних руках, у хозяина». После известных октябрьских событий 1993 года в Москве городской Совет народных депутатов, как и другие Советы различных рангов в стране, был распущен. Власть в городе полностью перешла к администрации.

ЛЮДИ И РЫНОК

В 1992 году Южно-Уральское управление строительства было преобразовано в акционерное общество закрытого типа. На конференции представителей трудового коллектива в том же году генеральным директором акционерного общества избрали Алексея Георгиевича Белошицкого. После окончания Сибирского автодорожного института он работал механиком завода № 1 Управления производственных предприятий ЮУС, затем главным механиком того же предприятия. В 1980 году был назначен главным инженером управления механизированных работ ЮУС, а в июле 1982 года — его начальником.

Несмотря на большой опыт ведения строительных работ, мощную материально-техническую и производственную базу, наличие высококвалифицированных кадров Южно-Уральское управление строительства оказалось в тяжелом экономическом положении. Происходит это из-за целого ряда причин, таких как, например, резкое сокращение заказов на сооружение объектов гражданского и оборонного назначения, отсутствие финансовых средств. На вопрос о том, какие трудности переживает коллектив строителей, заместитель генерального директора акционерного общества закрытого типа «ЮУС» Г. В. Макарычев ответил:

— На бумаге все вроде бы неплохо: показатели производственно-хозяйственной деятельности подразделений ЮУС высокие, но... Положение осложняется тем, что не всегда заказчики могут рассчитаться деньгами, и тогда при-

ходиться идти на такую непопулярную меру, как бартер, получая вместо денег в качестве компенсации за проделанную работу газ или, допустим, дизельное топливо. Бартер крайне невыгоден, поскольку производится через посредников, у которых имеются, естественно, свои меркантильные интересы.

Заработная плата на строительстве в последние годы стала значительно ниже по сравнению с химкомбинатом, многими городскими организациями. Если на химкомбинате «Маяк» средняя заработная плата в 1993 году составляла 200 тысяч рублей, то у строителей она была около 70 тысяч рублей.

— Я признаю, — заявил в своем отчете акционерам А. Г. Белощицкий, — что допустил ошибку, когда, выбирая путь развития акционерного общества ЮУС, делал ставку на стопроцентное сохранение коллектива.

В начале 1994 года численность работающих в подразделениях строительства составляла 9162 человека. Все они являлись вольнонаемными работниками. Кинули в прошлое те времена, когда на этой стройке широко использовался труд солдат военно-строительных частей, заключенных, репатриированных и интернированных, спецпереселенцев. Однако своеобразная психология и специфические привычки, порожденные привлечением этой дешевой подневольной рабочей силы, остались еще у ряда руководителей строительства. Они оказались живучими.

* * *

В не столь отдаленные времена предприятия наперебой зазывали к себе работников, кадровики не одну пару обуви сносили в загородных командировках в поисках специалистов, которые завозились в город со всех концов бывшего Союза.

Безработица в первую голову задела предприятия бытового обслуживания, государственной торговли, расформированные военно-строительные части, где трудились несколько сотен вольнонаемных граждан. Пополнили ряды безработных бывшие работники Кыштымского радиозавода, про-

изводственного объединения «Маяк», монтажных подразделений.

Появилась и скрытая безработица — неполная рабочая неделя, вынужденные отпуска без сохранения заработной платы, связанные с остановками предприятий из-за их неплатежеспособности или отсутствием объемов работ. У безработицы Озерска — женское лицо. До 70% горожан, потерявших работу, — женщины, а свободные рабочие места предназначаются в основном для мужчин.

В 1992 г. Центр занятости взял на себя решение проблемы трудоустройства подростков, и ежегодно до 1200 подростков от 14 лет и старше получают оплачиваемую сезонную и постоянную работу. В 1993 году запущена в работу локальная компьютерная сеть из 17 компьютеров, позволяющих с помощью тестов одновременно 16-ти человекам определять склонности к той или иной профессии.

Ежегодно услугами городской службы занятости пользуются более 2,5 тысяч горожан и жителей поселков Метлино и Новогорный. Городской Центр занятости населения, в котором в 1994 году работали 20 специалистов, стал неотъемлемой частью городской системы социальной помощи населению.

В городе не прекращается ввод нового жилья. Только в 1994—1995 годах будет сдано около 65 тысяч квадратных метров жилой площади. Большая работа проводится по переоборудованию одно- и двухкомнатных квартир в домах старой застройки в благоустроенные трех- и четырехкомнатные квартиры. Проводится капитальный ремонт и реконструкция домов, объектов социально-культурного назначения.

* * *

Переход предприятий в частные руки привел в первое время к сокращению ассортимента необходимых товаров, способствовал росту цен. Создание торгово-производственной фирмы «Базис» помогло преодолению возникших проблем.

Для бесперебойного снабжения населения города продовольственными товарами администрация заключила догово-

ра с тремя птицефабриками и 17 хозяйствами области — бывшими совхозами.

* * *

В сентябре—октябре 1992 года был создан комитет по социальной защите населения и образован фонд социальной поддержки.

Администрация города оказывает денежную, материальную помощь неработающим пенсионерам и инвалидам. С 1 сентября 1992 года стали выплачивать пособия новобрачным, новорожденным, стипендии отличникам учебы. Была организована выдача бесплатных продуктовых наборов к праздникам льготным категориям граждан, неработающим пенсионерам и инвалидам, матерям, имеющим детей в возрасте до 3 лет, многодетным семьям, одиноким матерям, детям-инвалидам и детям-сиротам. Бесплатные продуктовые наборы к праздникам получали 20 категорий горожан.

* * *

При переходе к рыночным отношениям в сложном положении оказалась вся социальная сфера, особенно учреждения культуры, образования, медицина. Даже химвкомбинат «Маяк» оказался не в состоянии содержать ранее принадлежавшие ему детские дошкольные, культурно-просветительные заведения, учреждения здравоохранения.

После раздумий, сомнений систему детских дошкольных учреждений, ряд учреждений культуры передали в муниципальную собственность.

Директор Дворца культуры М. А. Саморуковская вспоминает:

— В 1992—1993 годах наш коллектив остался фактически без средств существования. Многие тогда даже представить себе не могли, что химвкомбинат «Маяк» передаст свой дворец, как его всегда называли «цех культуры химвкомбината». Это было действительно трудное время для нас. Несколько творческих работников ушли из Дворца, стали распадаться коллективы самодеятельности. Наконец, руковод-

ство химвкомбината и городская администрации договорились о передаче Дворца в муниципальную собственность. Помню, 1 сентября 1993 года пригласил меня глава администрации А. Н. Подольский и после продолжительной беседы сказал: «Мы будем помогать вам всем, чем можем. Но вы не должны потерять ни одного участника, ни одного коллектива художественной самодеятельности». Потом на собрании работников Дворца я рассказала о моей встрече с А. Н. Подольским, о его просьбе. Это вдохновило тогда всех нас. Мы не только не потеряли ни одного коллектива, но и создали новые, такие например, как Театр моды, детский музыкальный театр. Жители города по-прежнему любят наш дворец. Я это вижу каждый день, а это, согласитесь, самое главное в нашей работе.

* * *

В бюджете Озерска образовательные расходы составляют 12%. Создана гимназия на базе средней школы № 23, школа с углубленным изучением английского языка, художественно-педагогический колледж, детская гимназия с обучением детей на компьютерах.

Раньше жители окружающих населенных пунктов, одни шутя, другие с завистью, называли жителей Челябинска-40 «шоколадниками». Былые социальные привилегии горожан ушли в прошлое, их давно нет, но город чист и ухожен, в отличие от многих областных центров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и поставлена последняя точка в книге. Теперь — суд читателей. Книга не претендует на абсолютную истину, доскональный анализ всех проблем. Это потребует усилий многих авторов, которые несомненно дополнят нас, пойдут значительно дальше. Им будет, конечно, легче: станут более доступными центральные и местные архивы, будут опубликованы новые документы и свидетельства очевидцев.

Эта книга — результат труда двух профессиональных историков, живших и работавших в свое время в Челябинске-65. С особым волнением мы ждем отзывов о книге ветеранов Южно-Уральского управления строительства, производственного объединения «Маяк», старожилов города Озерска.

Думается, из опыта создания атомной промышленности, строительства и эксплуатации химкомбината «Маяк» можно извлечь немало уроков и для современной молодежи.

Первостроители атомной отрасли искренне считали, что их труд необходим стране, может отстоять мир. И в этом не было ни-

какого заблуждения, никакой ошибки. Угроза стране, всему народу существовала в то время вполне реальная и серьезная. Президент Королевского общества физиков Англии Блеккет сказал по этому поводу: «Ядерные взрывы в Японии были не последними шагами во второй мировой войне, а первыми шагами в «холодной войне» против России».

Но старшее поколение совершило и немало ошибок, нередко слепо веря вождям, их утопическим планам и программам. Это не вина старшего поколения, а беда.

Следует всегда помнить мудрую библейскую заповедь: «Не судите, да не судимы будете». Эта заповедь — напоминание многим из живущих, которые порой скоропалительно оценивают прошлое, своих современников.

Эта книга посвящена прежде всего тем, кто стоял у истоков неизвестной тогда ядерной технологии, поплатился своим здоровьем, а многие и своей жизнью. Как известно, досталось и тем, кто жил на берегах небезызвестной теперь реки Течи, кто попал под ядерный след «первого Чернобыля» — Восточно-Уральского радиоактивного следа.

Несмотря на издержки ядерной эпопеи, беспрецедентность усилий ученых и инженеров, руководителей самых различных рангов и рабочих очевидна. Был сделан гигантский скачок от идеи использования плутония к ее промышленному воплощению. Поражает не только новизна проблемы, но и время, за которое это было сделано.

Мы уверены в том, что эта гигантская работа останется в истории, как пример феноменального самоотверженного порыва в неизвестность, сравнимого, пожалуй, только с первым путешествием Колумба. Пройдет время, постепенно улягутся бушующие страсти вокруг атомных проблем. Здравый смысл должен возобладать, и люди в конце концов оценят по достоинству свершения первопроходцев атомного века.

Хочется надеяться, что эта книга поможет в какой-то мере лучше понять прошлое, заставит задуматься о судьбе нашего многострадального Отечества.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1942 г., март — **И. В. Сталин** принимает решение развернуть в СССР работы по созданию атомной бомбы.

— На заседании Государственного Комитета Обороны **В. М. Молотов** и **М.Г. Первухин** назначены руководителями Уранового проекта.

1943 г., март — Государственный Комитет Обороны утвердил профессора **И. В. Курчатова** научным руководителем Уранового проекта.

1943 г. апрель — Президиум Академии Наук СССР организовал лабораторию № 2. К Урановому проекту подключены Государственный институт редких металлов, Институт общей и неорганической химии и Московский государственный университет.

1944 г. — в Государственном институте редких металлов получен первый килограмм металлического урана.

1945 г. — НИИ — 9 (Институт специальных металлов) приступил к оценке месторождения урана и разработке металлургии урана и плутония.

— Московский электродный завод совместно с лабораторией № 2 разработали и освоили технологию получения сверхчистого графита.

1945 г., август — США осуществили атомную бомбардировку городов Хиросима и Нагасаки в Японии.

1945 г., август — решением Государственного Комитета Оборона образован специальный комитет во главе с Л. П. Берией. Главной целью спецкомитета являлось создание и испытание атомной бомбы.

— Государственный Комитет Оборона образовал Первое главное управление при Совете народных комиссаров СССР, во главе с Б. Л. Ванниковым. Ему поручалось осуществление мероприятий по созданию атомного оружия.

1945 г., май — октябрь — проведение изыскательских работ на Южном Урале по выбору промплощадки для производства плутония.

1945 г., 9 ноября — первый отряд строителей прибыл на будущую промплощадку под Кыштым.

1946 г., август — начало строительства первого промышленного реактора — «Аннушки».

1946 г., сентябрь — октябрь — первые 40 специалистов прибыли для работы на первом промышленном реакторе.

1946 г., декабрь — начало строительства радиохимического завода по отделению плутония от урана.

1947 г., октябрь — пущен первый кинотеатр «XXX лет Октября».

1948 г., 19 июня — пущен первый в Евразии промышленный атомный реактор для разработки оружейного плутония.

1948 г., 22 декабря — начало работы радиохимического завода.

1949 г., 16 апреля — выдана первая конечная продукция химико — металлургического завода.

1949 г., май — открыт стадион «Строитель».

1949 г., 29 августа — произведено испытание первой советской атомной бомбы.

1950 г., март — пущен второй атомный реактор.

1950 г. — драмтеатр перешел в новое здание.

1951 г., апрель — пущен третий атомный реактор.

1951 г., октябрь — пущен четвертый атомный реактор.

1951 г., декабрь — пущен пятый атомный реактор.

1952 г., январь — База — 10 переименована в госхимзавод имени Д. И. Менделеева.

1952 г., сентябрь — пущен шестой атомный реактор.

1952 г., декабрь — образован филиал № 1 Московского инженерно — физического института.

1952 г. — пущен кинотеатр имени Маяковского.

1953 г., май — образован филиал института биофизики Академии медицинских наук СССР.

1954 г., 17 марта — Челябинск — 40 получил статус города с названием Озерск.

1956 г. — открыт Дворец пионеров.

1957 г., 29 сентября — тепловой взрыв радиоактивных отходов.

1958 г. — начал работать Дворец культуры «Маяк».

1959 г. — пущены первые объекты второго радиохимического завода.

1959 г. — начал работать Дворец культуры «Строитель».

1961 г. — начало строительства производства по переработке радиоактивных отходов.

1962 г., июнь — образован завод по производству радиоактивных изотопов.

1976 г., июль — пущена первая очередь комплекса по переработке отработанного ядерного топлива.

1978 г. — введен в строй реактор «Руслан».

1987 г., 16 июня — остановлен первый промышленный атомный реактор.

1987—1991 гг. — остановлены промышленные уран — графитовые атомные реакторы.

Руководители администрации Озерска

Б. И. Толмачев 1949 — 1954 гг. — нач. административного отдела заводууправления

И. З. Ягудин 1954 — 1956 гг. председатель Горисполкома

Г. Т. Ильясов 1956 — 1963 гг. председатель Горисполкома

А. А. Пасевский 1963 — 1969 гг. председатель Горисполкома

Н. Я. Ермолаев 1969 — 1979 гг. председатель Горисполкома

В. Я. Мягков 1979 — 1987 гг. председатель Горисполкома

В. И. Фетисов 1987 — 1988 гг. председатель Горсовета

В. А. Козлов 1988 — 1991 гг. председатель Горисполкома

И. Н. Чернышев 1991 — 1993 гг. председатель Горсовета

А. Н. Подольский с 1991 г. глава администрации

Начальники управления строительства

Я. Д. Рапопорт 1945 — 1947 гг.

М. М. Царевский 1947 — 1950 гг.

П. П. Честных 1950 — 1954 гг.

П. Т. Штефан 1954 — 1958 гг.

А. К. Грешное 1958 — 1959 гг.

В. А. Мусинов 1959 — 1966 гг.

А. В. Пичугин 1966 — 1979 гг.

В. П. Трепалин 1979 — 1986 гг.

Г. М. Середя 1986 — 1991 гг.

А. Г. Белошицкий с 1991 года.

**Директора производственного
объединения «Маяк»**

П. Т. Быстрое 1946 — 1947 гг.
Е. П. Славский июль—ноябрь 1947 г.
Б. Г. Музруков 1947 — 1953 гг.
А. И. Чурин 1953 — 1955 г.
М. А. Демьянович 1955 — 1957 гг.
Г. В. Мишенков 1957 — 1960 г.
Н. А. Семенов 1960 — 1971 гг.
Б. В. Брохович 1971 — 1989 гг.
В. И. Фетисов с 1989 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

А

- Академик А. И. Алиханов. Л., 1989.
Академик В. Г. Хлопин. Л., 1987.
Александров А. П. Ядерная физика и развитие атомной техники в СССР // Октябрь и научный прогресс. М.: АН СССР, 1967.
Александров А. П. Годы с Курчатовым. Наука и жизнь, 1983, № 2.
Антонов—Овсеенко А. В. Лаврентий Берия. Краснодар, 1993.
Антонов—Овсеенко А. В. Атомный король. Смена, 1991, № 3, с.48—60.
Асташенков П. Т., И. В. Курчатов. М., Мол.гвардия.
Асташенков П. Т. Подвиг академика Курчатова. М.: Знание, 1979.

Б

- Базуев Г. Когда уходят солдаты. Красное знамя, 1993. 4,16 декабря.
Берия: конец карьеры. М.: Политиздат, 1991.

Ботов Н. Г. Неизвестная цезиевая авария 1967—1972 гг. на Южном Урале. США, 1990.

Бомба. Некос, 1993.

Брохович Б. В. И. В. Курчатов на Южном Урале — в Челябинске—40. /Воспоминания ветеранов. 1993.

В

Вольфсон Ф. И. Петр Яковлевич Антропов. М., 1985.

Воспоминания об Игоре Васильевиче Курчатове. М.: Наука, 1988.

Воспоминания об академике Л. А. Арцимовиче. М., 1988.

В августе 49—го. Родина, 1992, № 8/9.

Волкогонов Д. А. Сталин. Т.2. М.: Новости, 1992.

Г

Гельман А. Д. Мой путь в науке. М., 1987.

Гладышев М. В. Плутоний для атомной бомбы, 1992.

Гоголь В. Бомба для Сталина. Андрианов В. Четыре портрета. М., 1993.

Головин И. Н. И. В. Курчатов. М.: Атомиздат, 1978.

Головин И. Н. Курчатов — ученый, государственный деятель, человек. /Бюллетень центра

общественной информации по атомной энергии. 1997, № 5.

Горелик Г. Е. Москва, физика, 1937 год //Вопросы истории естествознания и техники. 1992, № 1.

Губарев В. С. Арзамас—16. М., 1992.

Губарев В. С. Челябинск—70 М., 1993.

Губарев В. Ядерный след. Правда, 1989, 25 августа.

Д

Доллежалъ Н. А. У истоков рукотворного мира. М.: Знание, 1989.

Е

Елфимов Ю. Н. Маршал индустрии. /Биографический очерк о А. П. Завенягине. Челябинск: ЮУКИ, 1991.

Елфимов Ю. Н. Когда не было Озерска. Озерский вестник, 1993, № 39,41,43.

Емельянов В. С. Курчатов, каким я его знал. Наука и жизнь, 1968, № 4.

Ж

Жучихин В. Первая атомная. М., 1993.

З

Заславский Ю. Б. История края, в котором живем. 1987.

И

Исаева З. А. Атомная бомба и наша жизнь. 1990.

Иорыш А. И. Морохов И. Д. Иванов С. К. А.бомба. М.: Наука, 1992.

Игонин В. В. Атом в СССР. Саратов, 1975.

К

Как советская разведка «расщепила» американский атом. Новое время, 1991, № 16,17.

Капица П. Л. Письма о науке. М., 1989.

Кафтанов С. В. Воспоминание о Великой Отечественной войне, Капице и других. Химия и жизнь, 1985, № 3.

КГБ открывает тайны. М., 1992.

Комаровский А. Н. Записки строителя. М.: Воениздат, 1967.

Круглов А. К. К истории атомной науки и промышленности //Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. 1993, № 5—12.

Круглов А. К. К истории ядерной и радиационной безопасности //Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. 1994, № 3,4.

Круглов А. К. О первых в нашей стране ядерных реакторах с тяжелой водой //Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. 1994, № 5—6.

Кристофер Эндрю, Олег Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. Нота бене, 1992.С. 325—333, 384—389.

Кыштымская авария крупным планом. Природа, 1990, № 5.

М

Медведев Ж. Атомный ГУЛАГ. Поиск, № 33—34, 10—16 сентября 1994.

Медведев Ж. До и после трагедии. Урал, 1991, № 4.

Медведев Ж. Что же произошло в Кыштыме. Энергия, 1990, № 1.

Михайлов В. Ядерный щит России. Армия, 1993, № 7.

Н

Никипелов Б. В., Микерин Е. И., Романов Г. Н. Спирин Д. А., Холина Ю. Б., Булдаков Л. А. Радиационная авария на Южном Урале в 1957 году и ликвидация ее последствий. Вена, 1990.

Никипелов Б. В., Лызлов А. Ф., Кошурникова Н. А. Опыт первого предприятия атомной промышленности. Природа, 1990, № 2.

Никипелов Б., Романов Г. Кыштым. Восстановление хозяйственной деятельности. Гражданская защита. 1993, № 1.

Никипелов Б. В., Чернов А. Г. Урановая промышленность в СССР. Атомная энергия, т. 68,

О

Овчинников В. В. Горячий пепел. М., 1988.

П

Павлов Б. С., Козлов В. Н., Никитин В. В. Социальная защита населения восточно-уральской территории радиоактивного загрязнения: состояние и проблемы. Челябинск, 1993.

Парнов Е. И. Проблема 92. М.: Молодая гвардия, 1973.

Первухин М. Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране. Родина, 1992, № 8—9.

Полухин Г. А. Краткая история становления и развития комбината «Маяк», 1988.

Полухин Г. А. Первые шаги. История производственного объединения «Маяк», июнь 1993.

Производственное объединение «Маяк». 45 лет., Екатеринбург, 1993.

Р

Радиевый институт им. В. Г. Хлопина. К 50-летию со дня основания. Л.: Наука, 1972.

С

Сатаров В. С. Краткая история Южно-Уральского управления строительства. 1978.

Сахаров А. Д. Воспоминания. Знамя, 1990,

№ 10—12.

Славский Е. П. Когда страна стояла на плечах ядерных титанов. Воен.—истор. журнал, 1993, № 9.

Снегов С. Творцы. Сов.Россия, 1979.

Солдаты челябинского Чернобыля. Военно—исторический журнал, 1993, № 12.

Сохина Л. П. Мои воспоминания о работе на химическом комбинате «Маяк», 1993.

Сохина Л. П. Плутоний в девичьих руках, 1992.

Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991.

Сульянов А. Арестовать в Кремле./ О жизни и смерти маршала Берия. Минск, 1991.

Ч, Ш, Щ

Шевченко В.И. О себе и первом реакторном заводе. 1992.

Щелкин К. И. Обаяние большого таланта. Природа, 1963. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Часть I. Сохранившие мир	7
Глава 1. Урановый проект	8
Глава 2. «Курчатов так Курчатов...»	13
Глава 3. НКВД — во главе... ядерной физики	23
Глава 4. Атомный котел на пустыре	28
Глава 5. Уран возили... на шпиках	30
Глава 6. Есть первый слиток!.. Есть чистый графит!	33
Глава 7. Советский Союз принимает вызов	36
Глава 8. Спецкомитет: Берия и другие	39
Глава 9. Уран с графитом заговорили по-русски	46
Глава 10. Создатели атомной бомбы	52
Глава 11. Начало строительства	57
Глава 12. Объект особой важности	86
Глава 13. Сталин нервничал...	99
Глава 14. Всесильный генерал	106
Глава 15. «Аннушка»	111
Глава 16. В зоне особого режима	121

Глава 17. «Кадры решают все»	130
Глава 18. «Землю изъять, людей — выселить!»	136
Глава 19. «Есть пуск!»	148
Глава 20. «Болезни» реактора	152
Глава 21. Атомная бомба	167
Часть П. Уральский Атомград	173
Глава 22. От Базы-10 к Озерску	174
Глава 23. Кто управлял «сороковкой»?	183
Глава 24. Партия — наш рулевой?..	187
Глава 25. Создатели ядерного щита	198
Глава 26. «А не завалится эта махина?..»	206
Глава 27. Трагедия 57-го	209
Глава 28. В чем причины аварии?	219
Глава 29. Атомщики — театралы	225
Глава 30. Что читают в «сороковке»?	234
Глава 31. К как же без музыки?	236
Глава 32. 40 процентов — студенты!	238
Глава 33. Здоровье озерцев	246
Глава 34. Самая высокая рождаемость?	256
Глава 35. Атомщики строят... молокозаводы?!..	261
Глава 36. Будет ли атомная станция?	270
Глава 37. «Радиоактивная помойка»?..	275
Глава 38. Чем грозит ликвидация комплекса?	281
Глава 39. Кто поможет людям?	283
Глава 40. Город обретает самостоятельность	288
Глава 41. Люди и рынок	293

<i>Заключение</i>	297
Хроника событий	301
Руководители администрации Озерска	306
Начальники Управления строительства	307
Директора производственного объединения «Маяк»	308
Библиография	309

ДЛЯ ЗАМЕТОК

www.natahaus.ru

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.natahaus.ru

